

ISSN 2409-868X

www.aurora-group.eu
www.nbpublish.com

GENESIS

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

AURORA Group s.r.o.
nota bene

Выходные данные

Номер подписан в печать: 31-10-2023

Учредитель: Даниленко Василий Иванович, w.danilenko@nbpublish.com

Издатель: ООО <НБ-Медиа>

Главный редактор: Кодан Сергей Владимирович, доктор юридических наук,
svk2005@yandex.ru

ISSN: 2409-868X

Контактная информация:

Выпускающий редактор - Зубкова Светлана Вадимовна

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Почтовый адрес редакции: 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Библиотека журнала по адресу: http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php

Publisher's imprint

Number of signed prints: 31-10-2023

Founder: Danilenko Vasiliy Ivanovich, w.danilenko@nbpublish.com

Publisher: NB-Media ltd

Main editor: Kodan Sergei Vladimirovich, doktor yuridicheskikh nauk, svk2005@yandex.ru

ISSN: 2409-868X

Contact:

Managing Editor - Zubkova Svetlana Vadimovna

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Address of the editorial board : 115114, Moscow, Paveletskaya nab., 6A, office 211 .

Library Journal at : http://en.nbpublish.com/library_tariffs.php

Редакционный совет

Главный редактор – Кодан Сергей Владимирович, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры теории государства и права, руководитель Научно-образовательного центра проблем изучения теории и истории государства и права Уральского государственного юридического университета. E-mail: svk2005@yandex.ru

Абдулин Роберт Семёнович – кандидат педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и процесса Курганского государственного университета, Заслуженный юрист Российской Федерации, судья Курганского областного суда в отставке.

Акишин Михаил Олегович – доктор исторических наук, кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник Лаборатории гуманитарных исследований Новосибирского научного исследовательского университета.

Батурин Юрий Михайлович – доктор юридических наук, профессор МГУ им. М.И. Ломоносова, чл.-корр. РАН, директор Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук (ИИЕТ РАН), 109012, РФ, Москва, Старопанский переулок, д. 1/5, ИИЕТ РАН

Беляева Галина Серафимовна – доктор юридических наук, профессор, Юго-Западный государственный университет кафедра теории и истории государства и права, 308015, Россия, г. Белгород, ул. Победы, 85,

Билюшкина Надежда Иосифовна – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.

Васильев Дмитрий Валентинович – доктор исторических наук, Российской академия предпринимательства, первый проректор, профессор, 109544, Москва, ул. Малая Андроньевская, д. 15 dvvasiliev@mail.ru

Графский Владимир Георгиевич – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник, заведующий сектором права, государства и политических учений, заведующий Центром теории и истории Института государства и права Российской академии наук. 119019. Россия, г. Москва, ул. Знаменка, д.10.

Дитрих Айше Памир – доктор исторических наук, профессор кафедры истории Средневосточного технического университета, г. Анкара, Турция.

Добрынин Николай Михайлович – доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и муниципального права Института государства и права Тюменского государственного университета. 625000. Россия, г. Тюмень, ул. Ленина, 38.

Ефремова Надежда Николаевна – кандидат юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора истории государства, права и политических учений Института государства и права Российской академии наук.

Жаров Сергей Николаевич – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права Института права Челябинского государственного университета.

Жиртуева Наталья Сергеевна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры

«Политология и международные отношения», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, ул. Университетская, 33, zhr_nata@bk.ru

Зуев Андрей Сергеевич – доктор исторических наук, профессор, первый заместитель директора Сибирского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Ирхен Ирина Игоревна – доктор культурологии, доцент, Академия русского балета им. А.Я. Вагановой, профессор кафедры философии, истории и теории искусства, заведующая аспирантурой, 191023, г. Санкт-Петербург, ул. Зодчего Росси, 2 irkhen67@gmail.com

Каминская Елена Альбертовна – доктор культурологии, АНО ВО «Институт современного искусства», проректор по учебно-методической работе, профессор кафедры режиссуры театрализованных представлений и праздников, 121309, Центральный федеральный округ, г. Москва, ул. Новозаводская, д. 27А, kaminskaya@mail.ru

Ковалева Светлана Викторовна – доктор философских наук, доцент, Костромской государственный университет, профессор кафедры философии, культурологии и социальных коммуникаций, 156005, г. Кострома, ул. Дзержинского, 17, cultural@kstu.edu.ru

Кодан Сергей Владимирович, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры теории государства и права, руководитель Научно-образовательного центра проблем изучения теории и истории государства и права Уральского государственного юридического университета. E-mail: svk2005@yandex.ru

Козлихин Игорь Юрьевич – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

Коробеев Александр Иванович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедра уголовного права и криминологии, Дальневосточный федеральный университет. 690992, г. Владивосток, пос. Аякс, кампус ДВФУ,

Костенко Николай Иванович – доктор юридических наук, профессор Кубанский государственный университет, кафедра международного права, 350915, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Восточно-Кругликовская, 76/4, кв. 133

Кравец Игорь Александрович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории истории государства и права, конституционного права Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, 630090, Новосибирская обл., г. Новосибирск, ул. Пирогова, 1, kravigor@gmail.com

Крайнов Григорий Никандрович – доктор исторических наук, профессор кафедры «Политология, история и социальные технологии», Российский университет транспорта (МИИТ), 127994, г. Москва, ул. Образцова, 9, стр. 2. krainovgn@mail.ru

Красняков Николай Иванович – доктор юридических наук, доцент, заместитель директора (по учебной работе) Института философии и права Новосибирского национального исследовательского государственного университета.

Курбанов, Рашад Афатович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова: 117997, Российская Федерация, г. Москва, Стремянный пер., 36

Лаптева Людмила Евгеньевна - доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора истории государства, права и политических учений Института государства и права Российской академии наук.

Мазур Людмила Николаевна – доктор исторических наук, профессор, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, кафедра документоведения, архивоведения и истории государственного управления, 620000, Россия, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 4, оф. 482

Манин Вячеслав Анатольевич - кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственного и муниципального права Сургутского государственного университета.

Мациевский Герман Олегович – доктор исторических наук, доцент, Краснодарский государственный институт культуры. Кафедра истории, культурологии и музееведения, 350072, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. 40-Летия победы, 33, каб. 132

Нарутто Светлана Васильевна – доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 125993. Москва, ул. Садовая-Кудринская 9, svetanarutto@yandex.ru

Нематов Акмал Рауфджонович - доктор юридических наук, заведующий отделом теоретических проблем современного государства и права Института философии, политологии и права Академии наук Республики Таджикистан.

Нижник Надежда Степановна - доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России.

Николайчук Ольга Алексеевна – доктор экономических наук, профессор, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, профессор Департамента экономической теории, 125993, Москва, ГСП-3, Ленинградский проспект, д. 49, 18111959@mail.ru

Новицкая Татьяна Евгеньевна - доктор юридических наук, профессор, Лауреат Государственной премии Российской Федерации, профессор кафедры истории государства и права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Пешкова Христина Вячеславовна – доктор юридических наук, доцент заведующая кафедрой гражданского, процессуального права, Центральный филиал Российского государственного университета правосудия, 394006, ул. 20-летия Октября, 95, Воронеж Peshkova1@yandex.ru

Побережников Игорь Васильевич - доктор исторических наук, заведующий сектором методологии и историографии отдела истории Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук.

Редин Дмитрий Алексеевич - доктор исторических наук, профессор, заместитель директора по научным вопросам Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук.

Редкоус Владимир Михайлович - доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса ИГП РАН,

профессор кафедры УДПООП ЦКШУ Академии управления МВД России. 119019 Москва, ул. Знаменка, д.10, E-mail: rwmmos@rambler.ru

Рошевская Лариса Павловна – доктор исторических наук, профессор, отдел гуманитарных междисциплинарных исследований Кomi научного центра Уральского Отделения РАН, главный научный сотрудник, 167982, Сыктывкар, Коммунистическая, 24, lp38rosh@gmail.com

Рылёва Анна Николаевна — доктор культурологии, главный научный сотрудник и руководитель Центра непрерывного культурологического образования Российского института культурологии. 119072, Россия, г. Москва, Берсеневская набережная, 18-20-22, строение 3.

Серов Дмитрий Олегович - доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Новосибирского государственного университета экономики и управления.

Скопа Виталий Александрович – доктор исторических наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Алтайский государственный педагогический университет», профессор кафедры Историко-культурного наследия и туризма, 656031, г. Барнаул, ул. Молодежная, 55. sverhtitan@rambler.ru

Смыкалин Александр Сергеевич - доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой истории государства и права Уральского государственного юридического университета.

Ставицкий Владимир Вячеславович – доктор исторических наук, профессор, кафедра Всеобщей истории, историографии и археологии, Пензенский государственный университет, 440052, Россия, Пензенская область, г. Пенза, ул. Тамбовская, 9 кв.106 stawiczky.v@yandex.ru

Сыченко Елена Вячеславовна - PhD (университет Катании, Италия), доцент кафедры трудового права Санкт-Петербургского государственного университета, 199034, Санкт-Петербург, 22 линия В.О., 7. e.sychenko@mail.ru

Тимощук Алексей Станиславович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Владимира юридического института ФСИН России, 600020, Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67-е, human@vui.vladinfo.ru

Тихомиров Юрий Александрович – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ; 117218, Россия, Москва, ул. Б. Черемушкинская, 34

Тищенко Наталья Викторовна – доктор культурологии, ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.», профессор кафедры истории Отчества и культуры, 410004 г. Саратов, ул. Политехническая, 17, mihailovan@inbox.ru

Туманова Анастасия Сергеевна - доктор исторических наук, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории права и сравнительного правоведения Национального исследовательского университета "Высшая школа экономики".

Федоровская Наталья Александровна – доктор искусствоведения, доцент, директор департамента искусств и дизайна Дальневосточного федерального университета, 690091, Владивосток, о. Русский, п. Аякс, кампус Дальневосточного федерального университета, корп. G, ауд. 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Алпатов Сергей Викторович - доктор филологических наук, МГУ имени М.В. Ломоносова, доцент, 105318, Россия, г. Москва, ул. Вельяминовская, 6, кв. 125, alpserg@gmail.com

Бадмаева Екатерина Николаевна - доктор исторических наук, ФГБОУ ВО "Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова", директор Международного научно-исследовательского центра "Ойраты и калмыки на евразийском пространстве", 358000, Россия, республика Калмыкия, г. Элиста, ул. KALMYKIA, ELISTA, Chkalova ST, 7?, KALMYKIA, ELISTA, Chkalova ST, 7?, en-badmaeva@yandex.ru

Блейх Надежда Оскаровна - доктор исторических наук, Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л.Хетагурова, профессор кафедры психологии психолого-педагогического факультета, 362043, Россия, республика Северная Осетия-Алания, г. Владикавказ, ул. Владикавказская, , д. 16, кв. 32, nadezhda-blejjkh@mail.ru

Борисова Нина Александровна - доктор исторических наук, Федеральное государственное бюджетное учреждение "Центральный музей связи имени А.С.Попова", Заместитель директора по науке и технике, Санкт-Петербургский университет телекоммуникаций им. проф. М.А.Бонч-Бруевича, доцент, 197373, Россия, г. Санкт-Петербург, Комендантский, 32-3, кв. 172, borisova@rustelecom-museum.ru

Бурнашева Наталия Ивановна - доктор исторических наук, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Север Сибирского отделения РАН, ведущий научный сотрудник, 677013, Россия, республика Республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Ойунского, 41, кв. 117, n_burnasheva@mail.ru

Величкова Лэдмила Владимировна - доктор филологических наук, Воронежский государственный университет, зав. кафедрой немецкой филологии, 394036, Россия, Воронежская обл область, г. Воронеж, ул. Фр. Энгельса, 7, кв. 28, luvel1@rambler.ru

Володина Людмила Мильтоновна - доктор юридических наук, Тюменский государственный университет, профессор, 111402, Россия, Москва область, г. Москва, ул. Вешняковская, 5 корпус 1, кв. 195, lm.volodina@yandex.ru

Гарскова Ирина Марковна - доктор исторических наук, Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, исторический факультет, доцент кафедры исторической информатики, 119607, Россия, Москва, г. Москва, ул. улица раменки, 31, кв. 253, irina.garskova@gmail.com

Гомонов Николай Дмитриевич - доктор юридических наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Мурманский арктический государственный университет», профессор кафедры юриспруденции, 183010, Россия, Мурманская область, г. Мурманск, ул. Халтурина, 7, оф. 10, Gomonov_Nikolay@mail.ru

Грязнова Елена Владимировна - доктор философских наук, ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина», профессор, 603009,

Россия, г. Н.Новгород, ул. Вологдина, 1 Б, оф. 49, egik37@yandex.ru

Деметрадзе марине резоевна - доктор политических наук, Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва , главный научный сотрудник, институт мировых цивилизации , профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС) , профессор, 117292, Россия, г. москва, ул. нахимовский проспект дом 48 кв.96, 48, demetradze1959@mail.ru

Каминская Елена Альбертовна - доктор культурологии, Автономная некоммерческая организация высшего образования "Институт современного искусства", проректор, 121309, Россия, Москва область, г. Москва, ул. Новозаводская, 27а, kaminskayae@mail.ru

Карпов Игорь Петрович - доктор филологических наук, ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», профессор, 434003, Россия, Республика Марий Эл область, г. Йошкар-Ола, ул. Ленинский проспект, 45, оф. 9, kip52@yandex.ru

Кежутин Андрей Николаевич - доктор исторических наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Приволжский исследовательский медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации, доцент кафедры социально-гуманитарных наук, 603005, Россия, Нижегородская область область, г. Нижний Новгород, ул. М. Горького, 160, кв. 58, kezhutin@rambler.ru

Кобец Петр Николаевич - доктор юридических наук, «Всероссийский научно-исследовательский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», главный научный сотрудник отдела научной информации, подготовки научных кадров и обеспечения деятельности научных советов Центра организационного обеспечения научной деятельности , 121069, Россия, г. Москва, ул. Поварская, д. 25, стр. 1, pkobets37@rambler.ru

Коновалов Игорь Анатольевич - доктор исторических наук, ФГАО ВО "Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского", Декан юридического факультета, 644050, Россия, Омская область область, г. Омск, пер. Комбинатский, 4, кв. 48, konov77@mail.ru

Луговской Александр Михайлович - доктор географических наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет геодезии и картографии» (МИИГАИК), профессор кафедры географии факультета картографии и геоинформатики , 1090548, Россия, Московская область, г. Москва, ул. Шоссейная, 13, оф. 49, alug1961@yandex.ru

Неволина Виктория Васильевна - доктор педагогических наук, ФГБОУ ВО "Оренбургский государственный медицинский университет", Профессор, ФГБОУ ВО "Оренбургский государственный университет", Профессор, 460040, Россия, г. Оренбург, Мира, 8А, кв. 10, nevolina-v@yandex.ru

Нижник Надежда Степановна - доктор юридических наук, Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации», Начальник кафедры

теории государства и права, 191025, Россия, Санкт-Петербург, г. Санкт-Петербург,
Владимирский проспект, 3, кв. 20, n.nishnik@bk.ru

Портнова Татьяна Васильевна - доктор искусствоведения, Российской государственный университет им. А Н. Косыгина, профессор, 127282, Россия, Москва, г. Москва, ул. 117997, 33 Sadovnicheskaya Str., Moscow, Russian Federation, 52 к 4, кв. 457, Infotatiana-p@mail.ru

Редкоус Владимир Михайлович - доктор юридических наук, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт государства и права Российской академии наук, ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса, Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации», Профессор кафедры управления деятельностью подразделений обеспечения охраны общественного порядка центра командно-штабных учений, 117628, Россия, г. Москва, ул. Знаменские садки, 1 корпус 1, кв. 12, rwmmos@rambler.ru

Сивкина Наталья Юрьевна - доктор исторических наук, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, профессор кафедры истории древнего мира и средних веком института международных отношений и мировой истории, 603000, Россия, Нижегородская область область, г. Нижний Новгород, проспект Ленина, 63, кв. 22, natalia-sivkina@yandex.ru

Соков Илья Анатольевич - доктор исторических наук, Волгоградский государственный университет, профессор, 400062, Россия, Волгоградская область, г. г. Волгоград, ул. маршалла Василевского, 2, кв. 4п

Соловьев Константин Анатольевич - доктор исторических наук, Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, профессор, 141402, Россия, Московская область, г. Химки, ул. Чапаева, 9, оф. 72, ksoloviov@spa.msu.ru

Сушкова Юлия Николаевна - доктор исторических наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева", декан юридического факультета, 430007, Россия, республика Мордовия, г. Саранск, ул. Осипенко, 40, кв. -, yulenka@mail.ru

Тропин Николай Александрович - доктор исторических наук, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, старший научный сотрудник, 399771, Россия, Липецкая область, г. Елец, ул. Орджоникидзе, 49, tropin2003@list.ru

Ульянов Олег Германович - доктор исторических наук, профессор МГУ им. М.В. Ломоносова, professor.ulyanov@gmail.com

Шевцова Анна Александровна - доктор исторических наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский педагогический государственный университет», Профессор кафедры культурологии, 127018, Россия, Москва, г. Москва, ул. Стрелецкая, 14к1, кв. 164, ash@inbox.ru

Шульгина Ольга Владимировна - доктор исторических наук, Государственное автономное образовательное учреждение высшего образования города Москвы "Московский городской

"педагогический университет" (ГАОУ ВО МГПУ), Заведующий кафедрой географии и туризма, 119192, Россия, Москва, г. Москва, Мичуринский проспект, 56, кв. 879, Olga_Shulgina@mail.ru

Editorial collegium

Editor-in-Chief -Sergey V. Kodan, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of the Department of Theory of State and Law, Head of the Scientific and Educational Center for the Study of Theory and History of State and Law of the Ural State Law University. E-mail: svk2005@yandex.ru

Abdulin Robert Semenovich - Candidate of Pedagogical Sciences, Professor, Head of the Department of Criminal Law and Procedure of Kurgan State University, Honored Lawyer of the Russian Federation, retired judge of the Kurgan Regional Court.

Akishin Mikhail Olegovich - Doctor of Historical Sciences, Candidate of Legal Sciences, leading researcher at the Laboratory of Humanitarian Studies of Novosibirsk Scientific Research University.

Baturin Yuri Mikhailovich - Doctor of Law, Professor of Lomonosov Moscow State University, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Director of the Institute of the History of Natural Science and Technology named after S.I. Vavilov of the Russian Academy of Sciences (IIET RAS), 109012, RF, Moscow, Staropansky Lane, 1/5, IIET RAS

Belyaeva Galina Serafimovna – Doctor of Law, Professor, Southwest State University Department of Theory and History of State and Law, 85 Pobedy Str., Belgorod, 308015, Russia,

Byushkina Nadezhda Iosifovna - Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Lobachevsky Nizhny Novgorod State University.

Vasiliev Dmitry Valentinovich – Doctor of Historical Sciences, Russian Academy of Entrepreneurship, First Vice-Rector, Professor, 15 Malaya Andronevskaya str., Moscow, 109544 dvvasiliev@mail.ru

Grafsky Vladimir Georgievich - Doctor of Law, Professor, Chief Researcher, Head of the Sector of Law, State and Political Studies, Head of the Center for Theory and History of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 119019. Russia, Moscow, Znamenka str., 10.

Dietrich Ayshe Pamir - Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of History of the Middle Eastern Technical University, Ankara, Turkey.

Dobrynin Nikolay Mikhailovich - Doctor of Law, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Institute of State and Law of Tyumen State University. 625000. Russia, Tyumen, Lenin str., 38.

Efremova Nadezhda Nikolaevna - Candidate of Law, Professor, leading researcher of the history sector. State, Law and Political Doctrines of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences.

Zharov Sergey Nikolaevich - Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Institute of Law of Chelyabinsk State University.

Zhirtueva Natalia Sergeevna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the

Department of Political Science and International Relations, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, Universitetskaya str., 33, zhr_nata@bk.ru

Andrey Sergeevich Zuev - Doctor of Historical Sciences, Professor, First Deputy Director of the Siberian Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation.

Irhen Irina Igorevna – Doctor of Cultural Studies, Associate Professor, Vaganova Academy of Russian Ballet, Professor of the Department of Philosophy, History and Theory of Art, Head of Graduate School, St. Petersburg, 191023, Architect Rossi str., 2 irkhen67@gmail.com

Kaminskaya Elena Albertovna – Doctor of Cultural Studies, ANO VO "Institute of Contemporary Art", Vice-rector for Educational and Methodological work, Professor of the Department of Directing theatrical performances and holidays, 121309, Central Federal District, Moscow, Novozavodskaya str., 27A, kaminskayae@mail.ru

Kovaleva Svetlana Viktorovna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Kostroma State University, Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Social Communications, 17 Dzerzhinskiy str., Kostroma, 156005, cultural@kstu.edu.ru

Kodan Sergey Vladimirovich, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of the Department of Theory of State and Law, Head of the Scientific and Educational Center for the Study of Theory and History of State and Law of the Ural State Law University. E-mail: svk2005@yandex.ru

Kozlikhin Igor Yuryevich - Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Faculty of Law of St. Petersburg State University.

Korobeev Alexander Ivanovich - Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Head of the Department of Criminal Law and Criminology, Far Eastern Federal University. 690992, Vladivostok, village Ajax, FEFU campus,

Kostenko Nikolay Ivanovich – Doctor of Law, Professor, Kuban State University, Department of International Law, 350915, Russia, Krasnodar Territory, Krasnodar, Vostochno-Kruglikovskaya str., 76/4, sq. 133

Igor Kravets – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory of the History of State and Law, Constitutional Law Novosibirsk National Research State University, 630090, Novosibirsk Region, Novosibirsk, Pirogova str., 1, kravigor@gmail.com

Krainov Grigory Nikandrovich – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department "Political Science, History and Social Technologies", Russian University of Transport (MIIT), 127994, Moscow, Obraztsova str., 9, p. 2. krainovgn@mail.ru

Krasniakov Nikolay Ivanovich - Doctor of Law, Associate Professor, Deputy Director (for Academic Affairs) Institute of Philosophy and Law of the Novosibirsk National Research State University.

Kurbanov, Rashad Afatovich - Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Plekhanov Russian University of Economics: 36 Stremyanny Lane, Moscow, 117997, Russian Federation

Lyudmila Lapteva - Doctor of Law, Professor, Leading researcher of the Sector of the History

of State, Law and Political Doctrines of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences.

Lyudmila N. Mazur – Doctor of Historical Sciences, Professor, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Department of Documentation, Archival Science and History of Public Administration, 620000, Russia, Sverdlovsk Region, Yekaterinburg, Turgenev str., 4, office 482

Vyacheslav Anatolyevich Manin - Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of State and Municipal Law of Surgut State University.

Matsievsky Herman Olegovich – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Krasnodar State Institute of Culture. Department of History, Cultural Studies and Museology, 350072, Russia, Krasnodar Territory, Krasnodar, ul. 40-Letiya pobedy, 33, office 132

Narutto Svetlana Vasilevna – Doctor of Law, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Kutafin Moscow State Law University (MGUA), 125993. Moscow, Sadovaya-Kudrinskaya str. 9, svetanarutto@yandex.ru

Akmal Raufjonovich Nematov - Doctor of Law, Head of the Department of Theoretical Problems of Modern State and Law of the Institute of Philosophy, Political Science and Law of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan.

Nizhnik Nadezhda Stepanovna - Doctor of Law, Candidate of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Theory of State and Law of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Nikolaichuk Olga Alekseevna – Doctor of Economics, Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Professor of the Department of Economic Theory, 125993, Moscow, GSP-3, Leningradsky Prospekt, 49, 18111959@mail.ru

Novitskaya Tatiana Evgenievna - Doctor of Law, Professor, Laureate of the State Prize of the Russian Federation, Professor of the Department of History of State and Law of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University.

Hristina V. Peshkova – Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Civil and Procedural Law, Central Branch of the Russian State University of Justice, 95 20th Anniversary of October Str., Voronezh, 394006
Peshkova1@yandex.ru

Igor V. Bereznikov - Doctor of Historical Sciences, Head of the Methodology and Historiography Sector of the History Department of the Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

Dmitry A. Redin - Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Director for Scientific Affairs of the Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

Redkovs Vladimir Mikhailovich - Doctor of Law, Professor, leading researcher of the Sector of Administrative Law and Administrative Process of the IGP RAS, Professor of the Department of UDPOP of the CCSHU Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 10 Znamenka str., Moscow, 119019, E-mail: rwmmos@rambler.ru

Larisa P. Roshchevskaya – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Humanities Interdisciplinary Studies of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian

Academy of Sciences, Chief Researcher, 167982, Syktyvkar, Communist, 24,
lp38rosh@gmail.com

Ryleva Anna Nikolaevna — Doctor of Cultural Studies, Chief Researcher and Head of the Center for Continuing Cultural Education of the Russian Institute of Cultural Studies. 119072, Russia, Moscow, Bersenevskaya embankment, 18-20-22, building 3.

Serov Dmitry Olegovich - Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law of Novosibirsk State University of Economics and Management.

Vitaly A. Osprey – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Altai State Pedagogical University", Professor of the Department of Historical and Cultural Heritage and Tourism, 55 Molodezhnaya str., Barnaul, 656031. sverhtitan@rambler.ru

Smykalin Alexander Sergeevich - Doctor of Law, Professor, Head of the Department of History of State and Law of the Ural State Law University.

Stavitsky Vladimir Vyacheslavovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of General History, Historiography and Archeology, Penza State University, 440052, Russia, Penza Region, Penza, Tambovskaya str., 9 sq.106 stawiczky.v@yandex.ru

Sychenko Elena Vyacheslavovna - PhD (University of Catania, Italy), Associate Professor of the Department of Labor Law of St. Petersburg State University, 199034, St. Petersburg, 22 line V.O., 7. e.sychenko@mail.ru

Timoshchuk Alexey Stanislavovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 600020, Vladimir, Bolshaya Nizhegorodskaya str., 67th, human@vui.vladinfo.ru

Tikhomirov Yuri Alexandrovich – Doctor of Law, Professor, Chief Researcher Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; 34 B. Cheremushkinskaya str., Moscow, 117218, Russia

Tishchenko Natalia Viktorovna – Doctor of Cultural Studies, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A., Professor of the Department of History of Patronymic and Culture, Saratov, 410004, Politehnicheskaya str., 17, mihailovan@inbox.ru

Tumanova Anastasia Sergeevna - Doctor of Historical Sciences, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Theory of Law and Comparative Law of the National Research University "Higher School of Economics".

Ulyanov Oleg Germanovich - Doctor of Historical Sciences, Professor of Lomonosov Moscow State University M.V. Lomonosov, professor.ulyanov@gmail.com

Natalia Fedorovskaya – Doctor of Art History, Associate Professor, Director of the Department of Art and Design of the Far Eastern Federal University, 690091, Vladivostok, Russian Island, Ajax village, campus of the Far Eastern Federal University, bldg. G, room 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Требования к статьям

Журнал является научным. Направляемые в издательство статьи должны соответствовать тематике журнала (с его рубрикатором можно ознакомиться на сайте издательства), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Рекомендуемый объем от 12000 знаков.

Структура статьи должна соответствовать жанру научно-исследовательской работы. В ее содержании должны обязательно присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения такие разделы, как: предмет исследования, методы исследования, апелляция к оппонентам, выводы и научная новизна.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение и заранее оказываются в проигрышном положении. Будет лучше, если для научной полемики Вы обратитесь к текстам монографий или докторских диссертаций работ оппонентов.

Не превращайте научную статью в публицистическую: не наполняйте ее цитатами из газет и популярных журналов, ссылками на высказывания по телевидению.

Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привнести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению.

Уличенные в плагиате попадают в «черный список» издательства и не могут рассчитывать на публикацию. Информация о подобных фактах передается в другие издательства, в ВАК и по месту работы, учебы автора.

Статьи представляются в электронном виде только через сайт издательства <http://www.enotabene.ru> кнопка "Авторская зона".

Статьи без полной информации об авторе (соавторах) не принимаются к рассмотрению, поэтому автор при регистрации в авторской зоне должен ввести полную и корректную информацию о себе, а при добавлении статьи - о всех своих соавторах.

Не набирайте название статьи прописными (заглавными) буквами, например: «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ...» — неправильно, «История культуры...» — правильно.

При добавлении статьи необходимо прикрепить библиографию (минимум 10–15 источников, чем больше, тем лучше).

При добавлении списка использованной литературы, пожалуйста, придерживайтесь следующих стандартов:

- [ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.](#)
- [ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления](#)

В каждой ссылке должен быть указан только один диапазон страниц. В теле статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1, 3], [5-7]. Если идет ссылка на один и тот же источник, то в теле статьи нумерация ссылок должна выглядеть так: [1, с. 35]; [2]; [3]; [1, с. 75-78]; [4]....

А в библиографии они должны отображаться так:

[1]
[2]
[3]
[4]....

Постраничные ссылки и сноски запрещены. Если вы используете сноски, не содержащую ссылку на источник, например, разъяснение термина, включите сноски в текст статьи.

После процедуры регистрации необходимо прикрепить аннотацию на русском языке, которая должна состоять из трех разделов: Предмет исследования; Метод, методология исследования; Новизна исследования, выводы.

Прикрепить 10 ключевых слов.

Прикрепить саму статью.

Требования к оформлению текста:

- Кавычки даются углками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (" ").
- Тире между датамидается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.
- Тире во всех остальных случаяхдается длинное (Ctrl, Alt и минус).
- Даты в скобках даются без г.: (1932–1933).
- Даты в тексте даются так: 1920 г., 1920-е гг., 1540–1550-е гг.
- Недопустимо: 60-е гг., двадцатые годы двадцатого столетия, двадцатые годы XX столетия, 20-е годы ХХ столетия.
- Века, король такой-то и т.п. даются римскими цифрами: XIX в., Генрих IV.
- Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., М. Н. Иванов. Неправильно: М.Н. Иванов, М.Н. Иванов.

ВСЕ СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ.

По вопросам публикации и финансовым вопросам обращайтесь к администратору Зубковой Светлане Вадимовне
E-mail: info@nbpublish.com
или по телефону +7 (966) 020-34-36

Подробные требования к написанию аннотаций:

Аннотация в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований.

Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное

содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается...»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся.

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

Гонорары за статьи в научных журналах не начисляются.

Цитирование или воспроизведение текста, созданного ChatGPT, в вашей статье

Если вы использовали ChatGPT или другие инструменты искусственного интеллекта в своем исследовании, опишите, как вы использовали этот инструмент, в разделе «Метод» или в аналогичном разделе вашей статьи. Для обзоров литературы или других видов эссе, ответов или рефератов вы можете описать, как вы использовали этот инструмент, во введении. В своем тексте предоставьте prompt - командный вопрос, который вы использовали, а затем любую часть соответствующего текста, который был создан в ответ.

К сожалению, результаты «чата» ChatGPT не могут быть получены другими читателями, и хотя невосстановимые данные или цитаты в статьях APA Style обычно цитируются как личные сообщения, текст, сгенерированный ChatGPT, не является сообщением от человека.

Таким образом, цитирование текста ChatGPT из сеанса чата больше похоже на совместное использование результатов алгоритма; таким образом, сделайте ссылку на автора алгоритма записи в списке литературы и приведите соответствующую цитату в тексте.

Пример:

На вопрос «Является ли деление правого полушария левого полушария реальным или метафорой?» текст, сгенерированный ChatGPT, показал, что, хотя два полушария мозга в некоторой степени специализированы, «обозначение, что люди могут быть охарактеризованы как «левополушарные» или «правополушарные», считается чрезмерным упрощением и популярным мифом» (OpenAI, 2023).

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Вы также можете поместить полный текст длинных ответов от ChatGPT в приложение к своей статье или в дополнительные онлайн-материалы, чтобы читатели имели доступ к точному тексту, который был сгенерирован. Особенno важно задокументировать созданный текст, потому что ChatGPT будет генерировать уникальный ответ в каждом сеансе чата, даже если будет предоставлен один и тот же командный вопрос. Если вы создаете приложения или дополнительные материалы, помните, что каждое из них должно быть упомянуто по крайней мере один раз в тексте вашей статьи в стиле APA.

Пример:

При получении дополнительной подсказки «Какое представление является более точным?» в тексте, сгенерированном ChatGPT, указано, что «разные области мозга работают вместе, чтобы поддерживать различные когнитивные процессы» и «функциональная специализация разных областей может меняться в зависимости от опыта и факторов окружающей среды» (OpenAI, 2023; см. Приложение А для полной расшифровки). .

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat> Создание ссылки на ChatGPT или другие модели и программное обеспечение ИИ

Приведенные выше цитаты и ссылки в тексте адаптированы из шаблона ссылок на программное обеспечение в разделе 10.10 Руководства по публикациям (Американская психологическая ассоциация, 2020 г., глава 10). Хотя здесь мы фокусируемся на ChatGPT, поскольку эти рекомендации основаны на шаблоне программного обеспечения, их можно адаптировать для учета использования других больших языковых моделей (например, Bard), алгоритмов и аналогичного программного обеспечения.

Ссылки и цитаты в тексте для ChatGPT форматируются следующим образом:

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Цитата в скобках: (OpenAI, 2023)

Описательная цитата: OpenAI (2023)

Давайте разберем эту ссылку и посмотрим на четыре элемента (автор, дата, название и

источник):

Автор: Автор модели OpenAI.

Дата: Дата — это год версии, которую вы использовали. Следуя шаблону из Раздела 10.10, вам нужно указать только год, а не точную дату. Номер версии предоставляет конкретную информацию о дате, которая может понадобиться читателю.

Заголовок. Название модели — «ChatGPT», поэтому оно служит заголовком и выделено курсивом в ссылке, как показано в шаблоне. Хотя OpenAI маркирует уникальные итерации (например, ChatGPT-3, ChatGPT-4), они используют «ChatGPT» в качестве общего названия модели, а обновления обозначаются номерами версий.

Номер версии указан после названия в круглых скобках. Формат номера версии в справочниках ChatGPT включает дату, поскольку именно так OpenAI маркирует версии. Различные большие языковые модели или программное обеспечение могут использовать различную нумерацию версий; используйте номер версии в формате, предоставленном автором или издателем, который может представлять собой систему нумерации (например, Версия 2.0) или другие методы.

Текст в квадратных скобках используется в ссылках для дополнительных описаний, когда они необходимы, чтобы помочь читателю понять, что цитируется. Ссылки на ряд общих источников, таких как журнальные статьи и книги, не включают описания в квадратных скобках, но часто включают в себя вещи, не входящие в типичную рецензируемую систему. В случае ссылки на ChatGPT укажите дескриптор «Большая языковая модель» в квадратных скобках. OpenAI описывает ChatGPT-4 как «большую мультимодальную модель», поэтому вместо этого может быть предоставлено это описание, если вы используете ChatGPT-4. Для более поздних версий и программного обеспечения или моделей других компаний могут потребоваться другие описания в зависимости от того, как издатели описывают модель. Цель текста в квадратных скобках — кратко описать тип модели вашему читателю.

Источник: если имя издателя и имя автора совпадают, не повторяйте имя издателя в исходном элементе ссылки и переходите непосредственно к URL-адресу. Это относится к ChatGPT. URL-адрес ChatGPT: <https://chat.openai.com/chat>. Для других моделей или продуктов, для которых вы можете создать ссылку, используйте URL-адрес, который ведет как можно более напрямую к источнику (т. е. к странице, на которой вы можете получить доступ к модели, а не к домашней странице издателя).

Другие вопросы о цитировании ChatGPT

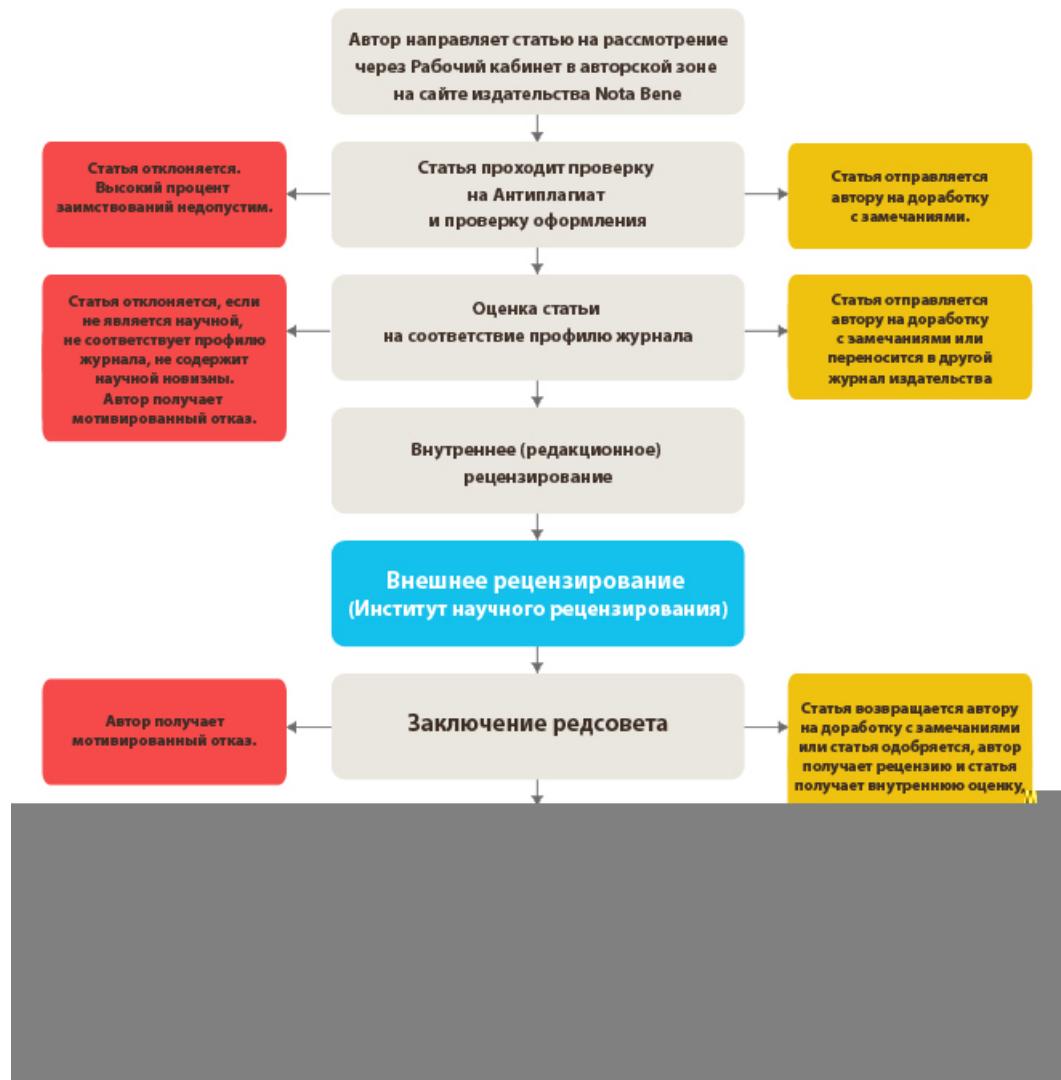
Вы могли заметить, с какой уверенностью ChatGPT описал идеи латерализации мозга и то, как работает мозг, не ссылаясь ни на какие источники. Я попросил список источников, подтверждающих эти утверждения, и ChatGPT предоставил пять ссылок, четыре из которых мне удалось найти в Интернете. Пятая, похоже, не настоящая статья; идентификатор цифрового объекта, указанный для этой ссылки, принадлежит другой статье, и мне не удалось найти ни одной статьи с указанием авторов, даты, названия и сведений об источнике, предоставленных ChatGPT. Авторам, использующим ChatGPT или аналогичные инструменты искусственного интеллекта для исследований, следует подумать о том, чтобы сделать эту проверку первоисточников стандартным процессом. Если источники являются реальными, точными и актуальными, может быть лучше прочитать эти первоисточники, чтобы извлечь уроки из этого исследования, и перефразировать или процитировать эти статьи, если применимо, чем использовать их интерпретацию модели.

Материалы журналов включены:

- в систему Российского индекса научного цитирования;
- отображаются в крупнейшей международной базе данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, что гарантирует значительное увеличение цитируемости;
- Всем статьям присваивается уникальный идентификационный номер Международного регистрационного агентства DOI Registration Agency. Мы формируем и присваиваем всем статьям и книгам, в печатном, либо электронном виде, оригинальный цифровой код. Префикс и суффикс, будучи прописанными вместе, образуют определяемый, цитируемый и индексируемый в поисковых системах, цифровой идентификатор объекта — digital object identifier (DOI).

[Отправить статью в редакцию](#)

Этапы рассмотрения научной статьи в издательстве NOTA BENE.

Содержание

Колосков Е.А. Образ российского панславизма последней трети XIX в.: историография вопроса и проблема оценки	1
Бондарев С.В. «Совет был конфликтной комиссией, а не руководящим органом». Деятельность Совета хранителей пригородных дворцов-музеев.	11
Ярмолич Ф.К. Транспортная инфраструктура Ленинграда и социально-экономические изменения в жизни города 1950–1960-х гг.	25
Степанова Ю.В. Бельские волости в XVI-XVII вв.: историко-географическая характеристика региона на западном рубеже Русского государства	32
Боваев Н.Б. Производство переписи скота в социальном быте калмыков: на материалах инструкции переписи скота конца XIX – начала XX века	41
Боваев Н.Б. Проблема положения мировых судей в социальном быте калмыков второй половины XIX века	50
Боваев Н.Б. К вопросу о натуральных повинностях и проектировании трактов в социальном быте Внутренней Орды конца XIX – начала XX века	59
Нурисламов Р.Р. Бюро экономической информации Гамбург-Бремен и скрытая пропаганда Веймарской Германии за рубежом в 1923-1932 гг.	70
Шумаков М.Д. Значение обороны Царицына в 1918 году. Экономический и военно-стратегический аспекты	81
Савенко Е.Н., Трояк И.С., Минаков А.Г. Письма воина-сибиряка – источник по истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.	96
Малай В.В., Пажвак С.Б. Проблемы начального этапа гражданской войны в Греции (1946-1949) на страницах британской печати	107
Надькин Т.Д., Мартыненко А.В., Мальченков Д.П. К вопросу об историографии сталинской модернизации регионального крестьянского социума в СССР (на материалах Мордовии)	120
Ивлев Н.Н. Жизнь и творчество художника-педагога на Южном Урале как проявление социального и профессионального героизма (на материалах биографических данных о Питиримовой Виктории Мухаметовны)	128
Англоязычные метаданные	146

Contents

Koloskov E.A. The image of Russian Pan-Slavism in the last third of the XIX century: historiography of the issue and the assessment issue	1
Bondarev S.V. "The council was a conflict commission, not a governing body". Activities of the Council of Curators of Suburban Palaces and Museums.	11
Yarmolich F.K. Leningrad's Transport Infrastructure and Socio-economic Changes in the Life of the City in the 1950s – 1960s.	25
Stepanova I. Volosts of Belya in 16th-17th centuries: historical-geographical characteristic of the region on the Western border of The Russian State	32
Bovaev N.B. On the Kalmyk cattle census of the late XIX – early XX century: based on the materials of the instructions of the cattle census	41
Bovaev N.B. The problem of the position of magistrates in the social life of the Kalmyks of the second half of the XIX century	50
Bovaev N.B. On the question of natural duties and the design of tracts in the Social Life of the Inner Horde of the late XIX - early XX century	59
Nurislamov R.R. The enlightenment committee Hamburg-Bremen and covert Propaganda of Weimar Germany abroad, 1923-1932	70
Shumakov M.D. The Significance of the Defense of Tsaritsyn in 1918. Economic and Military-strategic Aspects.	81
Savenko E.N., Troyak I.S., Minakov A.G. Letters of a Siberian soldier - a source on the history of the Great Patriotic War of 1941-1945	96
Malai V.V., Pazhvak S.B. Problems of the initial stage of the Greek Civil War (1946-1949) on the pages of the British press	107
Nad'kin T.D., Martynenko A.V., Mal'chenkov D.P. On the Historiography of the Stalinist Modernization of the Regional Peasant Society in the USSR (based on the materials of Mordovia)	120
Ivlev N.N. The life and work of an artist-teacher in the Southern Urals as a manifestation of Social and Professional Heroism (based on biographical data about Victoria Mukhametovna Pitirimova)	128
Metadata in english	146

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Колосков Е.А. — Образ российского панславизма последней трети XIX в.: историография вопроса и проблема оценки // Genesis: исторические исследования. – 2023. – № 10. DOI: 10.25136/2409-868X.2023.10.44203 EDN: YEWENY URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=44203

Образ российского панславизма последней трети XIX в.: историография вопроса и проблема оценки

Колосков Евгений Андреевич

ORCID: 0000-0002-8123-2924

кандидат исторических наук

доцент, кафедра теории и истории международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет

191060, Россия, Санкт-Петербург область, г. Санкт-Петербург, ул. Смольного, подъезд № 8, оф. подъезд № 8

eakoloskov@yandex.ru

[Статья из рубрики "История права и государства"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2023.10.44203

EDN:

YEWENY

Дата направления статьи в редакцию:

03-10-2023

Дата публикации:

11-10-2023

Аннотация: Объектом исследования в данной статье выступает образ российского панславизма последней трети XIX века. Предметом исследования является отражение и объяснение феномена российского панславизма в отечественной и зарубежной историографии и публицистики XX-XXI вв. Предпринята попытка проследить изменение оценки взаимосвязи российского панславизма последней трети XIX в. с идеей славянской взаимности через призму восприятия внешней политики России/СССР сквозь на фоне ключевых политических событий соответствующего периода. В рамках данного исследования автор постарался дистанцироваться от предложения определения данного термина или от попыток сопоставления его с идеей славянской (или православной

взаимности), как векторы внешней политики. Основными выводами данного исследования можно считать констатацию факта, что в отечественной традиции сохраняется стремление разделять панславизм, славянофильство, идею славянской и православной взаимности, резко протестуя против смешивания этих понятий и бесконечно дискутируя насчет их определения и соотношения с внешней политикой России и других славянских стран, в то время как в зарубежной традиции авторы склонны прослеживать непрерывный генезис с середины XIX в. и до настоящего момента, объединения зачастую весьма различные по своей структуре политические и общественные взгляды в рамках единого термина "панславизм".

Ключевые слова:

панславизм, славянская взаимность, образ России, национальные стереотипы, международные отношения, историография, Внешняя политика, СССР, Сталин, Энгельс

Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 23-28-00090 «Образ российского панславизма в Западной Европе в последней трети XIX века». Код ГРНТИ 03.23.31.

Панславизм считающийся идеологией, в том числе порой приписываемой официальному Санкт-Петербургу [52], в последней трети XIX в., буквально сразу после первого политического применения термина в 1848 г. стал предметом пристального изучения современниками, как в России, так и за ее пределами. В современных условиях, когда идея объединения по национальному или лингвистическому принципу выглядит достаточно подозрительно, как в глазах ученых, так и общественности, приставляется актуальным разобраться в причинах и методах конструирования образа российского панславизма в Западной Европе XIXв.

В рамках данного исследования мы постараемся проследить динамику изменения оценки взаимосвязи российского панславизма последней трети XIX в. с идеей славянской взаимности через призму восприятия внешней политики России/СССР на основе отечественной и зарубежной историографии XX-XXI вв. Необходимо подчеркнуть, что мы, в рамках данного исследования, не будем стараться дать определения данному термину или пытаться сопоставить его с идеей славянской (или православной взаимности).

Пожалуй, ни что столь серьезно не повлияло на оценки панславизма в России и за ее пределами в XX в., как две статьи Ф. Энгельса опубликованных в «Neue Rheinische Zeitung» в январе и феврале 1849 г. [40, 42]. Один из наиболее влиятельных идеологов для XX в. весьма однозначно отозвался об идее объединения славянства, видя в ней «главное орудие контрреволюции», экспансонизм России и прямую угрозу для немцев и мадьяр [40, с. 181-184]. Отметим, что и в дальнейшем Энгельс продолжил критику панславизма, видя в нем обоснование российского экспансонизма, и внешней политике России, представляющей угрозу для германского народа и рабочего движения в целом, как в своих статьях [41], так и в частной переписке [43].

Вполне ожидаемо, что ответ был очевиден, и мы видим, что дальнейшее развитие идей панславизма проходило в русле шовинистической концепции, в рамках поиска антиславянского заговора, в том числе и германского. Учитывая, что первая версия панславизма была явно навеяна концептом «культурной немецкой нации» и набиравшим

силу в 1830-е гг. пангерманским движением взаимная неприязнь двух течений была неизбежна.

С другой стороны, критическая оценка Энгельса не могла не повлиять на советскую историографию, заклеймившую в статье М.И. Покровского «Панславизм на службе империализма» в 1927 г. [33, с. 1]. Дальнейшие работы, в частности диссертация и А.А. Михайлова 1939 г. «Очерки по истории славянофильства 40–50-х годов (панславистские тенденции в раннем славянофильстве)», в целом, сформировали традицию прямого сопоставления славянофильства (во внутренней политике) и панславизма (во внешней политике) вместе с их отождествлением с царизмом, консерватизмом и национализмом [23]. Пожалуй, единственное, что вызывало несогласие: это оценка внешней политики царской России и ее роли в международных отношениях Энгельсом, что наиболее наглядно было продемонстрировано в рамках спровоцированного И. Сталиным обсуждения возможности публикации вышеупомянутой статьи Энгельса «Внешняя политика русского царизма» в Политбюро ЦК ВКП(б) в 1934 г. – как известно, 22 июля 1934 г. Политбюро ЦК ВКП(б) признало нецелесообразным публикацию статьи Энгельса «Внешняя политика русского царизма» в «Большевике». Этому решению предшествовало письмо Сталина членам Политбюро от 19 июля, в котором статье Энгельса давалась критическая оценка [38] и негативной реакции Сталина на публикацию в том же году письма Энгельса к румынскому публицисту и переводчику И. Надежде в 13–14 номере журнала Большевик с комментариями [37] Г.Е. Зиновьева (по предположению Сталина [43]), посвященному 20-летию ПМВ.

Трансформация отношения к идеи славянской взаимности, по нашему мнению, было вызвано началом Второй мировой войны и планами послевоенного переустройства. Как уже отмечалось, Сталин лично выступил против критиков внешней политики России в лице Энгельса в письме членам Политбюро ЦК ВКП(б) 19 июля 1934 г. [38]. А 31 мая 1941 г. на страницах журнала «Большевик» эта критика стала достоянием всех членов партии [39]. Создание Всеславянского комитета 5 октября 1941 г. в Москве, во многом также стало сигналом к изменению отношения идеи славянской взаимности, а многочисленные обращения к славянским народам – «угнетенным братьям славянам» – тому подтверждением. Также можно говорить и об изменении акцентов в оценке внешней политики царского правительства. Можно вспомнить и так покоробившее М. Джиласа слово кремлевского экскурсовода о «наших царях» [10, с. 118]. Подобная позиция власти вкупе с необходимостью исторического обоснования советского экспансиионизма в конце 1930-х гг. и созданию Восточного блока во второй половине 1940-х гг. резко расширила список работ посвященных интересующей нас проблематике, как со стороны политиков, так и со стороны академического сообщества. Определенный парадокс отношения к панславизму в период и сразу после Великой отечественной войны, а именно, обвинение его в реакционности и империализме (например, А.Н. Толстой: «Мы решительно и твердо отвергаем самую идею панславизма, как насквозь реакционного течения, глубоко враждебного равенству народов и высоким задачам национального развития государств и народов») [6, с. 9], вместе с восхвалениями после войны идеи общеславянского братства, противостоящего германо-романскому миру, например, статья Э. Бенеша «Единство славянских народов – фундамент мира в Европе» в журнале «Славяне» [20] и принесшего победу над фашизмом (тема славянского единства, как основы победы над германским фашизмом и гаранта мира подробно рассмотрены в статьях И. Бороздина [4] и А. Гундорова [9]) сохранился в течении всего советского периода. Отдельно стоит отметить очевидное

стремление откликнуться от термина «панславизм» как в советской историографии, так и в странах Восточного блока, с целью преодоления вышеуказанной дилеммы, т.е. нежелание признавать, отмечаемую западными критиками, схожесть внешней политики Советской и царской России в указанный временной период. В институциональном плане важно вспомнить, что именно в указанный временной промежуток – в конце 1946 г. – в Москве воссоздается Институт Славяноведения АН СССР, существовавший ранее короткий промежуток времени 1931–1934 гг. в Ленинграде [27]. Разумеется идеи славянской взаимности ожидали не встречали поддержки в социалистических Румынии, Венгрии и Албании.

За пределами России интерес к изучению панславизма также не угасал в межвоенный период, в частности, в 1932 г. Х. Коном, одним из пионеров академического изучения национализма, тема панславизма была затронута в книге «Национализм в Советском Союзе» [54]. Пик интереса ожидаемо выпадает на начальный этап Холодной войны 1950-е гг. Именно в этот период публикуются труды Кона «Панславизм: история и идеология» (1953 г.) [56] и Х. Арендт «Истоки тоталитаризма» [50], в которых панславизм рассматривается, как предтеча большевизму и в качестве обоснования советского экспансионаизма. Без внимания не остается и активное использования славянской идеи и в годы ВМВ [55]. Отметим, что в России интерес к этой теме появился уже в наше время [16, 46]. Влияние эмигрантской традиции, в свою очередь, обосновало более пристальное изучение культурных элементов панславизма в ущерб политическому составляющему концепции, что заметно в работах Н.В. Рясановского («Россия и Запад в учении славянофилов», 1952 г.) [57, р. 202–210] и М.Б. Петровича («Возникновение русского панславизма в 1856–1870 гг.», 1956 г.) [58]. Очевиден в работах авторов 50–60-х гг., особый интерес к чешскому варианту панславизма, например, в статье Д.Ф.Н. Брэдли, специалиста по дипломатической истории, и желание за его счет разделить панславизм на «хороший» и «плохой»: на «русский» (экспансионистский и консервативный) и «славянский» (защитный и демократический) [50, 51] или же, в рамках русского панславизма на «государственный» и «радикально-демократический», как предлагает Ф. Фаднер («Семьдесят лет панславизма в России. От Карамзина к Данилевскому», 1962 г.) [52, р. 404].

Пожалуй, наиболее развернутый ответ на обвинения «советского панславизма»дается в статье В.К. Волкова «К вопросу о происхождении терминов "пангерманизм" и «"панславизм"» в сборнике Славяно-германские культурные связи и отношения 1969 г., где автор отмечает схожесть происхождения терминов, но подчеркивает различие «классовых корней» и «роли которую они сыграли в судьбах народов Европы и всего человечества» [5], не осознавая, насколько он близок к восприятию пандвижений у Х. Арендт [49, р. 222–228] и попыткам продемонстрировать демократические начала пангерманизма у Х. Сетон-Ватсона [61, р. 446–447].

Распад Восточного блока и СССР снижает интерес к истории славянской взаимности в странах Запада, но, одновременно, поднимает интерес к панславизму в России и в Восточной Европе. Отмечено, что «дискуссии советских историков на IX съезде славистов (1983 г.) показали, что советская историография готова пересмотреть прежние идеологические установки относительно панславизма» [36, с. 100]. В 1989 г. в СССР был создан Всеславянский собор в качестве региональной организации с центром в Вологде, что положило начало созданию целой плеяды разных панславистских

общественно-политических организаций в современной России [11, 14]. На исходе советской эпохи в академической среде примером ревизии подходов к славянофильству и панславизма стали работы Н.И. Цимбаева [47] и В.А. Дьякова [13], что наряду с авторитетом В.К. Волкова, возглавившего в 1987 г. Институт славяноведения и балканистики Академии наук СССР, открыло путь к переосмыслению оценок славянской взаимности и роли России в этом процессе, чему так же немало способствовала трагедия роста национализма и распада СССР и СФРЮ. Интерес к панславизму, как элементу внешней политики России или даже варианту пути России [12, с. 571–573, 600], заметен и в трудах отечественных политических публицистов рубежа XX – начала XXI вв. [44, 35, 26, с. 104, 147–164, 197, 202–206].

Новый всплеск интереса к панславизму на Западе и в России возникает в период активизации российской культурной дипломатии в Европе и новой актуализации вопроса славянской (и православной) взаимности во второй половине 2000-х – начале 2010-х гг. Попыткой рассмотреть феномен в формате международной дискуссии предпринял международный коллектив исследователей опубликовавший свои работы в сборнике «Пост-панславизм: славянство, славянская идея и антиславизм в XX и XXIв.» опубликованном в судьбоносном 2014 г. Авторы обратили основное внимание на формирования идентичности, основанные на славянской идее, с учетом национальных и международных дискурсов, антиславизма – критике идей идеи славянской взаимности на примере Греции и Италии [61].

На фоне массового создания различных культурных фондов и публикации классических авторов, среди которых К.С. Аксаков «Государство и народ» (2009) [11], В.И. Ламанский «Геополитика панславизма» (2010 г.) [22], А.С. Хомяков «Всемирная задача России» (2011) [45], М.П. Погодин «Вечное начало. Русский дух» (2011) [32], стали массово появляться работы, затрагивающие тему панславизма. Отметим лишь основные тенденции исследований: авторы изучают истоки панславизма и происхождение термина (Г.В. Рокина [36], А.А. Григорьева [7, 8], А.В. Мырикова [24, 25], И.В. Чуркина [48]), сопоставляют славянофильство и панславизм (В.А. Болдин [3], М.К. Ковтуненко [7, 8], Б.А. Прокудин [34]), занимаются анализом отечественной и зарубежной историографии панславизма (О.В. Павленко) [28, 29, 30, 31].

В работах современных авторов большое значение уделяется роли панславизма в современной России: целый ряд исследователей пытается проанализировать значение влияния концепта славянской взаимности на современную внешнюю политику РФ [11]. Также в последнее время снова возрос интерес к отдельным известным персоналиям и их роли в формировании российской внешней политики. Среди них отметим работы посвященные В.И. Ламанскому [21], И.И. Дусинскому [19, 20], И.П. Липранди [15] и др. Западная попытка осмыслиения панславизма (не только российского) получило, пожалуй наиболее яркое воплощение в коллективной монографии «Панславизм и славянофильство в современной Центральной и Восточной Европе: истоки, проявления и функции», увидевшей свет в феврале 2023 г. [59]. Панславизм рассматривается в данном исследовании коллективом авторов в максимально широком значении, включая и югославизма, и российские апелляции к славянской и православной солидарности, конкурирующие, по мнению авторов, с европейской идентичности.

Современная попытка реанимировать идею славянской взаимности, зачастую, просто придав ей новое название, в глазах западных исследователей очевидно имеет схожесть

с советской и имперской традицией и, в целом, воспринимается со значительной долей подозрения. На этом фоне обилие исследований, посвященных развитию центрально-европейского панславизма, по сути воскрешает концепцию разделения панславизма на «русский» и «славянский».

Таким образом мы приходим к выводу, что в отечественной традиции сохраняется стремление разделять панславизм, славянофильство, идею славянской и православной взаимности, резко протестую против смешивания этих понятий и бесконечно споря насчет их определения и соотношения с внешней политикой России и других славянских стран, в то время как в зарубежной традиции авторы склонны прослеживать непрерывный генезис с середины XIX в. и до настоящего момента, объединения зачастую весьма различные по своей структуре политические и общественные взгляды в рамках единого термина «панславизм».

Библиография

1. Аксаков К.С. Государство и народ. М.: Институт русской цивилизации, 2009. 608 с.
2. Бенеш Э. Единство славянских народов-фундамент мира в Европе // Славяне. 1946. № 5. С. 26.
3. Болдин В.А. Панславистские политические концепции: генезис и эволюция. М.: Аквилон, 2018. 376 с.
4. Бороздин И. Москва и славянство // Славяне. 1947. № 8. С. 54-57.
5. Волков В.К. К вопросу о происхождении терминов "пангерманизм" и "панславизм" // Славяно-германские культурные связи и отношения. М.: Наука, 1969. С. 25-70.
6. Всеславянский митинг в Москве: выступления представителей славянских народов на всеславянском митинге, состоявшемся 10-11 августа 1941 г. М., 1941. С. 9.
7. Григорьева А.А. Панславизм: идеология и политика: 40-е годы XIX-начало XX вв. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Иркутский государственный университет. Иркутск, 2010.
8. Григорьева А.А. Балканская политика России и панславизм в 80-е годы XIX-начале XX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 6-1 (20). С. 78-82.
9. Гундоров А. Третий всеславянский конгресс в Америке // Славяне. 1946. № 10. С. 6-12.
10. Джилас М. Лицо тоталитаризма. М.: Новости, 1992. 544 с.
11. Дронов А.М. Политический панславизм в современной России // Гуманитарные основания социального прогресса: Россия и современность. Сборник статей Международной научно-практической конференции. Том. Часть 5. М., 2016. С. 177-183.
12. Дugin С. Конспирология (наука о заговорах, секретных обществах и тайной войне). М.: РОФ "Евразия", 2005. 571-573, 600. 624 с.
13. Дьяков В.А. Славянский вопрос в общественной жизни дореволюционной России. М., 1993. 207 с.
14. Казаринова Д.Б. Панславизм для современной России: историческая утопия или геополитический вызов? Размышляя над книгой Б.А. Прокудина «Панславизм в истории политики и мысли России XIX века». М.: Издательство Московского университета, 2018. 218 с. // Вестник РУДН. Серия: Политология. Т. 20 №. 4. С. 624-629.

15. Касаткин К.А. «Опыт словоистолкователя Оттоманской империи...» И. П. Липранди и образ Османской империи в российском нарративе первой – третьей четверти XIX в.». Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. СПб., 2022.
16. Кикешев Н.И. Славянское движение в СССР: 1941-1948 годы. Москва. 2008. 605 с.
17. Ковтуненко М.К. Развитие панславизма в Российской Империи в начале XX века // Исторические документы и актуальные проблемы археографии, источниковедения, отечественной и всеобщей истории нового и новейшего времени. Сборник тезисов докладов участников Третьей международной конференции молодых ученых и специалистов «Clio-2013». С. 184-189.
18. Ковтуненко М.К. Теоретико-методологические основания исследования русского панславизма // SCHOLA-2012: Сборник научных статей факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. С. 22-26.
19. Ковтуненко М.К. «Восточный вопрос» в творчестве И.И. Дусинского // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки, издательство Изд-во Моск. ун-та, 2012, № 4. С. 102-104.
20. Ковтуненко М.К. Проект федеративного всеславянского государства в творчестве И.И. Дусинского // Материалы Международной научной конференции «Политика в текстах — тексты в политике: наука истории идей и учений». С. 255-256.
21. Куприянов В. А., Малинов А. В. Академик В. И. Ламанский. Материалы к биографии и научной деятельности. СПб.: Дмитрий Буланин, 2020. 560 с.
22. Ламанский В. И. Геополитика панславизма. М.: Институт русской цивилизации, 2010. 928 с.
23. Михайлов А. А. Очерки по истории славянофильства 40-50-х годов (панславистские тенденции в раннем славянофильстве): тезисы к диссертации на соискание ученой степени к.и.н. Л., 1939.
24. Мырикова А. В., Прокудина Е.К. К вопросу о сущности панславизма // SCHOLA – 2007 : сб. науч. ст. философского факультета МГУ. М. : Издатель Воробьев А. В., 2007. С. 24-28.
25. Мырикова А.В., Ширинянц, А.А. В Русофобский миф «панславизма» // Актуальные проблемы современного россиеведения: сб. науч. ст. М. : Издатель Воробьев А. В., 2007. С. 240–244.
26. Нарочницкая Н.А. Россия и русские в мировой истории. М., 2005. 534 с.
27. Об институте // Институт славяноведения Российской академии наук URL: <https://inslav.ru/page/ob-institute>
28. Павленко О.В. Панславизм // Славяноведение. 1998. № 6. С. 43-60.
29. Павленко О.В. Панславизм и его модели // Новая и новейшая история. 2016. № 5. С. 3-15.
30. Павленко О.В. Миф о панславизме в западной историографии периода Холодной войны // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение». 2017. № 4 (10), ч. 1. С. 9-15.
31. Павленко О.В. Славянский фактор в идеологии и внешней политике Российской империи и монархов Габсбургов (1830-е-1914 гг.). Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук / Институт всеобщей истории РАН. Москва, 2023.
32. Погодин М. П. Вечное начало. Русский дух. М.: Институт русской цивилизации, 2011. 832 с.

33. Покровский М. И. Панславизм на службе империализма // Правда. 1927, № 142, 26 июня. С. 1.
34. Прогудин В.А. Славянофильство и формирование русского панславизма // SHOLA-2006: Сборник научных статей философского факультета МГУ.-"Социально-политическая мысль" Москва, 2006. С. 203-208.
35. Репников А.В. Консервативная концепция российской государственности. М.: МНУ «Сигналъ», 1999. 172 с.
36. Рокина Г.В. Из истории трактовки термина «панславизм» в работах отечественных и зарубежных авторов XIX века // Запад-Восток. 2010. № 3. С. 92-102.
37. Сталин — Кагановичу 5 августа 1934 г. // Stalin и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. Москва: РОССПЭН, 2001. URL: <https://istmat.org/node/35446>
38. Stalin И.В. О статье Энгельса «О внешней политике русского царизма» // Сочинения. Т. 14. М.: Издательство “Писатель”, 1997. С. 18–23.
39. Stalin И. О статье Энгельса «О внешней политике русского царизма» // Большевик. 1941. № 9. С. 1-5.
40. Энгельс Ф. Борьба в Венгрии // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т.6. М.,1957. С.175-186.
41. Энгельс Ф. Внешняя политика русского царизма // Скепсис. URL: https://scepsis.net/library/id_757.html
42. Энгельс Ф. Демократический панславизм // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т.6. М.,1957. С. 289-306.
43. Энгельс Ф. Письмо к Иоан Надежде // Большевик № 13-14. 31 июля 1934. С. 84-90.
44. Тарасов Б. Военная стратегия России. Евразийский аспект // Наш современник.-1992.-№ 12. С. 112-117.
45. Хомяков А. Всемирная задача России. М.: Институт русской цивилизации, 2011. 724 с.
46. Тузова О.В. Журнал «Славяне» в структуре внешнеполитической «мягкой силы» в славянском движении в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 годов: музыкально-культурный аспект // Научный диалог. 2020;(6). С. 474-489.
47. Цимбаев Н.И. Славянофильство. Из истории русской общественно-политической мысли XIX в. М., 1986. 446 с.
48. Чуркина И.В. Россия, славянофилы и зарубежные славяне. М.: Индрик, 2020. 368 с.
49. Arendt H. The Origins of Totalitarianism. New York, 1951. 576 p.
50. Bradley J.F.N. Czech Pan-Slavism before the First World War // The Slavonic and East European Review. 1961. Dec. Vol. 40. № 94. Pp. 184–205.
51. Bradley J.F.N. Czech Nationalism in the Light of French Diplomatic Reports. 1867–1914 // The Slavonic and East European Review. 1963. Dec. Vol. 42. № 98. Pp. 38–53.
52. Fadner F. Seventy Years of Pan-Slavism in Russia: From Karamzin to Danilevsky. 1800–1870. Washington, 1962. 429 p.
53. Levine L. Pan-Slavism and European Politics // Political Science Quarterly, Vol. 29, No. 4 (Dec., 1914). Pp. 664-686.
54. Kohn H. Nationalism in the Soviet Union. New York: Columbia University Press, 1933. 178 p.
55. Kohn H. Pan-Slavism and World War II // The American Political Science ReviewVol. 46, No. 3 (Sep., 1952). Pp. 699-722.
56. Kohn H. Pan-Slavism: Its History and Ideology. Notre Dame: University of Notre Dame

- Press, 1953. 356 p.
57. Riasanovsky N.V. Russia and the West in the Teaching of the Slavophiles. A Study of Romantic Ideology. Cambridge, 1952. 244 p.
58. Petrovich M.B. The Emergence of Russian Panslavism, 1856–1870. New York, 1956. 312 p.
59. Pan-Slavism and Slavophilia in Contemporary Central and Eastern Europe: Origins, Manifestations and Functions / ed. by M. Suslov, M. Čejka, V. Đorđević. Palgrave Macmillan, 2023. 455 p.
60. Post-Panslavismus: Slavizität, Slavische Idee und Antislavismus im 20. und 21. Jahrhundert (Moderne europäische Geschichte 9) / Karl L., Troebst S., Gąsior A. Göttingen, 2014. 487 s.
61. Seton-Watson H. The Russian Empire 1801–1917. Oxford, 1967. 813 p.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В годы Перестройки на фоне постепенного крушения господствовавшей на протяжении семидесяти лет официальной коммунистической идеологии наметился не только пересмотр различных социально-философских и идейно-политических концепций, но и попытки заменить обозначившийся духовный вакуум. Панславизм в своё время нещадно критикуемый большевиками (в поэтической форме В.В. Маяковским) в этот период получает второе дыхание, а интерес к этой идеологии сохраняется и сегодня.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой является историография российского панславизма. Автор ставит своими задачами проанализировать . динамику изменения оценки взаимосвязи российского панславизма последней трети XIX в. с идеей славянской взаимности через призму восприятия внешней политики России/СССР на основе отечественной и зарубежной историографии XX–XXI вв.»

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Автор также использует сравнительный метод.

Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор стремится охарактеризовать образ российского панславизма XIX в. в историографии.

Рассматривая библиографический список статьи, как позитивный момент следует отметить его масштабность и разносторонность: всего список литературы включает в себя свыше 60 источников и исследований, что само по себе говорит о том объеме работы, который проделал ее автор. Несомненным достоинством рецензируемой статьи является привлечение зарубежной англоязычной литературы. Из привлекаемых автором источников отметим работы И.В. Сталина и Ф. Энгельса. Из используемых исследований укажем на труды В. Рокина, А.А. Григорьева, А.В. Мырикова, В.А. Болдина, М.К. Ковтуненко, Б.А. Прокудина, в центре внимания которых различные аспекты исследования панславизма. Заметим, что библиография обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по ее теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем кто интересуется как панславизмом, в целом, так и его изучением, в частности. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определённой логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что панславизм «считающейся идеологией, в том числе порой приписываемой официальному Санкт-Петербургу в последней трети XIX в., буквально сразу после первого политического применения термина в 1848 г. стал предметом пристального изучения современниками, как в России, так и за ее пределами». Автор останавливается на анализе не только отечественной, но и зарубежной историографии, что усиливает новизну рецензируемой статьи. Говоря о критическом отношении Ф. Энгельса к панславизму, автор полагает, что «учитывая, что первая версия панславизма была явно навеяна концептом «культурной немецкой нации» и набиравшим силу в 1830-е гг. пангерманским движением взаимная неприязнь двух течений была неизбежна».

Главным выводом статьи является то, что если «в отечественной традиции сохраняется стремление разделять панславизм, славянофильство, идею славянской и православной взаимности, резко протестую против смешивания этих понятий и бесконечно споря насчет их определения и соотношения с внешней политикой России и других славянских стран, в то время как в зарубежной традиции авторы склонны прослеживать непрерывный генезис с середины XIX в. и до настоящего момента, объединения зачастую весьма различные по своей структуре политические и общественные взгляды в рамках единого термина «панславизм».

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в курсах лекций по истории, философии, политологии, так и в различных спецкурсах.

К статье есть отдельные замечания: так, в тексте имеются отдельные опечатки.

Однако, в целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале «Genesis: исторические исследования».

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Бондарев С.В. — «Совет был конфликтной комиссией, а не руководящим органом». Деятельность Совета хранителей пригородных дворцов-музеев // Genesis: исторические исследования. – 2023. – № 10. DOI: 10.25136/2409-868X.2023.10.54688 EDN: XYXIWH URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=54688

«Совет был конфликтной комиссией, а не руководящим органом». Деятельность Совета хранителей пригородных дворцов-музеев

Бондарев Сергей Викторович

ORCID: 0000-0002-4087-3557

кандидат исторических наук

Докторант, Отдел современной истории России, Санкт-Петербургский Институт истории Российской академии наук. Заведующий отделом "Большой дворец" ГМЗ "Петергоф".

197110, Россия, Санкт-Петербург, г. Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, 7

✉ bondarev_ml@mail.ru

[Статья из рубрики "История государственных учреждений"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2023.10.54688

EDN:

XYXIWH

Дата направления статьи в редакцию:

05-10-2023

Дата публикации:

12-10-2023

Аннотация: Предметом исследования является Совет хранителей пригородных дворцов-музеев. В середине 1918 г. при Наркомпросе с целью консолидации усилий по преобразованию царских резиденций в музеи был создан Совет руководителей пригородов. Хранители Петергофа, Царского села, Гатчины, Павловска дворцов решали на заседаниях многочисленные вопросы по вопросам будущего царских дворцов. Автор подробно рассматривает такие аспекты, как проблемы повседневной деятельности пригородов, реформы по управлению дворцами-музеями. Особое внимание уделяется следующим направлениям деятельности Совета: притязание властей на имущество бывших резиденций, кадровые вопросы, проблемы финансирования, охраны и т. д.

Методологической основой исследования являются принципы историзма, объективизма и системности научного анализа. Основным выводом проведенного исследования является определяющая роль Совета по отношению к государственной политики по созданию единого органа управления дворцами-музеями. Совет являлся площадкой для выражения общественной позиции представителей интеллигенции. Хранители открыто дискутировали с чиновниками от культуры по вопросам будущего устройства дворцов-музеев. Новизна исследования заключается в том, что в первые предпринята попытка многостороннего анализа деятельности Совета хранителей пригородных дворцов-музеев. Несмотря на отсутствие полномочий по принятию самостоятельных решений, Совет смог доказать властям необходимость выделения дворцов-музеев в отдельную группу художественно-исторических организаций. А также добиться создания отдельного государственного органа для централизации управления пригородами.

Ключевые слова:

Петроград, Ленинград, общественное мнение, Совет хранителей, царские дворцы, дворцы-музеи, императорские резиденции, Петергоф, Гатчина, Царское село

Когда самодержавие пало, перед обществом и властью встал вопрос: как использовать многочисленные бывшие царские дворцы? Среди многоголосия общественного мнения послереволюционной поры особняком стоит позиция группы людей, которые после февральской революции взяли на себя тяжелейшую задачу по охране царского имущества. Эта группа состояла из председателей и членов художественно-исторических комиссий, созданных по распоряжению Временного правительства. Комиссии занимались спасением историко-художественного наследия в дворцовых резиденциях. Представители интеллигенции искренне считали, что вчерашние дворцы необходимо сохранить для потомков. После прихода к власти большевиков Наркомат просвещения во главе с А. В. Луначарским поставил задачу по созданию на базе пригородных царских дворцов исторических музеев, открытых для всеобщего обозрения. Одновременно на государственном уровне решался вопрос о судьбе организаций, доставшихся в наследство от царского режима. Таким образом, сложилось двоевластие Наркомата имущества республики и Наркомпроса. Они поделили между собой хозяйственное и научное руководство организациями, функционирующими в императорских резиденциях.

В августе 1918 г. Художественно-исторические комиссии пригородов Петрограда, созданные при Временном правительстве, были преобразованы в новые организации: дворцы-музеи [12, л. 151]. Руководители данных институций стали именоваться хранителями. Для объединения сил и действий Коллегия по делам музеев и охране памятников искусства и старины Наркомпроса создала общий Совет хранителей пригородных дворцов-музеев. Он стал площадкой для выражения мнений и обсуждения разного рода проблем, касающихся судьбы дворцов в пригородах Петрограда-Ленинграда. Работа Совета охватывает хронологический период с 1918 по 1925 гг. Деятельность указанного органа имеет важность для изучения изменения восприятия статуса дворцовых комплексов новой властью и обществом в условиях социально-политических преобразований.

Как правило, исследователи упоминают о существовании Совета в контексте изучения истории пригородных дворцов [2, с. 134]; [13, с. 297]; [14, с. 298]; [15, с. 185]; [116, с. 66]; [18, с. 17]; [19, с. 194]. Деятельность Совета хранителей впервые становится объектом отдельного

исследования. В Центральном государственном архиве литературы и искусства Санкт-Петербурга в фонде Государственного музейного фонда хранятся протоколы Совета. Наибольший интерес представляют проекты устройства новых организаций на базе пригородных дворцов, биографии сотрудников, письма в адрес Совета с программными заявлениями, объяснительные бумаги.

С первых дней работы Совета у хранителей было единое мнение о необходимости сохранения вчерашних пригородных императорских резиденций в виде музеев. Руководители дворцов делились опытом проделанной работы, направленной на развитие музейных организаций. Также на заседаниях готовили программные документы и составляли тексты писем в различные государственные организации.

Вопросы, касающиеся дальнейшей судьбы бывших дворцовых резиденций и их коллекций, рассматривались с первого заседания Совета хранителей. 14 августа 1918 г. в Гатчинском дворце постановили открыть экспозицию Китайской галереи. Для достижения этой задачи пришли к решению освободить интерьер от прочих ценных предметов, размещенных там на хранении, и демонстрировать коллекцию самой галереи [\[11, л. 2\]](#).

Так же на первом Совете Г. С. Ятманов, комиссар по делам музеев и охране памятников искусства и старины, поставил вопрос о передаче из Гатчины в Эрмитаж нумизматической коллекции великого князя Михаила Александровича. Члены Совета хранителей сразу заняли однозначную позицию по этому вопросу. На заседании постановили отклонить просьбу коллег из Эрмитажа, «пока не будут приведены в порядок пригородные дворцы-музеи» [\[11, л. 11\]](#). Но проблема передачи ценностей из пригородных дворцов в центральные музеи сохраняется на протяжении всех лет работы Совета.

В Большом ораниенбаумском дворце продолжал работу госпиталь, который, по мнению А. А. Половцова, мешал созданию экспозиции. По выражению председателя Совета, медицинское учреждение «препятствует приведению в порядок». В этом предложении прослеживается однозначная позиция хранителей пригородных дворцов: приведение в порядок означает создание музея. Совет принимает соломоново решение: госпиталь не выселять, так как он является охраной от посягательств других учреждений на дворец [\[11, л. 2\]](#).

В начале сентября 1918 г. В. К. Макаров сообщил о начале работ по описи имущества комнат Александра III в Гатчинском дворце для открытия данных интерьеров [\[11, л. 6б.\]](#). Ф. Г. Беренштам сделал доклад о созданных правилах осмотра Дворцов-музеев Петергофа для посетителей. Совет хранителей одобрил указанные правила и рекомендовал составить подобные для всех пригородных дворцов-музеев [\[11, л. 11\]](#).

На заседаниях Совета хранителей обсуждались проблемы административного устройства новообразованных институций в бывших царских резиденциях. 16 ноября 1918 г. Совет принял положение об управлении дворцами-музеями, утвержденный Наркомпросом [\[11, л. 19\]](#). Новый порядок должен был привести к централизации административной и научной деятельности пригородных дворцов-музеев. Но на деле в императорских дворцах царил революционный беспорядок. Уже через четыре дня после принятия нового положения В. Н. Талепоровский попросил на Совете издать объяснение, что комнатные служащие дворцов подчиняются хранителям, а не советам служащих [\[11, л. 21\]](#). В Петергофе комиссар Н. В. Личкус, как того требовало положение 16 ноября 1918 г., приступил к

руководству организацией и издал приказ об упразднении исполкома служащих только в феврале 1919 г. [10, л. 18] Но новое положение не решило ключевую проблему в управлении бывшими царскими дворцами. Наркомат имущества Республики был преобразован в Отдел при Наркомпросе. Несмотря на подчинение одному ведомству, административные проблемы находились в ведении Отдела имущества, а научные и художественные вопросы решал Музейный отдел.

Осенью 1918 г. на заседании Совета впервые приняли решение, к которому власти от культуры будут неоднократно повторять в течении XX-XXI вв. 16 ноября С. К. Исаков, заведующий Петроградским отделом музеев, предложил передать дворцы Ораниенбаума в ведение хранителя Петергофских дворцов-музеев. Совет постановил, что Ф. Г. Беренштам должен вступить во временное управление Ораниенбаумом до назначения туда хранителя [11, л. 19об.].

На Советах часто обсуждали проблему столкновений хранителей с представителями новой власти различного уровня и ведомственного подчинения. Основной проблемой являлось желание сторонних организаций решить собственные проблемы за счет зданий и территорий пригородных дворцов-музеев. В начале октября 1918 г. В. К. Макаров уведомил о начале вселении в помещения кухонного каре Гатчинского дворца-музея детских приютов Гатчины. Хранитель был вынужден отправить телеграмму А. В. Луначарскому, в которой указал, что дворцы являются музеями и не могут быть заняты сторонними организациями. В итоге, нарком просвещения отменил переезд приюта в Гатчинский дворец [11, л. 13]. 16 октября 1918 г. Ф.Г. Беренштам сообщил о переговорах с представителями почтово-телеграфного ведомства по вопросу создания в Знаменке детской колонии. Совет признал желательным предоставить для указанных потребностей небольшие сооружения на территории усадьбы, но не помещения дворца, представляющего художественно-историческую ценность [11, л. 16].

Объектом для посягательств различных учреждений также выступали художественно-исторические предметы. Осенью 1918 г. Ф. Г. Беренштам на заседании объявил о намерении Петергофского совдепа продать иконы из дворцов-музеев, а так же сообщил, что местный Земельный отдел уже вывез мебель из Фермерского дворца для собственного пользования [11, л. 21об.].

Совет хранителей обсуждал широкий круг вопросов, определяющих текущую и будущую жизнь бывших пригородных резиденций. На заседании Совета 27 ноября 1918 г. В. И. Яковлев вынес на повестку две серьезные проблемы, которые получат свое решение в течении нескольких следующих лет. Во-первых, хранитель Детскосельских дворцов-музеев предложил в самом скором порядке организовать реэвакуацию художественных ценностей из Москвы. Осенью 1917 г. из-за продвижения немцев к Петрограду была проведена экстренная эвакуация в Москву. Были упакованы и вывезены многие ценные предметы из дворцов столицы и ее пригородов. В 1918 г. отсутствие ключевых шедевров останавливало серьезную работу по созданию экспозиций в пригородных музеях [11, л. 23].

Во-вторых, В. И. Яковлев заявил о необходимости создания кадров опытных гидов для знакомства посетителей с дворцами-музеями. Сотрудники художественно-исторической части по мере возможности и сил знакомили посетителей с убранством дворцов. Для выполнения этой задачи в полном объеме катастрофически не хватало свободных экспертов. Совет решил обратиться в Музейный отдел Наркомпроса для создания

специальных инструкторских курсов [11, л. 23]. Но в декабре 1918 г. чиновник Музейного отдела М. Б. Каплан снова заявил о необходимости проведения экскурсий силами лиц, работающих по художественно-исторической части в пригородных дворцах-музеях. На Совете хранители заявили, что подобные услуги в выходные дни сотрудников должны отдельно оплачиваться [11, л. 25о6.1]. Музейное руководство Наркомпроса приняло позицию сотрудников дворцов и стали решать проблему нехватки кадров для проведения экскурсий уже на государственном уровне.

В декабре 1918 г. на заседании Совета хранителей обсуждались вопросы о будущем нескольких пригородных резиденций. Прозвучал доклад, что дворцы Красного села переходят в ведение Детскосельского уездного совдепа. Хранители приняли решение ходатайствовать перед Коллегией по делам по делам музеев об образовании особой группы Красносельских дворцов-музеев для выяснения их художественно-исторической ценности [11, л. 27]. На том же заседании В. Н. Талепоровский сообщил о возвращении Павловскому дворцу-музею крепости Бип. В парадных комнатах крепости предлагается создать музей, а в других помещениях оборудовать квартиры для служащих Управления Павловского дворца-музея [11, л. 27о6.1]. В свою очередь, В. И. Яковлев сообщил о намерении создать музей на втором этаже Александровского дворца [11, л. 27о6.1].

В первый состав Совета входили: Г. К. Лукомский (Царское село) [1], В. К. Макаров (Гатчина), Ф. Г. Беренштам (Петергоф) [6], В. Н. Талепоровский (Павловск) [4], А. А. Половцов [3]; [20]; [21]. На последнего были возложены обязанности заведующего пригородными дворцами-музеями, а также должность председателя Совета хранителей. В начале сентября 1918 г. Г. К. Лукомский перестал принимать участие в заседаниях Совета, но на них зачитывали его сообщения. В начале октября 1918 г. Совет принял решение ходатайствовать перед Г. С. Ятмановым о назначении В. Я. Яковлева временно исполняющим обязанности хранителя Царского села [11, л. 13]. 16 октября 1918 г. А. А. Половцов сообщает о получении от Г. К. Лукомского прошения об освобождении его от обязанностей председателя Художественно-Исторической Комиссии Царскосельских дворцов-музеев [11, л. 17]. Последний отправился в Киев, где на протяжении двух лет проработал над созданием музея Ханенко [17, с. 88]. В 1920 г. Г. К. Лукомский уехал за границу и на родину больше никогда не вернулся.

В ноябре 1918 г. Г. С. Ятманов поставил вопрос о целесообразности сохранения полномочий за прежним председателем Совета хранителей А. А. Половцовым [11, л. 19]. 20 ноября 1918 г. по предложению С. К. Исакова отсутствие А. А. Половцова Совет признал отставкой с должности председателя [11, л. 21о6.1]. На заседании следующего Совета В. Н. Талепоровский сообщил о событиях, происходивших 23 ноября в Павловском дворце-музее. В 23 часа для ареста А. А. Половцова по ордеру Комиссии по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией г. Детского Села прибыл вооруженный отряд. Был произведен обыск в кабинете и спальне бывшего председателя Совета. Убедившись в отсутствии последнего, чекисты покинули дворец [11, л. 24]. Опасаясь преследования, А. А. Половцов с семьей в конце 1918 г. незаконно, по его собственному выражению, «как уголовники», перешли границу с Финляндией. Оттуда они переехали в Париж на постоянное место жительства [21, р. 295]. Председателем Совета хранителей стал С. К. Исаков.

В 1919 г. произошли новые изменения в структуре государственных органов управления дворцами-музеями. 28 июня Совет заслушал сообщение С. К. Исакова об упразднении

Отдела имущества республики Наркомпроса и о полном переходе дворцов-музеев в подчинение Музейного отдела [11, л. 40]. Ликвидация Отдела имущества положила конец параллельному подчинению музеиных институций государственным структурам. Но на местах разгорается новый конфликт. Хранитель Павловска на заседании доложил о споре с комиссаром-инспектором дворцов-музеев. Совет решил, что столкновение имеет принципиальный характер, и в связи с упразднением Отдела имущества необходимо выработать новое положение о дворцах-музеях [11, л. 40]. Председатель Совета попросил составить к 4 июля проекты положений.

Камнем преткновения в спорах с разнообразными государственными структурами становились не только дворцовые площади, но и садово-парковые угодья. 1 августа 1919 г. В. И. Яковлев и Ф. Г. Беренштам указали на опасность действий Садово-паркового отдела, предполагающего приступить к вырубке деревьев в Детском селе и Петергофе. На собрании хранители признали, что парки являются неотъемлемой частью дворцов-музеев, а потому вырубка или изменения в планировке парков не могут происходить без согласия Совета хранителей и Музейного отдела Наркомпроса [11, л. 43].

Как уже указывалось, в документах Совета хранителей отражены трудности коммуникации между сотрудниками пригородных дворцов-музеев и властями. При этом, некоторые предложения чиновников доходили до абсурдности. 1 августа 1919 г. Ф. Г. Беренштам доложил, что в Петергоф поступила «прогрессивная» инициатива: демонтировать трубы, питающие фонтан «Самсон». Их предлагалось использовать для отвода воды к турбине электрического освещения около фонтана «Пирамида». Совет постановил в случае дальнейших попыток демонтажа труб обратиться в Музейный отдел. В протоколе нет сведений о названии организации, которая обратилась к петергофскому хранителю с данным предложением. Но очевидно, что «новаторское» предложение поступило со стороны Петергофского совдепа. Хранители единогласно выразили отрицательное отношение к снятию труб, «что равносильно уничтожению красивейшей группы Петергофских фонтанов» [11, л. 43об.1].

В 1919 г. решение проблемы по обеспечению музеев опытными кадрами получило развитие. При Музейном отделе были созданы специальные курсы и запущена экскурсионная станция. Впоследствии, семинары, развернутые на базе пригородных музеев Петрограда силами Экскурсионного института, стали флагманами экскурсионной деятельности в городе.

В начале 1920 г. хранители вновь обсуждали вопрос об отчуждении художественно-исторических предметов в коллекции центральных музеев. Состоялся ряд расширенных заседаний Совета, на которых решали судьбу античных скульптур Павловска, на которые претендовал Эрмитаж. А. Н. Бенуа прямо заявил о том, что интерес музеев мирового искусства, каким является Эрмитаж, следует признать доминирующим [11, л. 49]. В связи с этим «перемещение вещей, на которое Эрмитаж имеет право, как доминирующий музей, нельзя откладывать» [11, л. 54об.1]. Итогом длительных дебатов между пригородными хранителями и сотрудниками Эрмитажа стал вывоз некоторых скульптур из Павловска.

В это же время произошло знаменательное событие в жизни пригородных дворцов-музеев: предметы вернулись из эвакуации. В феврале 1920 г. В. И. Яковлев на заседании Совета доложил, что ящики с реэвакуированными художественными произведениями вскрыты, но их содержимое не всегда соответствует описям [11, л. 69].

В адрес пригородных дворцов-музеев по-прежнему поступали требования от сторонних

организаций на выдачу имущества. Летом 1920 г. хранитель Детскосельских дворцов-музеев передал требование Уездного совета о предоставления больному служителю Попову стула-двигателя, которым пользовалась во время болезни императрица Александра Федоровна. Совет признал, что указанный аппарат не представляет исторического интереса, и разрешил выдать для нужд больного [11, л. 42].

В 1920 г. столкновения научных сотрудников и ставленников советской власти на местах получают новый виток развития. 21 июня В. И. Яковлев сообщил о закрытии Александровского дворца для посетителей по распоряжению комиссара без предварительного уведомления [11, л. 36]. Хранитель обратился к Совету с просьбой выработать конституцию, точно определяющую права и обязанности хранителей дворцов-музеев, комиссара-инспектора и комиссаров [11, л. 36]. Обращение хранителя Детскосельских дворцов подтверждает, что структура управления пригородными дворцами-музеями за год не претерпела изменений. Вновь к этой проблеме обратились в конце августа 1921 г. В. К. Макаров настоятельно потребовал новой конституции управления дворцами-музеями для разграничения сфер деятельности комиссара и хранителей. Он заявил о готовности всех членов Совета сложить полномочия за ответственность сохранности музейного имущества пригородных музеев, если необходимые изменения не будут претворены в жизнь [11, л. 78].

Противостояние хранителей и комиссаров достигло апогея в начале 1922 г. Новый устав управления пригородными дворцами-музеями до сих пор не был выработан. 14 февраля на заседании Совета принято решение пересмотреть неутвержденный проект, т.к. отсутствие директив приводило к постоянным недоразумениям между хранителями и комиссарами [11, л. 97]. Нужно отметить, что проект положения о пригородных дворцах-музеях предполагал полное единовластие хранителя как по научно-художественным, так и по административно-хозяйственным вопросам [11, л. 115]. Такая реформа, естественно, не могла устраивать комиссаров, отстаивающих в музеях свое главенство. В.К. Макаров заявил, что комиссар от Главмузея является стеной между хранителем и местной властью, мешая их взаимодействию [11, л. 97]. Совет принял решение отправить в Гатчину комиссию для выяснения конфликта хранителя с комиссаром.

На заседании Совета 22 февраля В. К. Макаров, отвечая на обвинение в нарушении закона с его стороны, указал, что такого не могло быть, т.к. фактически никаких музейных законов не существует. В. Н. Талепоровский подтвердил, что в Павловском дворце подобные конфликты возникали неоднократно [11, л. 100]. По мнению В. К. Макарова, должность комиссара для дворца-музея необходима для того, чтобы хранитель мог вести научную работу. Гатчинский хранитель указал, что сфера деятельности комиссара должна быть ограничена, он должен выполнять функции политрука. Предоставление комиссару руководства хозяйством ведет к двоевластию, негативно отражающееся на работе [11, л. 100б.1].

28 февраля 1922 г. на Совете представлен доклад В. И. Яковлева о результатах работы комиссии по выяснению конфликта между В. К. Макаровым и комиссаром Гатчины И. М. Иоффе. Собранный материал направили на рассмотрение Коллегии Главмузея [11, л. 99]. Наконец, на Совете 14 марта представлена утвержденная инструкция по управлению дворцами-музеями [11, л. 102]. Приказом по Отделу музеев от 8 марта должность комиссаров дворцов-музеев была упразднена. Взамен создали пост заведующего управлением дворцов-музеев по каждому пригороду [8, л. 2]. Заведующими назначили

бывших комиссаров [\[7, л. 30\]](#).

9 марта 1922 г. Г. С. Ятманов подписал распоряжение, по которому имущество всех дворцов делилось на две категории: музейное и утилитарное [\[7, л. 71\]](#). Предметы художественно-исторического значения могли передаваться только с разрешения хранителя. На деле распоряжение вылилось в новый конфликт теперь уже заведующих управлениями и хранителей. 4 июля В. К. Макаров заявил на Совете, что выдача вещей в обход хранителя продолжается, и он слагает с себя ответственность за охрану вещей [\[11, л. 113об.\]](#).

В августе 1922 г. В. К. Макаров вновь выступил на заседании Совета с докладом о ненормальной, с его точки зрения, организации управления загородными дворцами-музеями. Хранитель Гатчины заявил, что в пригородах созданы две параллельные организации: музейная и хозяйственная. Худшим вариантом такой структуры он назвал гатчинский опыт, где музейная часть подчинили хозяйственной. В. К. Макаров доложил о несогласованности в работе, создающую нездоровую атмосферу и мешающую осуществлению общего плана работ [\[11, л. 118об.\]](#). Г. С. Ятманов в ответ на это заявил, что создавшаяся ситуация вызвана отсутствием возможности «предусмотреть инструкции всех случайностей, которые неизбежны при совместной работе» [\[11, л. 118об.\]](#). Чиновник пояснил, что в распоряжении от 9 марта 1922 г. говорится не о соподчинении, а о товарищеской совместной работе. Совет постановил создать в Гатчине специальную комиссию для установки сроков по окончанию отделения музеиного имущества от общего хозяйственного инвентаря. Комиссия также должна была выработать единый проект управления пригородными музеями [\[11, л. 118об.\]](#). Г. С. Ятманов указал, что ответственность за музейное имущество должна быть возложена на хранителя, а хозяйственную часть надлежит передать лицу, ему подчиненному [\[11, л. 118об.\]](#).

На заседаниях Совета продолжали работу по изменению структуры управления пригородными дворцами. 29 августа 1922 г. заместитель заведующего Отделом музеев А. П. Удаленков на Совете сообщил о новой организации Наркомпроса и предполагаемой форме объединения. В. К. Макаров поднял вопрос о дальнейшей компетенции Совета хранителей и заявил, что до этого Совет был конфликтной комиссией, а не руководящим органом [\[11, л. 121\]](#). 26 декабря Г. С. Ятманов сообщил хранителям о необходимости создания Управления пригородных дворцов-музеев. По словам чиновника, давно назрело объединение работы хранителей, т. к. чувствуется отсутствие руководящего органа и единого плана в работе музеев. Совет принял вопрос о назначении А. П. Удаленкова главой еще не созданного Управления и его новую структуру. Предполагалось, что все принципиальные и организационные вопросы по пригородным музеям должны будут обсуждаться Советом хранителей. Художественно-административные вопросы рассматриваются заведующим Управлением, он же является председателем Совета. В случае разногласия Совета хранителей с заведующим Управлением, вопросы рассматривает Г. С. Ятманов, а затем передает в Совет по делам музеев [\[11, л. 148\]](#).

А. П. Удаленков действительно председательствовал на Советах хранителей до июля 1923 г. Но в марте 1923 г. Г. С. Ятманов сообщил, что вопрос об организации особого Управления по пригородным дворцам-музеям еще не решен окончательно. Объединяющим органом с совещательным правом по-прежнему оставался Совет хранителей [\[11, л. 165\]](#). С августа 1923 г. до 10 февраля 1925 г. председателем на заседаниях выступал Г. С. Ятманов.

Совет продолжал разбирать текущие повседневные проблемы пригородных музеев. В апреле 1923 г. В. И. Яковлев заявил, что окончание разбора реэвакуированных предметов закончится к новому государственному празднику — к 1 мая [11, л. 172]. Хранитель выразил мнение, что в этот день необходимо пригласить представителей местной власти для демонстрации масштабов объема охраняемого государственного имущества. Очевидно, что таким образом В. И. Яковлев хотел обратить внимание чиновников на важность музейной работы.

17 апреля 1923 г. Совет заслушал сообщение о том, что Горсовет Петергофа согласен передать Фрейлинский корпус Управлению Петергофских дворцов только на общих основаниях, т. е. сдать в аренду. Кроме того, в связи с предстоящим покосом Горсовет возбудил ходатайство перед Губисполкомом о передаче в его ведение всех петергофских парков. Совет хранителей составил обращение в Главмузей о недопустимости устройства пастбищ в парке и разделении дворцовых зданий между различными учреждениями. Ф.Г. Беренштам заявил, что в противном случае, готов снять с себя всякую ответственность за целостность вверенного ему имущества [11, л. 170].

В начале 1924 г. произошли новые перестановки в корпусе хранителей пригородных дворцов-музеев. В мае 1923 г. Ф.Г. Беренштам на Совете по делам музеев Наркомпроса представил доклад о современном положении Петергофских дворцов-музеев. Члены Совета пришли к мнению, что внешний вид Петергофа в ужасном состоянии и его необходимо спасать. Кроме того, в январе 1924 г. нашли нарушения в приемке реэвакуированных из Москвы предметов. Против Ф. Г. Беренштама возбудили уголовное дело [5, л. 6]. В конце января 1924 г. его отстранили от должности хранителя со следующими формулировками: «постоянная неисправность при исполнении служебных обязанностей» и «несоответствие занимаемой должности». 19 февраля 1924 г. на Совете приняли решение образовать комиссию для подготовки плана работ в Петергофе на текущий год. Г. С. Ятманов проинформировал собравшихся о том, что хранитель петергофских дворцов-музеев Ф.Г. Беренштам перешел на работу в Публичную библиотеку [11, л. 190об.].

Следующее заседание Совета состоялось только осенью, 31 октября 1924 г. Г. С. Ятманов сообщил о возобновлении работы совещания хранителей пригородных дворцов-музеев, прерванное на несколько месяцев из-за ухода двух хранителей [11, л. 196]. На этом заседании отсутствовал хранитель Павловска В. Н. Талепоровский. Он был уволен с должности в мае 1925 г. [9, л. 4] 31 октября в работе Совета впервые приняли участие Н. И. Архипов и С. В. Домбровский — новые хранители петергофских и павловских дворцов-музеев соответственно [11, л. 196].

В конце 1924 г. хранитель Детскосельских дворцов-музеев вновь поставил вопрос о необходимости объединения работы пригородных Дворцов-музеев [11, л. 230]. На Совещании хранителей особняков-музеев от 2 января 1925 г. Г. С. Ятманов объявил хранителям Шереметевского, Шуваловского, Юсуповского и Елагиноостровского особняков о проработке вопроса по объединению с пригородными дворцами-музеями для создания единой организации [11, л. 236]. 20 января впервые собралось Совещание хранителей пригородных дворцов-музеев и особняков-музеев [11, л. 241]. На объединенном Совещании Г.С. Ятманов сообщил, что существует глобальный проект, по которому все пригородные дворцы-музеи и особняки должны перейти в ведение Музея Революции. Он будет разрабатывать общий план работ по дворцам-музеям и дополнять их иллюстративным материалом по предварительному согласованию с Политпросветом.

Но при этом Г. С. Ятманов указал, что из-за огромного количества имущества и зданий пригородных дворцов принципиального решения по указанному вопросу еще нет. По мнению чиновника, для проведения реформы необходимо усилить аппарат управления на местах и распределить финансирование по дворцам-музеям. Г. С. Ятманов также отметил, что прежнее положение пригородных дворцов в отношении художественно-исторического облика садов и парков должно быть сохранено, а руководство в этой сфере будет осуществляться Ленинградским отделением Главнауки [\[11, л. 244об.1\]](#).

Известно, что реформа по подчинению пригородных дворцов и ленинградских особняков музею революции не состоялась. Но идея централизации управления дворцами-музеями получила свое дальнейшее развитие. В сентябре 1925 г. при Ленинградском отделении Главнауки было создано Управление дворцами-музеями и усадьбами. Новая структура должна была объединить в едином направлении деятельность бывших царских дворцов. Во главе Управления дворцами-музеями был назначен один из пригородных хранителей – Н.И. Архипов. Организация Управления стала результатом многолетней работы Совета хранителей по защите царских дворцов.

Необходимо отметить, что повседневную деятельность пригородных дворцов-музеев на протяжении всего периода работы Совета хранителей осложняли высокая текучесть кадров, криминальные происшествия и недостаток финансирования. На заседаниях Совет часто рассматривал многочисленные жалобы хранителей на частые увольнения и нехватку сотрудников. Кроме того, криминогенная обстановка в первые годы советской власти в стране totally ухудшилась. Сотрудники пригородных дворцов-музеев были вынуждены противостоять характерным явлениям революционной эпохи: грабежам, хищениям, вандализму. В августе 1918 г. бывший камердинер вынес сундук из помещения, где хранилась нумизматическая коллекция великого князя Михаила Александровича, и исчез с добычей в неизвестном направлении [\[11, л. 6\]](#). Осенью 1918 г. на Совете обнародовали факты порчи скульптуры в Александрии, в павловском и екатерининском парках [\[11, л. 16, 17, 23 об.\]](#). Летом 1919 г. Ф. Г. Беренштам заявил о низком уровне безопасности и нехватки охраны в пригородных дворцах-музеях [\[11, л. 44\]](#). Но власть оставляла проблему безопасности музеев без решения. В июне 1920 г. В. И. Яковлев сообщил о случаях хищения вещей во дворце и ущербе, нанесенном парковой скульптуре [\[11, л. 36об.\]](#). Зимой и осенью 1921 г. в Монплезире произошли кражи, в том числе пропало шесть живописных полотен [\[11, л. 69, 93\]](#).

В 1922 г. предприняли попытку усилить безопасность дворцов-музеев. С 1 февраля в пригородных резиденциях установили круглосуточную вооруженную охрану. Но количество ставок, выделенных для охраны говорит не в пользу решения проблемы безопасности: в Петергофе – 14, в Детском Селе – 6, в Павловске – 6, в Гатчине – 5 [\[11, л. 96-96об.\]](#). Более того, в августе 1922 г. Г.С. Ятманов заявил об ограничении снабжения сотрудников охраны. Совет решил сократить и без того небольшой штат охраны, ответственность за материальное обеспечение возложить на хранителей [\[11, л. 118\]](#).

В январе 1923 г. хранители ходатайствовали на Совете о снабжении револьверами, необходимых дляочных обходов. Просьба была действительно обоснована. В марте того же года В. Н. Талепоровский сообщил о ночном покушении на ограбление Павловского дворца. Благодаря своевременно принятым мерам, преступление смогли предотвратить, при чем главарь шайки был арестован [\[11, л. 160\]](#). На том же Совете В. Я.

Яковлев доложился, что преступники, пытавшиеся украсть свинец с крыши Шапели, выпущены на свободу. Ввиду ухудшения криминогенной обстановки, Г. С. Ятманов ходатайствовал о закрытии дворцов для посещения в будние дни, а также распорядился усилить наблюдение в ночное время [11, л. 160]. В апреле 1923 г. от Ф. Г. Беренштама вновь поступила жалоба на участившиеся случаи хищения свинцовых деталей, а также кражу цилиндра воздушного насоса [11, л. 1706.1].

Работа пригородных дворцов-музеев требовала большого количества ресурсов и, как следствие, финансирования. Еще в августе 1918 г. Г. К. Лукомский предложил на Совете составить доклад для Коллегии Наркомпроса о необходимости выделения денежных средств на поддержание художественных сокровищ [11, л. 106.1]. Летом 1922 г. В. Н. Талепоровский выступил на заседании с запиской о неудовлетворительном экономическом состоянии Павловска [11, л. 112]. В августе В. К. Макаров сообщил, что на музейной конференции в Москве принято решение выделить средства на ремонт, отопление и операционные расходы для пригородов Петрограда [11, л. 119]. В апреле 1923 г. А. П. Удаленков заявил, что Москва уменьшила объем выделенных денег на ремонт [11, л. 172].

При этом в музеях вводилась плата за вход. Со 2 июля 1922 г. государство распорядилось брать деньги за входную плату в пользу Помгола [11, л. 11206.1]. 28 ноября 1922 г. на Совете прозвучало объявление введении платы за вход во всех петроградских и пригородных дворцах-музеях [11, л. 142]. 28 апреля 1923 г. президиум Коллегии Наркомпроса утвердил инструкцию о взимании входной платы в музеях. Г. С. Ятманов объявил, что ответственность и контроль за получение доходов лежит на хранителях дворцов-музеев [11, л. 17406.1]. В середине лета 1923 г. проблема финансирования по-прежнему стояла остро. В. Н. Яковлев доложился на заседании Совета о том, что в июне 1923 г. заработка плата сотрудников была меньше, чем в мае. Хранитель Детского села выразил твердое мнение, что в летний сезон работа интенсивнее и необходимость вознаграждения сотрудников за переработку очевидно [11, л. 17906.1].

Деятельность Совета хранителей представляет безусловный интерес в исследовании изменения статуса царских дворцов в первые годы советской власти. Документы Совета позволяют проследить судьбу пригородных дворцов от преобразования художественных комиссий в отдельные музеи до централизации управления ими в 1925 г. Также заседания Совета являются важным источником для изучения повседневной деятельности пригородных дворцов-музеев. Хранители совместно с представителями власти обсуждали широкий круг вопросов, определяющий текущую и будущую жизнь пригородных дворцов. На заседаниях Совета искали пути решения проблем административного устройства новообразованных институций в бывших царских резиденциях. Совет часто поднимал проблему давления со стороны представителей власти. Чаще всего обсуждались притязания различных структур на здания, территории и ценные исторические предметы пригородных дворцов-музеев. Совещательный орган смог пережить несколько административных реформ по управлению дворцами-музеями. Вплоть до 1925 г. новая власть создает бесконечное количество комиссий, коллегий, советов, отделов и прочих ведомств для управления царским наследием. Но на протяжении первых лет советской власти дольше всех просуществовал Совет хранителей. Несмотря на отсутствие полномочий по принятию самостоятельных решений о судьбе дворцов, Совет стал площадкой для выражения общественного мнения группы

интеллигенции — хранителей. Они смогли доказать властям необходимость выделения дворцов-музеев в отдельную группу художественно-исторических организаций. А также добились создания отдельного государственного органа для централизации управления пригородами.

Библиография

1. Ботт И. К. Г. К. Лукомский — хранитель Царскосельского прошлого // Хранители: Материалы XI Царскосельской научной конференции. СПб.: ГМЗ «Царское село», 2005. С. 188-203.
2. Зеленянская Ю. В. Музейная история в архивных документах. К вопросу о деятельности Петергофского дворцового управления (Управления Петергофскими дворцами-музеями) в 1917-1924 годах // Музеи России как передовая обороны отечественной культуры в XX — начале XXI века: Материалы XXVI Февральских музейных чтений памяти С. С. Гейченко (14-17 февраля 2023 года). Сельцо Михайловское: Пушкинский Заповедник, 2023. С. 126-150.
3. Зубов В. П. Страдные годы России: Воспоминания о революции (1917–1925) / Сост., подгот. текста, вступ. ст. и comment. Т. Д. Исмагуловой. М., 2004. 319 с.
4. Кальницкая Е. Я. Время первых ... // Век реставрации пригородных дворцов: трагедия и триумф: К 100-летию музейной жизни бывших царских резиденций: Сборник статей по материалам научно-практической конференции ГМЗ «Петергоф». СПб.: ГМЗ «Петергоф», 2019. С. 20-36.
5. ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-36. Оп. 1. 1924 г. Д. 205.
6. Мельникова Н. В. Ф. Г. Беренштам — первый хранитель петергофских дворцов-музеев // Хранители: Материалы XI Царскосельской научной конференции. СПб.: ГМЗ «Царское село». С. 203-215.
7. ЦГА СПб. Ф. Р-2555. Оп. 1. 1922 г. Д. 486.
8. ОМАК. Ф. 130. Оп. 1. 1922 г. Д. 4.
9. ОМАК. Ф. 130. Оп. 1. 1924 г. Д. 6.
10. ЦГАЛИ СПб. Ф. 29. Оп. 1. 1919 г. Д. 201.
11. ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-36. Оп. 2. 1918-1925 гг. Д. 2.
12. ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-36. Оп. 2. 1918 г. Д. 3.
13. Тальзи О. А. Павловск. Большой дворец, 1920-е // Атрибуция, история и судьба предметов из императорских коллекций: сборник докладов научной конференции Кучумовские чтения. СПб.: ГМЗ «Павловск», 2023. С. 294-308.
14. Третьяков Н. С. К 90-летию музеификации пригородных дворцов г. Санкт-Петербурга // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2009. Вып. 1. С. 265-268.
15. Ходасевич Г. Д. «Во Дворце, трактуемом как музей...»: Г. К. Лукомский в Царском Селе // Хранители: Материалы XI Царскосельской научной конференции. СПб.: ГМЗ «Царское село», 2005. С. 178-188.
16. Цыркина Г. И. Деятельность пригородных дворцов-музеев Петрограда-Ленинграда в 1918-1929 гг. // Вестник Ленинградского государственного университета. 1975. Вып. 2. С. 65-74.
17. Шехурина Л. Д. Г. К. Лукомский в истории отечественного музейного дела (1907-1919) // Вторая жизнь музея: Возрождение утраченного и воплощение нереализованного. СПб.: Издательство СПбГУКИ, 2012. С. 82-88.
18. Шутилова А. О. Становление системы музейного учета 1917-1938 // Город Пушкин.

- Дворцы и люди. СПб, 2015. С. 6-22.
19. Шутилова А. О. Царскосельские дворцы в первые годы советской власти // Музей и революция 1917 года в России: судьба людей, коллекций, зданий (из цикла «Музей и война»): сборник докладов всероссийской конференции (Екатеринбург, 15-17 ноября 2017 г.). Екатеринбург, 2017. С. 191-196.
  20. Benson A. The Russian Revolution and The Burlington Magazine: A letter from Alexander Polovtsov // Burlington Magazine. 1919 Vol. 34. Pp. 160-161.
  21. Polovtsoff A. Les Tresors d'Art en Russie sous le régime Bolshevik. Paris, 1919

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Сохранение объектов культурного наследия является сегодня одной из приоритетных задач не только государства, но и гражданского общества в России. Различные памятники культуры не только в Московском регионе в настоящее время активно реконструируются, что позволяет возродить те традиционные ценности, на которых держится культура нашей страны. В этой связи представляется важным обратиться к историческому опыту спасения объектов культурного наследия в советский период.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой является деятельность Совета хранителей пригородных дворцов-музеев в первые годы советской власти. Автор ставит своими задачами рассмотреть судьбу бывших царских резиденций после революции, раскрыть повседневную деятельность пригородных дворцов-музеев, проследить судьбу пригородных дворцов от преобразования художественных комиссий в отдельные музеи до централизации управления ими в 1925 г.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает историко-генетический метод, в основе которого по определению академика И.Д. Ковальченко «последовательное раскрытие свойств, функций и изменений изучаемой реальности в процессе ее исторического движения, что позволяет в наибольшей степени приблизиться к воспроизведению реальной истории объекта», а его отличительными сторонами выступают конкретность и описательность.

Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор отмечает, что деятельность Совета хранителей пригородных дворцов-музеев «впервые становится объектом отдельного исследования». Научная новизна статьи заключается также в привлечении архивных материалов.

Рассматривая библиографический список статьи, как позитивный момент следует отметить его масштабность и разносторонность: всего список литературы включает в себя свыше 20 различных источников и исследований. Источниковая база статьи представлена прежде всего документами из фондов Центрального государственного архива Санкт-Петербурга, Центрального государственного архива литературы и искусства Санкт-Петербурга и др. Из используемых исследований укажем на труды С.Н. Третьякова, Г.И. Цыркиной, А.О. Шутиловой, в центре внимания которых различные аспекты деятельности пригородных дворцов-музеев Петрограда-Ленинграда в первые годы советской власти. Заметим, что библиография обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста читатели могут обратиться к другим материалам по ее теме. В целом, на наш взгляд, комплексное

использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как историей пригородных дворцов Санкт-Петербурга, в целом, так и судьбой пригородных царских дворцов в первые революционные годы, в частности. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что сразу после революции «сложилось двоевластие Наркомата имущества Республики и Наркомпроса», которые поделили между собой хозяйственное и научное руководство организациями, функционирующими в императорских резиденциях. В работе показано, что на заседании Совета хранителей пригородных дворцов-музеев «обсуждались проблемы административного устройства новообразованных институций в бывших царских резиденциях», также «в документах Совета хранителей отражены трудности коммуникации между сотрудниками пригородных дворцов-музеев и властями». Автор обращает внимание на то, что «повседневную деятельность пригородных дворцов-музеев на протяжении всего периода работы Совета хранителей осложняли высокая текучесть кадров, криминальные происшествия и недостаток финансирования».

Главным выводом статьи является то, что «несмотря на отсутствие полномочий по принятию самостоятельных решений о судьбе дворцов, Совет стал площадкой для выражения общественного мнения группы интеллигенции — хранителей».

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в курсе лекций по истории России, так и в различных спецкурсах.

К статье есть отдельные замечания: так, имеются ошибки с точки зрения русского литературного языка («Они смогли доказать властям необходимость выделения дворцов-музеев в отдельную группу художественно-исторических организаций. А также добились создания отдельного государственного органа для централизации управления пригородами»).

Однако, в целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале «Genesis: исторические исследования».

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Ярмович Ф.К. — Транспортная инфраструктура Ленинграда и социально-экономические изменения в жизни города 1950 – 1960-х гг // Genesis: исторические исследования. – 2023. – № 10. DOI: 10.25136/2409-868X.2023.10.38975 EDN: PTFMTP URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=38975

Транспортная инфраструктура Ленинграда и социально-экономические изменения в жизни города 1950 – 1960-х гг

Ярмович Фёдор Кузьмич

кандидат исторических наук

научный сотрудник, Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук

183456, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Ул. Жукова, 1

 f.k.1985@mail.ru

[Статья из рубрики "Историческое время и пространство"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2023.10.38975

EDN:

PTFMTP

Дата направления статьи в редакцию:

18-10-2022

Аннотация: В статье рассматривается городская дорожная инфраструктура в качестве одного из факторов социально-экономической повседневности человека. Обращение к ленинградскому материалу 1950 – 1960-х гг. позволяет изучить какое влияние на транспортную систему города оказало расселение городского центра, реформа рабочего времени и рост численности населения. В статье обращается внимание на механизмы решения логистических проблем, которые возникли в Ленинграде в следствии социально-бытовых изменений. Выясняется степень эффективности преодоления имеющихся трудностей в дорожно-логистической инфраструктуре города. Для решения поставленных в статье задач применяется историко-генетический, историко-сравнительный и ретроспективный методы. Неотъемлемой частью повседневности современного российского города становятся проблемы в организации перемещения городского населения. Стремление федеральных и муниципальных властей России решить этот вопрос, довольно часто в городах миллионниках не приводит к желаемому результату. Проведенный на материалах Ленинграда 1950 - 1960-х гг. исторический

анализ демонстрирует, что, решая эту задачу, необходимо учитывать множество факторов как демографического, так и социально-бытового характера. Но даже в этих условиях, как показал исторический опыт Ленинграда, когда городские власти приложили значительные усилия для создания разветвленной дорожно-транспортной сети, логистические проблемы так и не были преодолены. Поэтому исторический опыт и современные реалии указывают на необходимость разработки новых более эффективных теоретических моделей организации перемещения населения города.

Ключевые слова:

Ленинград, дорожная инфраструктура, политика расселения, свободное время, транспортная проблема, город, городское пространство, горожанин, ленинградец, дорога

Эффективное освоение окружающей человека территории становится залогом не просто комфортной жизни, но в определенной степени его выживания. Не случайно Ф. Бродель указывал, что «любая деятельность вступает в противоборство с пространством, преодолевает навязанные им ограничения и приспосабливается к ним» [1, с. 43]. Одним из механизмов адаптации пространства к нуждам человеческой жизни выступает дорога. Транспортная инфраструктура связывает как разные регионы мира или отдельные социально-экономические районы страны, так и территорию внутри города: «транспортные связи играют большую роль в формировании агломераций. От организации транспортных сообщений зависит их пространственное развитие, затраты времени на передвижения и подвижность населения» [2, с. 96]. На материалах Ленинграда предлагается изучать, в какой степени дорожная инфраструктура города отвечала социально-экономическим изменениям 1950 – 1960-х гг. (расселение центральных районов Ленинграда, реформа рабочей недели и рост численности городского населения).

В рамках решения жилищной проблемы, которая была начата в СССР во второй половине 1950-х гг., в Ленинграде проводилось расселение центральной части города, где ленинградцы проживали в основном в коммунальных квартирах, в новые городские районы, где горожанам предоставлялась отдельная жилплощадь. В этих условиях дорожно-транспортная система города должна была обеспечить транзит городского населения из мест их проживания в новых районах к местах их трудовой деятельности, которые находились в центральной части Ленинграда. Вторая задача, которая стояла перед дорожной инфраструктурой города, в условиях реформы рабочего времени и увеличения свободного, обеспечить транспортировку ленинградцев из мест их проживания к культурно-досуговым учреждениям города, которые также в основном находились в центре Ленинграда.

Новые факторы городской повседневности, конечно, отразились на работе дорожно-транспортной инфраструктуры, но еще и до этих изменений (в первой половине 1950-х гг.) она испытывала определенные трудности при организации перемещения ленинградцев. Одной из них была излишняя густота городских улиц: «до конца 1957 г. жилищное строительство в Ленинграде размещалось преимущественно небольшими кварталами площадью 4 – 6 га. ... образовывали излишне густую сеть улиц, что ... ухудшало условия городского транспортного движения» [3, с. 38, 40.1]. В определенной степени нивелировать имеющиеся трудности в дорожном хозяйстве города в первой

половине 1950-х гг. могла не очень высокая подвижность населения. В 1950 г. на одного ленинградца приходилось 540 поездок в год, в 1951 г. – 547, а в 1954 г. – 520 [4, л. 27]. Во второй половине пятидесятых ситуация начинает меняться. В 1956 г. один житель Ленинграда в год совершал 565 поездок, в 1957 г. – 594, а в 1958 г. – 614 [5, л. 28].

Отличие в показателях первой половины от второй половины десятилетия объясняется тем, что в первом случае основная масса ленинградцев проживала, работала и отдыхала в центральных районах города, во втором – начавшаяся политика расселения центральных районов привела к тому, что часть городского населения начинает перемещаться в новые городские районы, которые находились на окраинах города, а места работы и культурно-досуговые учреждения располагались в центре города: «жилые массивы в районах Щемиловки, Большой и Малой Охты, на пр. Энгельса, в Автова, на Московском пр. и т.д. заселяются в значительной части лицами, работающими в центре города. Это вызвало рост как трудовых, так и культурно-бытовых поездок за счет населения новых жилых кварталов. Так, например, в Невском районе, где идет крупное жилищное строительство на Щемиловке, в 1947 году по пр. Обуховской Обороны проезжало в район Невского Райсовета 53,5 т. чел. в оба направления за день (на трамвае и автобусе). В 1958 году на этом же участке (включая новую параллельную магистраль) проехало 86,8 тыс. чел., т.е. на 63% больше» [5, л. 28].

Новая городская реальность и транспортные проблемы, к которым она привела, находят отражение как в литературе [6, с. 218], так и в «Технико-экономических основах проекта Генерального плана развития Ленинграда. 1959 г.», где описывался весь комплекс проблем, который был характерен для Ленинграда в конце 1950-х гг. Обращалось внимание, что уличная сеть города измельчала и перенасыщена нерегулируемыми перекрестками, проезжая часть многих улиц и даже основных городских магистралей узкая, а ряд районов, где проживала значительная часть населения Ленинграда, не располагали необходимой для нормальной связи с центром города (где находились музеи и театры) дорожной инфраструктурой. Например, это было характерно для Московского проспекта [7, л. 55, 56].

Трудности в организации перемещения населения Ленинграда на рубеже 1950 – 1960-х гг. стали настолько очевидны и влияли на качество жизни горожан, что нашли отражение на страницах периодической печати города. Отвечая на вопросы читателей, присланные в редакцию газеты «Ленинградская Правда», начальник Отдела городского транспорта и дорог А.П. Жуковский констатировал, что «в центре обстановка еще терпима – здесь довольно неплохо развита транспортная сеть, а вот в новых районах транспорт явно отстает от бурных темпов жилищного строительства. И надо честно признать, что из года в год это отставание все больше увеличивается» [8, с. 2].

Обращая на это внимание, А.П. Жуковский ни в коей мере не сгущал краски вокруг проблемы. В 1960-е гг. пропорциональное соотношение численности населения между центральными и новыми районами города продолжало изменяться: «бурное развитие новых районов Ленинграда вызывает усиленный приток населения из центра на периферию. К концу 1971 года численность населения пяти центральных районов (Дзержинского, Куйбышевского, Смольницкого, Октябрьского и Петроградского) по сравнению с 1959 годом уменьшилось почти на 30 процентов. Одновременно происходит и постарение населения ленинградского центра из-за отлива в новые районы преимущественно молодых семей» [9, с. 57]. Такое пропорциональное соотношение в

распределении населения в городском пространстве приводило к тому, что житель Ленинграда все больше и больше времени проводил в транспорте, совершая поездки из дома на работу и из дома в театры, кинотеатры, музеи и т.д.

Конечно, на всем протяжении 1950 – 1960-х гг. ленинградские власти стремились решить транспортную проблему: строились новые дороги, развязки, мосты, грузовые дублеры основных городских магистралей, развивался метрополитен, прокладывались новые маршруты общественного транспорта, пополнялся парк автобусов, трамваев, троллейбусов и многое другое. Дорожно-логистическая проблема серьезно изучалась на теоретическом уровне. Научный поиск находил отражение, в частности, в «Технико-экономических основах проекта Генерального плана развития Ленинграда», где для более продуктивного планирования подвижности населения использовался новый терминологический аппарат, например, «модуль расстояния». Применяя этот модуль, территория Ленинграда была разделена на 5 зон, расположенных по отношению к центру города в виде концентрических колец, шириной в 3 км. Это позволяло выделить основные зоны проживания населения и их удаленность от мест работы и отдыха. Использование этой методики продемонстрировало, что в конце 1950-х гг. основной объем населения (83%) проживал на расстоянии до 6 км от центра города. С таким городским радиусом не хотели мириться и предполагали, что в 1960-х гг. это положение дало неизбежно изменить, добившись того, чтобы в зоне до 6 км от центра города осталось проживать 46,9% от всего числа городского населения, а в зоне от 6 до 12 км от центра численность населения должна была возрасти до 48,9% [\[10, л. 2 – 12\]](#). Безусловно, такой план, который в целом в 1960-е гг. был реализован, очень сильно увеличил нагрузку на дорожную систему города.

Несмотря на предпринимаемые шаги, в 1960-е гг. городские власти не смогли полностью решить логистическую проблему Ленинграда. Об этом свидетельствует анализ бюджета времени ленинградца. За семь месяцев 1966 г. в промышленности Ленинграда временные потери составили более 6 миллионов человеко-дней, что обуславливается именно недостатками при организации работы транспорта: «увеличение дальности поездок пассажиров к месту работы, связанное с развитием города, отставание в развитии городской транспортной сети от потребностей пассажирских перевозок, а также серьезные недостатки в организации работы транспорта вызывают большие затраты времени у населения в утренние и вечерние части» [\[11, л. 22\]](#).

Нерешенность проблем в транспортной системе города объясняется недостаточным вниманием ленинградских властей к этому вопросу можно только частично, о чем свидетельствует уже цитируемая публикация А.П. Жуковского, в которой отмечалось, что в сравнении с другими крупными городами СССР в Ленинграде ситуация с дорожной инфраструктурой обстоит не самым лучшим образом [\[8, с. 2\]](#). Но полностью возлагать ответственного за это на городские власти было бы не верно. Были, конечно, и объективные причины. Среди которых значительный рост населения Ленинграда с 2,6 млн. в 1950 г. до 3,5 млн. в 1970 г. К другой причине можно отнести то, что даже в условиях перехода Ленинграда на микрорайонный принцип планирования, предполагавший размещение учреждений культуры около мест проживания человека, добиться этого в полной мере не удалось. Даже в 1960-х гг. основные центры отдыха находились в центре города, о чем свидетельствует техническая документация к Генеральному плану 1963 г.: «почти все наиболее крупные и значительная часть малых культурно-просветительных учреждений сосредоточены в районах старой застройки, главным образом в центральной части города», – в упомянутом документе приводилась конкретная цифра: 70% всех учреждений досуга располагались в центральной части

города [12, л. 18, 19]. Такая диспропорция приводила к тому, что во второй половине 1960-х гг. в структуре передвижения ленинградцев по городу на культурно-бытовые цели приходилось до 80% и только 20% были связаны с работой [13, с. 145, 147].

В середине 1970-х гг. в специализированной литературе было признано, что логистическая проблема не имеет решения в рамках принятой теоретической модели городского планирования: «городской транспорт в определенной мере вступил в противоречие с современной системой городского расселения и планировочной структурой городских поселений, что ограничивает возможность рационального развития того или иного городского организма и в какой-то мере приводит к чрезмерной плотности населения» [14, с. 60].

В стремлении преодолеть расширяющееся пространство Ленинграда, обеспечить быстрое передвижение возрастающего городского населения, власти города строили новые дороги, мосты и т.д. Но все это не позволило дорожной инфраструктуре преодолеть пространственный фактор, о котором размышлял Ф. Бродель, и в должной мере связать город. Новая социально-экономическая реальность 1950 – 1960-х гг., которая формировалась под влиянием расселения городского центра, реформы трудовой недели и численности населения Ленинграда, поставила перед дорожной инфраструктурой города такие задачи, которые полностью ей решить не удалось.

Библиография

1. Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II: В 3 ч. Ч.2: Коллективные судьбы и универсальные сдвиги / Пер. с фр. М.А. Юсима. М., 2003.
2. Баркова Е.А. Проблема затрат времени населения на транспортные связи при групповом развитии населенных мест // Градостроительство. Сборник научных трудов. К XXIII международному географическому конгрессу / под ред. Ф.М. Листенгурта. М., 1976.
3. Верижников С.М. Индуистриальное жилищное строительство в Ленинграде. Домостроительные комбинаты. Л., 1960.
4. Центральный государственный архив научно-технической документации Санкт-Петербурга (далее ЦГАНТД СПб). Ф. 386. Оп. 3-3. Д. 26.
5. ЦГАНТД СПб. Ф. 386. Оп. 3-3. Д. 26.
6. Очерки истории Ленинграда. Том шестой. Ленинград в период завершения строительства социализма и постепенного перехода к коммунизму. 1946 – 1965 гг. Л., 1970.
7. ЦГАНТД СПб. Ф. 386. Оп. 3-2. Д. 5.
8. Город и транспорт // Ленинградская Правда. 21 декабря 1960 г.
9. Лисовский В.Г. Город без окраин. Районы новостроек Ленинграда. Л., 1974.
10. Технико-экономические основы проекта генерального плана развития Ленинграда. Раздел: Транспортные условия расселения. 1959 г. // ЦГАНТД СПб. Ф. 386. Оп. 3-3. Д. 25.
11. Протокол №3 заседания пленума Ленинградского городского комитета КПСС от 5 октября 1966 г. // Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга. Ф. 25. Оп. 100. Д. 16.
12. Организация обслуживания населения 1963 г. // ЦГАНТД СПб. Ф. 386. Оп. 3-3. Д. 43.

13. Зенгбуш М.В. Влияние общегородского центра на расселение и транспорт в крупных городах / Архитектура и градостроительство (Вопросы теории и истории архитектуры, архитектурного проектирования, архитектурных конструкций, градостроительства, архитектурной графики и городского транспорта). Доклады к XXIV научной конференции. Л., 1966.
14. Литовка О.П. Проблемы пространственного развития урбанизации. Л., 1976.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Отзыв

на статью "Транспортная инфраструктура Ленинграда и социально-экономические изменения в жизни города 1950 – 1960-х гг."

Предмет исследования транспортная инфраструктура города Ленинграда в 1950-1960-ые годы, а также деятельность городских органов власти по ее улучшению.

Методология исследования. В статье используются общенаучные методы: анализ, синтез, статистический и описательный. Применяются также конкретно-исторические методы: проблемно-хронологический, сравнительно-исторический и системно-структурный. Это дает возможность сравнить транспортную систему г. Ленинград в различные хронологические периоды: начало 1950-х годов, конец 1950-х годов и 1960-ые годы.

Актуальность поднятой автором рецензируемой статьи не вызывает сомнения. Транспортная инфраструктура больших и средних городов и в настоящее время является одной из наиболее сложных задач в городском строительстве. Рост численности транспортных средств и населения, увеличение количества поездок в разные районы города, а из разных районов города в центр, быстро устаревающая система дорожной сети, в условиях роста интенсивности движения машин и пешеходов, активной застройки города и многие другие факторы создают коллапс на дорогах и многочасовые пробки требуют мониторинга городской дорожной системы и особого внимания к транспортной инфраструктуре городов, особенного крупных (городов -миллионников), но как показывает жизнь эта проблема строит в средних и малых городах и других населенных пунктов со стороны власти, как исполнительных органов власти, так и законодательной. В последние годы в обществе запрос на изучение прошлого опыта по решению вопросов транспортной инфраструктуры городов, улучшения дорожной системы и ее регулирования возрос и потому рецензируемая научная статья ак Начальная новизна статьи заключается в том, что в данной статьи впервые изучается транспортная инфраструктура города Ленинграда в 1950-и 1960-ые годы, когда проходили важные социально-экономические изменения (это рост численности населения, активное городское жилищное строительство, переселение жителей из коммунальных квартир в отдельное жилье на периферии города, возрастание культурных запросов жителей, что привело к росту числа их поездок в центр и т.д.).

Стиль, структура, содержание. Стиль написания статьи в целом научный, есть элементы описательности, что делает статью более доступной для широкой читательской аудитории. Статья в целом хорошо структурирована как хронологически, так и проблемно. Содержание статьи соответствует ее названию.

Библиография статьи показывает, что автор использует литературу как по самой изучаемой теме, так и по смежным проблемам и в целом отражает поднятые в статье

вопросы и свидетельствует о том, что автор достаточно глубоко владеет материалом и хорошо разбирается в исследуемой теме. Библиография статьи насчитывает 14 источников (архивные документы, монографии и статьи по изучаемой и смежных с ней тем).

Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи и библиографии.

Выводы, интерес читательской аудитории. Выводы статьи обоснованы и вытекают из проделанной автором анализа всего спектра поднятых вопросов. Сложно не согласится с выводом автора, что «в стремлении преодолеть расширяющееся пространство Ленинграда, обеспечить быстрое передвижение возрастающего городского населения, власти города строили новые дороги, мосты и т.д.», но расселение городского центра, рост численности населения, социально-экономические реформы (реформы трудовой недели-сокращение количества рабочих часов, что вело к высвобождению времени и соответственно росту культурных запросов, которое формировалось также органами власти), расширение городского пространства и другие факторы «поставила перед дорожной инфраструктурой города такие задачи, которые полностью ей решить не удалось». Статья будет интересна специалистам историкам, социологам, экономистам, культурологам, а также широкому кругу читателей, которые интересуются историей, бытом и культурой советского периода нашей страны. Статья рекомендуется к печати.

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Степанова Ю.В. — Бельские волости в XVI-XVII вв.: историко-географическая характеристика региона на западном рубеже Русского государства // Genesis: исторические исследования. — 2023. — № 10. DOI: 10.25136/2409-868X.2023.10.68730 EDN: PUDMJN URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=68730

Бельские волости в XVI-XVII вв.: историко-географическая характеристика региона на западном рубеже Русского государства

Степанова Юлия Владимировна

ORCID: 0000-0002-3717-1589

кандидат исторических наук

старший научный сотрудник, Институт всеобщей истории Российской академии наук

119334, Россия, г. Тверь, ул. Трехсвятская, 16/31, оф. 207

✉ m000142@mail.ru

[Статья из рубрики "История отдельных регионов России"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2023.10.68730

EDN:

PUDMJN

Дата направления статьи в редакцию:

17-10-2023

Аннотация: В статье представлены результаты историко-географического исследования волостей г. Белой XVI-XVII вв. В задачи исследования входили картографирование бельских волостей и границ Бельского уезда на современной географической основе, изучение их трансформации в XVI-XVII вв. Основными источниками исследования являются материалы писцовых описаний Бельского и сопредельных Торопецкого и Ржевского уездов XVI-XVII вв. Работы выполнена с применением геоинформационных технологий. Произведена сплошная локализация топонимии переписей Бельского, Ржевского, Торопецкого уездов XVI-XVII вв., что позволило детально картографировать волости уезда и его территорию в целом. Писцовые описания позволили составить представление о трансформации территории Бельского уезда. Получено представление о территории бельских волостей в период после их вхождения в состав Русского государства в начале XVI в. В первой половине XVI в. к Белой отошли торопецкие волости Рожня и Бибireво. Во второй половине 1560-х гг. часть Бельского уезда вошла

в уезд Ржевы Володимеровы в связи с формирование опричного землевладения. После Смутного времени польско-российская граница установилась по рубежу Торопецкого, Ржевского и Зубцовского уездов с бельскими волостями. После вхождения Белой в состав Русского государства и передачи к Ржеве Володимеровой бывшего владения католической церкви в Жукоповской волости Бельский уезд приобрел очертания, сохранившиеся в XVIII в. Часть территории уезда в результате конфискаций у католической церкви и светских землевладельцев перешла в разряд дворцовых земель. Однако наибольшая доля территории уезда осталась во владении смоленской и бельской шляхты.

Ключевые слова:

уезд, волость, граница, локализация, карта, землевладение, шляхта, XVII век, Русское государство, Речь Посполитая

Историко-географические реалии эпохи раннего нового времени ряда западных территорий Русского государства остаются плохо изученными. К таким регионам относится территория Бельского княжества, которое с первой половины XIV в. находилось в составе Великого княжества Литовского, а в начале XVI в. перешло в состав Московского государства. В период Смуты г. Белая и ее волости были утрачены Русским государством. В 1618 г. они перешли Речи Посполитой, и в 1625 г. город Белая получил привилей на магдебургское право [1]. В ходе Смоленской войны 1632–1634 гг. город переходил в руки русского гарнизона [2, с. 216–231], однако по Поляновскому миру 1634 г. остался в составе Речи Посполитой. В том же и следующем году было произведено размежевание польско-российской границы на участке соприкосновения Торопецкого, Ржевского и Зубцовского уездов с Бельскими волостями [3, с. 165]. В состав Русского государства Белая с волостями перешла лишь в ходе военной кампании 1654 г. По итогам Андрушовского перемирия 1667 г. Белая с волостями осталась в составе Русского государства [4, с. 39; 5, с. 16].

Бельские волости перечислены в перемирных грамотах 1503 и 1522 гг. [6, с. 398–402, № 75; 7, с. 148–151]. К Белой в этих документах отнесены лишь три волости – Большево, Шоптово, Верховые (Верхонье), а также Моневидова слобода. Центры этих волостей отыскиваются в картографических материалах XIX в. Волостные центры и пределы Бельского княжества в составе ВКЛ были отражены на картах, составленных В.Н. Темушевым [8, карты 4, 8]. Отметим, что описания территории бельских волостей XV–XVI вв. отсутствуют.

Территория Бельского уезда в составе Русского государства XVI–XVII вв. остается крайне слабо исследованной. До сих пор не имелось детального представления о территориально-административном составе уезда. Я.Е. Водарский составил список волостей Бельского уезда на основе переписных материалов второй половины XVII – XVIII в. и схематично показал их расположение на обзорной мелкомасштабной карте. Из 18 волостей и одного стана (Осуйского) шесть волостей были отмечены исследователем как дворцовые (Монинская, Пустоподлесская, Пониклинская, Днепровская, Бибировская, Жарковская) [9, с. 235, 256].

Наиболее раннее описание Бельского уезда датируется 7165 (1657) годом. Это сохранившаяся в копии XVIII в. переписная книга дворцовых волостей переписи

Степана Никитича Племянникова [10, л. 1-70об]. Она охватывает волости Понизовскую, Клемягинскую, Лодыжскую, Чичатовскую, Верховскую, Днепровскую, Шоптовскую, Жукоповскую. С.Н. Племянниковым была описана также вотчина Алексеевского монастыря в Бибревской волости. В следующем, 7166 (1658) г. С.Н. Племянниковым была проведена новая перепись дворцовых владений Бельского уезда. В нее, помимо ранее описанных и взятой в дворцовые Бибревской, вошли территории Роженской, Жарковской (Старковской), Монинской, Березовской, Юрьевской волостей [10, л. 71-115об].

Отметим, что в этих описаниях имеются указания на более раннюю перепись уезда Ивана Ивановича Замыцкого (ум. в 1646 г.) [11, с. 220], которая была использована в качестве приправочной.

Наиболее ранним источником, характеризующим территорию уезда, охваченную землевладением служилых людей, является переписная книга Бельского уезда смоленских стрелецкого головы Данилы и капитана Василия Чернцовных 1668 г. [12], то есть вскоре после заключения Андрусовского перемирия. В ней характеризуются маестности смоленской и бельской шляхты в Понизовской, Роженской, Дубровской, Жарковской (Старковской), Монинской, Егорьевской (Юрьевской), Клемягинской, Ладыжской, Березовской, Пониклинской, Шоптовской, Верховской, Чичацкой, Болотовской, Усачерской, Симоновской, Лустьской волостях. Описание Пустоподлесской и Днепровской волостей в книге 1668 г. отсутствует. Соответственно, можно полагать, что эти территории были заняты в основном дворцовыми землевладением.

В 1678 г. дворцовые земли Бельского и Дорогобужского уездов описывал Петр Семенович Косминский. Его перепись охватила Монинскую, Шоптовскую, Пониклинскую, Пустозалесскую, Днепровскую, Жарковскую волости [10, л. 161-217].

Жукоповская волость была приписана к уезду Ржевы Володимеровы. В 1678 г. ее описание составили Федор Изъединов и подьячий Федор Бишов [13].

«Бельская припись» выделяется в составе уезда Ржевы Володимеровы во второй половине XVI в. Бельские части Волговской и Ртищевской волостей охарактеризованы в писцовой книге Ржевского уезда 1588–1589 гг. [14; 15, с. 396-397].

Расположение западной границы Бельского уезда XVI в. позволяет уточнить описание соседнего Торопецкого уезда 1540 г. [16].

Таким образом, составить представление о территории бельских волостей, вошедших в состав Русского государства в начале XVI в., а затем во второй половине XVII в., позволяет детальное исследование комплекса разновременных переписей Бельского, Торопецкого и Ржевского уездов.

В работе по картографированию уезда применялся метод сплошной локализации топонимов переписных книг в геоинформационном проекте QGIS. Метод предполагает соотнесение топонимии писцовых описаний с данными источников XVIII–XIX вв. В данной работе использовались материалы Генерального межевания Смоленской губернии [17], карта Ф.Ф. Шуберта [18, л. XXIII, XXIV, XXIX, XXX]. Историческая топонимия, восходящая к XVII в., отражена на военно-топографических крупномасштабных картах 1940-х гг. [19]. Эти материалы, в настоящее время оцифрованные, показали хорошую сохранность исторической топонимии Бельского уезда XVII в. Результатом исследования

стало детальное картографирование волостей Бельского уезда второй половины XVII в. (рис. 1).

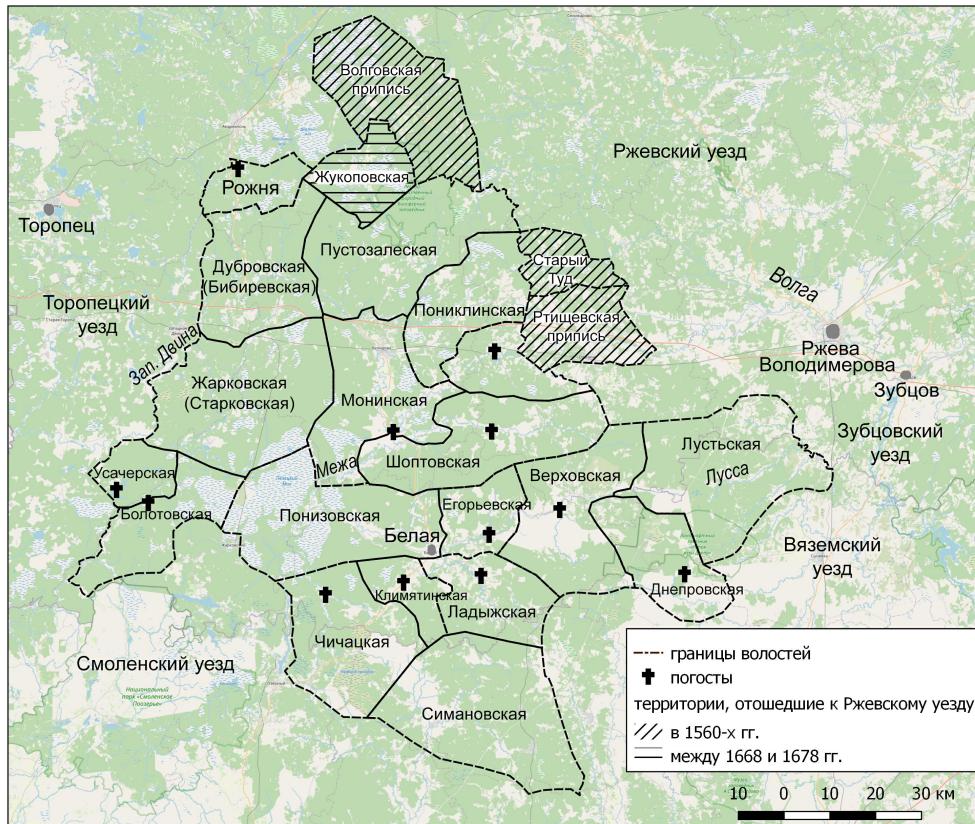

Рис.1. Бельский уезд в XVII в.

В составе Бельского уезда второй половины XVII в. сохранились восходящие к Бельскому княжеству волости Верховская, Шоптовская и Монинская (наследующая Моневидовой слободе). Днепровская волость, возможно, восходила к Большево, однако само с. Большево среди дворцовых селений волости в описаниях 1657 и 1678 гг. отсутствует.

Жарковская (Старковская) волость являлась частью крупной Старцовой волости, разделенной между Торопцем и Белой еще в литовское время [20, с. 192]. Бельская часть Старцовой волости охватывала течение р. Велесы. Ее восточная граница проходила в болотистом междуречье рек Велесы и Межи. Данные писцовой книги Торопецкого уезда позволили локализовать торопецкую часть Старцовой волости. Таким образом, данные описаний двух уездов XVI–XVII вв. позволяют реконструировать местоположение и размеры Старцовой волости до ее разделения.

Волости Дубровская (Бибировская) и Роженская в литовское время относились к Торопцу. Они числятся в составе Торопецких волостей в перемирной грамоте 1503 г. Возможно, что их передача в Бельский уезд произошла в 1520–1530-х гг., так как в писцовой книге Торопецкого уезда их описание отсутствует. Накануне завоевания Бельских волостей в 1650-х гг. в Бибировской волости находилось владение витебского Алексеевского монастыря [10, л. 1; 21, с. 70]. Алексеевский монастырь в Витебске – костел св. Иосифа при иезуитском колледжиуме в 1654–1667 гг., преобразованный в монастырь в годы русско-польской войны. После передачи Витебска Речи Посполитой в 1667 г. монастырь вновь перешел к иезуитам [22, с. 454].

Жуковская волость локализуется в среднем течении р. Жукопы. Ее территория в XVI

в., вероятно, включала почти все течение р. Жукопы. Ее северная часть, образовывавшая Бельскую припись Волговской волости, локализуется по данным писцовой приправочной книги уезда Ржевы Володимеровы 1588/89 г.

Писцовая книга уезда Ржевы Володимеровы 1588-1589 гг. свидетельствует, что бывшей бельской волостью являлась и волость Старый Туд [\[14, с. 110-116\]](#).

Приписи из Бельского уезда к уезду Ржевы состоялись во второй половине 1560-х гг. в связи с взятием ржевских волостей в опричнину [\[23, с. 77-85\]](#). В XVII в. эта территория осталась в составе Ржевского уезда.

Описание 1657 г. свидетельствует, что накануне отвоевания Белой в 1654 г. бельская Жукоповская волость (вероятно, только ее часть) находилась во владении витебских иезуитов, как и Дубровская (Бибировская) [\[10, л. 70\]](#). После отвоевания Белой волость была взята в дворцовые, а затем приписана к уезду Ржевы Володимеровы в период между 1668 и 1678 гг.

В волости находился Жукопский ям, который упоминается в «Выписи из новгородских изгонных книг» [\[24, с. 285\]](#). Его местонахождение не было установлено ранее. На него косвенно указывает упоминание дороги «что ездят во Ржеву и в Торопец» в выписи из писцовой книги Федора Изъединова и подьячего Федора Бишова 1678 г. [\[13, л. 109об.\]](#). Дорога из Торопца в Ржеву Володимерову пересекала р. Жукопу в районе дд. Лаврово, Минькино (существуют в настоящее время), Горки, пуст. Дубасово. Можно предположить, что Жукопский ям на московско-литовском рубеже находился здесь.

Восточную часть Бельского уезда образовывали Пониклинская, Березовская, Шоптовская, Лустьская волости. Пониклинская и Березовская волости, по-видимому, простирались на восток до верховьев р. Белейки и Дубенки. В 1560-х гг. часть этих земель, как и Жукоповская волость, была приписана к Ртищевской волости уезда Ржевы Володимеровы. Эта припись локализуется по данным писцовой приправочной книги уезда Ржевы Володимеровы 1588/89 г.

Название Лустьской волости образовано от р. Луссы – притока р. Осуги, бассейн Волги). В начале XVIII в. волость была преобразована в Осуйский стан. Она клинообразно размещалась между ржевскими, зубцовскими и вяземскими землями. Международная граница, где Зубцовский уезд «сшолся с Литовским рубежем з Бельским уездам», была зафиксирована в документах первой половины XVII в. [\[25, с. 180\]](#).

В описании 1668 г. выявлена путаница: несколько деревень, расположенных в северной части уезда, между Монинской и Жукоповской волостями, ошибочно отнесены в нем к Понизовской волости [\[12, л. 73-75\]](#), тогда как здесь же локализуются дворцовые селения Пустозалесской волости [\[10, л. 201-204\]](#).

Материалы переписей свидетельствуют, что в 1650-1670-х гг. большая часть территории Бельского уезда была занята поместным землевладением смоленской и бельской шляхты, за исключением Жукоповской и Днепровской волостей. Значительная доля шляхты сохранила земли, которыми она обладала в польский период. Об этом свидетельствуют указания в переписи 1668 г. на привилеи 1620-1630-х гг. Размеры унаследованных от прежних времен землевладений различные, от очень мелких, в 2-3 деревни, до очень крупных, размером с волость. Так, Болотовская и Усачерская волости в польский период принадлежали Яну Поплонскому, купившему эти земли у Станислава Унуховского в 1630-х гг. В московское время эти волости практически полностью

находились во владении сыновей Я. Поплонского Леонтия и Ивана [12, л. 224–232]. В Симановской волости крупное землевладение было закреплено за шляхетской вдовой Дарьей Яновской женой Малышкина «по грамоте великого государя и по отказным книгам и по королевским привелеем в королевском привелье 143 году» (1635 г.) [12, л. 212об.]. Сохранила свои владения часть грунтовых казаков и бельских пушкарей. Последним посадские люди Белой «полюбовно поступились» пригородными полями «в полуводоках и в моргах и в застенках по жеребью на человека, а три человека владеют старинными своими жеребьями, чем владели при полском короле» [12, л. 246об.]. Частичное сохранение земель за прежними владельцами наблюдалось и в XVI в., после завоевания Смоленска. В целях контроля над присоединенной территорией вывод смолян продолжался весь XVI в., но при этом низший слой слуг поначалу был оставлен на месте [26, с. 256]. После завоевания Смоленщины во второй половине XVII в. политика российского правительства по отношению к местной шляхте была направлена на сохранение ею прежних привилегий [27, с. 172].

Размещение локализованных населенных пунктов и пустошей показывает, что значительная доля территории Бельского уезда была незаселенной. Освоенные территории располагались в основном по берегам рек и отдельных озер обособленными анклавами, разделенных болотами и лесами. По данным XVIII в., в Бельском уезде наблюдался наименьший процент распашки среди смоленских уездов – 17%. [28, с. 142]. Эта особенность территории уезда объяснялась, помимо разорения в годы войны, природным ландшафтом, для которого были характерны обширные заболоченные пространства и лесные массивы. Территория северной части Смоленской земли в древности была занята Оковским лесом, известным по летописным данным. По мнению Л.В. Алексеева, освоение этого пространства активизировалось лишь на рубеже XV–XVI вв. [29].

Таким образом, сплошная локализация топонимии переписей Бельского, Ржевского, Торопецкого уездов XVI–XVII вв. позволила детально картографировать волости уезда и его территорию в целом. Писцовые описания XVI–XVII вв. трех смежных уездов – Бельского, Торопецкого и Ржевского – позволили составить представление о трансформации территории Бельского уезда в этот период. Получено представление о территории бельских волостей в период после их вхождения в состав Русского государства в начале XVI в. В первой половине XVI в. к Белой отошли торопецкие волости Рожня и Бибрево. Во второй половине 1560-х гг. часть Бельского уезда вошла в уезд Ржевы Володимеровы. После Смутного времени польско-российская граница установилась по рубежу Торопецкого, Ржевского и Зубцовского уездов с бельскими волостями. После вхождения Белой в состав Русского государства и передачи к Ржеве Володимеровой бывшего владения католической церкви в Жукоповской волости Бельский уезд приобрел очертания, существовавшие и в XVIII в. Часть территории уезда в результате конфискаций у католической церкви и светских землевладельцев перешла в разряд дворцовых земель. Однако, значительная доля смоленской и бельской шляхты сохранила свои владения.

Привлечение актового материала в совокупности с материалами писцового дела позволит в дальнейшем изучить вопрос о динамике землевладения на территории бельских волостей, включая домонгольский период.

Библиография

1. Рогачевский А. Л. Городское право как инструмент колонизации (на примере Смоленского воеводства Речи Посполитой в XVII в.) // Учёные записки юридического факультета Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2017. Вып. 44–45 (54–55). С. 141–143.
2. Kupisz D. Smolensk 1632–1634. Warszawa: Dom Wydawniczy Bellona, 2001. 133 pp.
3. Шеламанова Н.Б. Документы государственных межеваний 30–40-х годов XVII в. // Археографический ежегодник за 1971 год. 1972. С. 161–172.
4. Мальцев А.Н. Россия и Белоруссия в середине XVII века. М.: Изд-во МГУ, 1974. 256 с.
5. Малов А.В. Русско-польская война 1654–1667 гг. М.: Цейхгауз, 2006. 47 с.
6. Сборник императорского Русского исторического общества. СПб.: Тип. Ф. Елеонского и К°, 1882. Т. 35: Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. 870 с.
7. Акты, относящиеся к истории Западной России. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1848. Т. II. 444 с.
8. Темушев В.Н. Первая Московско-литовская пограничная война: 1486–1494. М.: Квадрига, 2013. 240 с.
9. Водарский Я.Е. Население России в конце XVII – начале XVIII века (численность, сословно-классовый состав, размещение). М.: Наука, 1977. 265 с.
10. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1, ч. 1. Д. 596.
11. Русский биографический словарь / изд. под наблюдением пред. Имп. Рус. ист. о-ва А. А. Половцова. СПб.: Имп. Рус. ист. о-во, 1916. Т. 7.
12. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1, ч. 1. Д. 597.
13. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2, ч. 5. Д. 3598.
14. Фролов А.А. Писцовая приправочная книга 1588–1589 годов уезда Ржевы Володимеровой (половина князя Дмитрия Ивановича). М.; СПб.: Альянс-Архео, 2014. 488 с.
15. Готье Ю.В. Замосковный край в XVII веке: Опыт исследования по истории экономического быта Московской Руси. М.: Соцэкиз, 1937. 411 с.
16. Писцовая книга Торопецкого уезда письма Александра Давыдовича Ульянина и Тимофея Степанова сына Бибикова // Писцовые книги Новгородской земли. Т. 4: Писцовые книги Деревской пятини 1530-х – 1540-х гг. / сост. К.В. Баранов. М., Древлехранилище, 2004. С. 501–682.
17. РГАДА. Ф. 1354. Оп. 446. Ч. 1 (алфавит № 197).
18. Специальная карта Западной части Российской Империи, составленная и гравированная в 1/420000 долю настоящей величины при Военно-Топографическом Депо, во время управления генерал квартирмейстера Нейдгарта под руководством генерал-лейтенанта Шуберта, 1832. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.etomesto.ru/map-shubert-10-verst/>.
19. Топографическая военная карта Рабоче-Крестьянской Красной Армии, 1941. [Электронный ресурс]. URL: http://www.etomesto.ru/map-rkka_n-36-b/
20. Бассалыго Л.А., Янин В.Л. Историко-географический обзор новгородско-литовской границы // Янин В.Л. Новгород и Литва. Пограничные ситуации XIII–XV веков. М.: Наука, 1998. С. 104–214.
21. Орловский И.И. Смоленский поход царя Алексея Михайловича в 1654 году. Смоленск: Тип. П.А. Силина, 1906. 75 с.
22. Вялікае княства Літоўскае. Энцыклапедыя / рэдкал.: Г.П. Пашкоў, З.Э. Герасімовіч.

Мінск: БелЭн, 2007. Т. 1. 688 с.

23. Фролов А.А. Новые материалы по средневековой исторической географии земель Ржевы Володимеровой (Окончание) // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2013. № 4(35). С. 77-89.
24. Голубцов И.А. Пути сообщения в бывших землях Новгорода Великого в XVI-XVII веках и отражение их на русской карте середины XVII века // Вопросы географии. М., 1950. Сб. 20: Историческая география СССР. С. 271-302.
25. Веселовский С.Б. Акты писцового дела: материалы для истории кадастра и прямого обложения в Московском государстве / собр. и ред. С. Веселовский. М.: Общество истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1917. Т. 2, вып. 1: Акты 1627–1649 гг. 490 с.
26. Кром М.М. Меж Русью и Литвой. Пограничные земли в системе русско-литовских отношений конца XV – первой трети XVI в. М.: Квадрига; Объединенная редакция МВД России, 2010. 320 с.
27. Рябов С.М. Место и статус смоленской шляхты в политике российского правительства в XVII–XVIII вв.: к постановке вопроса // Урал индустриальный. Бакунинские чтения. Материалы XIV Всероссийской научной конференции. Том 1. Екатеринбург: ООО «Издательство УМЦ УПИ», 2020. С. 168–178.
28. Водарский Я.Е. Дворянское землевладение в России в XVII – первой половине XVIII в. (размеры и размещение). М.: Наука, 1988. 303 с.
29. Алексеев Л. В. Оковский лес Повести временных лет // Культура средневековой Руси. Л.: Наука, 1974. С. 5–11.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Отзыв на статью «Бельские волости в XVI-XVII вв.: историко-географическая характеристика региона на западном рубеже Русского государства»

Предмет исследования обозначен в названии статьи и разъяснен в тексте статьи.

Методология исследования. Методологическую основу составляют принципы научной объективности и системности. В работе использовались проблемно-хронологический и историко-сравнительный методы. При картографии уезда также применялся «метод сплошной локализации топонимов переписных книг в геоинформационном проекте QGIS». Данный метод, отмечает автор рецензируемой статьи, «предполагает соотнесение топонимии писцовых описаний с данными источников XVIII–XIX вв.».

В работе использовались «материалы Генерального межевания Смоленской губернии, карта Ф.Ф. Шуберта и военно-топографические крупномасштабные карты 1940-х годов, на которых отражена историческая топонимия, восходящая к XVII в». Автор рецензируемой статьи пишет, что эти материалы оцифрованы и «показали хорошую сохранность исторической топонимии Бельского уезда XVII в».

Актуальность исследования обусловлена тем, что «историко-географические реалии эпохи раннего нового времени ряда западных территорий Русского государства остаются плохо изученными» и данная статья направлена на то, чтобы раскрыть некоторые вопросы этой проблемы.

Научная новизна заключается в постановке проблемы и задач исследования. Научная новизна также определяется тем, что данная проблема фактически впервые стала

предметом научного изучения. Автор на комплексе имеющихся источников системно и всесторонне исследует и представляет историко-географическую характеристику Бельской волости, расположенную на западном рубеже Русского государства в XV-XVII вв.

Стиль статьи научный с элементами описательности. Структура статьи направлена на достижение цели и задач исследования. Текст статьи логично выстроен и последовательно изложен. В начале статьи автор показывает актуальность темы, научную новизну, раскрывает методы исследования и источники, обосновывает хронологические рамки исследования. В статье изучено изменение границ волости, на основе переписных листов изучается социальный состав населения волости и система землевладения, показано как шло освоение территории, дана характеристика ландшафта и прослежено изменение его территории. В заключении делаются обоснованные выводы. Так в ходе сплошная локализация топонимии переписей Бельского, Ржевского, Торопецкого уездов XVI-XVII вв. автору удалось «детально картографировать волости уезда и его территорию в целом. Писцовые описания XVI-XVII вв. трех смежных уездов – Бельского, Торопецкого и Ржевского – позволили составить представление о трансформации территории Бельского уезда» в исследуемый период. Кроме того, «получено представление о территории Бельских волостей в период после их вхождения в состав Русского государства в начале XVI в.». Главный вывод заключается в том, что «привлечение актового материала в совокупности с материалами писцового дела позволит в дальнейшем изучить вопрос о динамике землевладения на территории Бельских волостей, включая до московский период».

Библиография. Библиография работы состоит из 28 источников (это монографии, статьи, документы из Российского государственного архива древних актов (РГАДА) и другие). Библиография показывает, что автор хорошо знает исследуемую тему и проблему в целом. Апелляция к оппонентам представлена на уровне проделанной работы над исследуемой темы и также библиографии.

Статья написана на актуальную и интересную тему, имеет все признаки научной новизны и будет интересна не только специалистам, но и широкому кругу читателей.

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Боваев Н.Б. — Производство переписи скота в социальном быте калмыков: на материалах инструкции переписи скота конца XIX – начала XX века // Genesis: исторические исследования. – 2023. – № 10. DOI: 10.25136/2409-868X.2023.10.40908 EDN: PVARUQ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40908

Производство переписи скота в социальном быте калмыков: на материалах инструкции переписи скота конца XIX – начала XX века

Боваев Николай Борисович

ORCID: 0009-0007-1466-6769

преподаватель кафедры истории России, документоведения и архивоведения, Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова

358000, Россия, республика Калмыкия, г. Элиста, ул. Пушкина, 11

✉ nikbov678@gmail.com

[Статья из рубрики "История отдельных регионов России"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2023.10.40908

EDN:

PVARUQ

Дата направления статьи в редакцию:

02-06-2023

Аннотация: Предметом исследования статьи являются правила переписи домашнего скота у калмыков Астраханской губернии, в соответствии с установленной инструкцией. Хронологические рамки охватывают конец XIX – начало XX вв. Объектом в исследовании стала программа переписи калмыцкого скота. Цель исследования состоит в раскрытии основных положений Инструкции по учёту домашних животных на территории Калмыцкой степи, на основе ранее неиспользованных архивных материалов. В методологии работы были применены принципы историзма, системного анализа доступных источников. Особую ценность представляют архивные материалы из фонда канцелярии Астраханского гражданского губернатора, которые являются на сегодня единственным источником, освещающим правила переписи калмыцкого скота. Ранее, в научных кругах, изучающих региональную историю, вопрос переписи домашнего скота не рассматривался. Обычно, в исторической науке затрагивались вопросы общего состояния скотоводства и статистические данные, полученные в результате проведенной

переписи скота, но процесс самой переписи домашнего скота не изучался. Научная новизна данного исследования заключается в первом описании подробного алгоритма учета калмыцкого скота пореформенного периода. Результаты исследования, помимо внедрения новых архивных материалов в научный оборот, позволили выявить: роль каждого представителя социальных групп калмыков в производстве переписи скота, хронологические рамки самой переписи и дополнительные условия её производства.

Ключевые слова:

аймачные старшины, Астраханская губерния, владельцы скота, домашний скот, заведующие улусами, Калмыцкий Базар, Калмыцкая степь, перепись скота, попечитель, сбор подати

Исследование подготовлено в рамках реализации проекта Российского научного фонда «Между Востоком и Западом: цивилизационно-культурное развитие калмыцкого общества в составе дореволюционной России» (№ 23-18-20019) <https://rscf.ru/project/23-18-20019/>.

Выход распоряжения Государственного Совета от 10 июня 1900 года «Об обложении сборов в доход казны, поверке списков сего скота, взимания самого сбора с владельцев скота и передачи в подлежащее Казначейство» стал одним из основных законодательных актов министерства земледелия и государственных имуществ рассматриваемого периода. Основываясь на этом распоряжении, правительство Астраханской губернии разработало инструкцию для проведения переписи скота, с целью систематизации налогового сбора с владельцев скота. Кроме того, в данном акте была предусмотрена замена кибиточной подати с калмыков на сбор подати с их скота. При изучении историографии этого вопроса можно обратиться к труду Оконовой Л.В. «Исторические источники по изучению хозяйственного состава населения Калмыцкой степи Астраханской губернии в XIX – начале XX века», где обобщенно упоминается об этой замене. [\[11, с.2\]](#)

Процесс переписи

Перепись скота проводилась каждые два года для определения количества скота, принадлежащего калмыцкому населению Астраханской губернии, а также для определения суммы сбора, взимаемого с этого скота и поступающего в казну. Началом каждого двухлетнего периода считалось 1 января.

Размер сбора, взимаемого с различных видов скота, был следующим: 75 копеек с каждого верблюда, 40 копеек с лошади и крупного рогатого скота, 5 копеек с одной головы мелкого рогатого скота. Молодняк, не достигший определенного возраста на момент производства переписи, освобождался от уплаты этого сбора. Для крупного рогатого скота (верблюда и лошади) это был возраст одного года, а для мелкого рогатого скота – шести месяцев.

Перепись домашнего скота у калмыков проводилась с 1 июня по 1 сентября. [\[1, л.5\]](#).

В год, когда проводилась перепись, управление калмыцким народом направляло попечителям и заведующим улусами, а также попечителю Калмыцкого Базара необходимое число экземпляров настоящих правил (на русском и калмыцком языках) и бланков переписных листов, согласно имеющимся распоряжениям. Кроме того, они

должны были опубликовать уведомление о предстоящей переписи среди калмыцкого населения в местных губернских ведомостях.

Не оставался без внимания вопрос переписи скота у калмыков, проживающих вне Калмыцкой степи – в пределах Астраханской и соседних с ней губерний. Управление калмыцким народом обращалось к губернским властям Астраханской, Саратовской, Ставропольской губерний, областям Войска Донского и Терского, а также к председателю Временного совета по управлению Внутренней Киргизской ордой с просьбой сформировать следующие распоряжения:

- - о производстве переписи скота у калмыков, проживающих в указанных местностях с 1 июня, с указанием в переписные листы названия улуса, рода и аймака, к которым принадлежал каждый владелец кибитки;
- - составлении отдельных списков для калмыков, не имеющих скота и для калмыков имеющих скот, с указанием имеющегося количества скота в отдельности по родам, и причитающейся с них суммы сбора;
- - о тщательном наблюдении во время переписи, в случае обнаружения сокрытия – численность скота должна быть приведена в точную известность, а виновные подлежали привлечению к законной ответственности;
- - о передаче попечителям и заведующим улусами переписных листов по калмыцкому скоту и списков калмыков, обвиненных в утаивании скота к 1 сентября.

Попечители и заведующие улусами, получив предписания от управления калмыцким народом о проведении переписи, незамедлительно созывали всех аймачных старшин и хотонных старост в улусные ставки, объясняя всю важность предстоящей переписи, в соответствии с законом от 10 июня 1900 года. [\[2, Л.7\]](#). С целью убеждения калмыков и привлечения их к законной ответственности, попечители вручали каждому из старшин по экземпляру настоящих правил, а также необходимое число бланков, переписных листов и копий предыдущих списков по исчислению калмыцкого скота. Аймачным старшинам и хотонным старостам предписывалось в строгую обязанность оказывать должное содействие в правильном составлении списков и точном заполнении информации о наличии калмыцкого скота.

Аймачные старшины, приступив каждый в своем аймаке к переписи скота у калмыков, независимо от принадлежности владельцев к сословию, званию и служебному положению, составляли списки:

- - калмыков своего аймака, кочующих в улусе и имеющих скот, в особенно выделяя свои родовые хурулы, находящиеся на территории аймака;
- - калмыков своего аймака, не имеющих скота;
- - калмыков из других улусов, кочующих на землях данного аймака с разделением их: на владеющих и не владеющих скотом.

В этих списках, в соответствующих графах, напротив фамилии каждого владельца скота, указывалось:

- - общая численность имеющегося поголовья скота: верблюдов, лошадей, рогатого скота (крупного скота), овец, коз и свиней (мелкого скота);
- - количество молодняка разных видов скота, не подлежащего обложению;

- - сумма сбора, взимаемая с каждого владельца.

Формы обозначенных списков утверждались астраханским губернатором по соглашению с управляющим Астраханской казенной палатой. [\[3, л.8\]](#).

Перепись скота, принадлежащего калмыкам из разных улусов, проживающим на территории Калмыцкого Базара, проводилась бодокчеями, а поверка скота по спискам осуществлялась попечителем Базара. Получив списки от бодокчеев, попечитель немедленно распоряжался о снятии с них копий, отсылая материалы попечителям и заведующим улусами, к которым принадлежали проживающие на Базаре калмыки. Таким образом, составлялся общий список по улусам и алфавитный список владельцев скота, проживающих на Калмыцком Базаре.

Аймачные старшины и бодокчеи Калмыцкого Базара, которые при перечете скота указывали меньшее количество, подлежали уголовной ответственности за должностное преступление.

Владельцы, умышленно утаивавшие скот при проведении переписи, привлекались к ответственности за причинение ущерба доходам казны. Посторонние лица, такие как русские, татары, калмыки и другие, принимавшие скот калмыков с целью скрытия, также подлежали ответственности как пособники в причинении ущерба доходам казны (согласно статьям 13 и 550 Уложения о наказаниях) [\[3, л.8\]](#).

Общее наблюдение за правильным производством аймачными старшинами переписи скота у кочующих калмыков, точное внесение в списки фактического числа голов скота, привлечение виновных и пособников, скрывающих скот к ответственности - было обязанностями попечителей, заведующих улусами и податного инспектора Калмыцкой степи.

Не позднее 1 октября аймачные старшины представляли составленные переписные листы попечителю своего улуса или заведующему. Списки калмыков, принадлежащих к чужим улусам, представлялись непосредственно в эти улусы.

Получив от аймачных старшин списки калмыков, кочующих в подведомственных им улусах, попечители и заведующие улусами незамедлительно направляли копии этих списков в соответствующие улусы, к которым относились упомянутые калмыки.

Попечители и заведующие улусами, получившие от аймачных старшин списки владельцев скота, кочующих в их улусах, немедленно приступали к поверке своих списков и численности описанного в них скота. По окончании поверки в указанных списках указывалось общее число хозяев и количество скота по родовой принадлежности, а также сумма сбора, соответствующая числу скота. Также составлялся общий алфавитный список владельцев скота для всего улуса. [\[4, л.9\]](#).

Во время переписи скота в улусах калмыцкого народа, для контроля правильности действий местного начальства по производству переписи и поверке скота, управлением калмыцким народом часто направлялись чиновники особых поручений. При необходимости, им могла быть поручена поверка скота.

Попечители и заведующие улусами уведомляли податного инспектора Калмыцкой степи о начале переписи, с целью его своевременного участия в наблюдениях при производстве переписи и поверке скота. [\[5, л.10\]](#).

Общие улусные списки и алфавиты, подводя суммарные итоги сбора сведений, попечители и заведующие улусами представляли в управление калмыцким народом не позднее 1 ноября. Управление калмыцким народом, получив соответствующие сведения, составляли общую раскладочную ведомость сбора, причитающегося со всего скота, принадлежащего калмыцкому населению Астраханской губернии, и направляло её на утверждение губернатору Астраханской губернии.

После утверждения губернатором общей раскладочной ведомости, управление калмыцким народом представляло ее копии в казенную и контрольную палату, податному инспектору Калмыцкой степи, а также попечителям и заведующим улусами.

После получения копий раскладочной ведомости, попечители и заведующие улусами формировали податные списки по каждому аймаку на русском и калмыцком языках и передавали их демчеям вместе с платежными квитанционными книгами. Не оставался без внимания вопрос о владельцах скота, проживающих вне улусов – улусные попечители уведомляли об их местонахождении улусам, которым они были подведомственны.

Демчей, в свою очередь, приступали к взиманию сбора с калмыцкого населения, опираясь на утвержденные списки плательщиков, основываясь на численности голов скота.

Аймачным старшинам и хотонным старостам предписывалось оказывать демчеям различное содействие для своевременного и полного поступления сборов: до 1 июня для первой половины года и до 1 декабря за вторую половину года. Демчей не имели права требовать с населения преждевременной уплаты сбора за весь год, но и отказываться от годовой уплаты подати они также не могли. [\[6, л.11\]](#).

При принятии сбора от владельца скота, демчей делали запись в платежной книге, которая также дублировалась в квитанции плательщика. В податном списке демчей, напротив каждой фамилии плательщика указывали номер выданной квитанции, сумму сбора и количество скота владельца.

Если владелец скота не уплачивал сбор в течение пятнадцати льготных дней после назначенных сроков (1 июня и 1 декабря соответственно), попечители и заведующие улусами, согласно положению об управлении калмыцким народом от 23 апреля 1847 года, оказывали должное содействие по взысканию подати. Они отправляли несостоятельных калмыков-простолюдинов на работы до тех пор, пока не будет взыскана полная сумма. [\[10, л.15\]](#).

Собранные с владельцев скота деньги демчей ежемесячно направляли улусным попечителям вместе с именными списками плательщиков, указывая количество имеющегося скота и сумму сбора. Копии этих списков попечители и заведующие улусами отправляли податному инспектору Калмыцкой степи.

Попечители в свою очередь, принимая денежные средства, производили надлежащий учет – выдавали установленную квитанцию на сумму, полученную от демчеев. Независимо от предоставленной демчеями суммы сбора, полученные сведения вносились в учетный реестр поступления подати с аймаков и хурулов всего улуса.

Наблюдение за своевременным поступлением сбора со скота осуществлялось попечителями и заведующими улусами, а также податным инспектором Калмыцкой степи. Податному инспектору предоставлялось право произведения учёта работы демчеев по

взысканию сборов в нужное время по своему усмотрению. [\[7, л.12\]](#).

Демчеи привлекались к законной ответственности улусными попечителями и податным инспектором Калмыцкой степи за небрежное исполнение или злоупотребление своими обязанностями по сбору скота.

Помимо этого, попечители и заведующие улусами выдавали калмыкам билеты для найма в работу, а также свидетельства, подтверждающие право прогона скота с целью его продажи в ярмарках Калмыцкого Базара.

В случаях, когда калмыки оказывались не в состоянии оплатить требуемую подать со скота, попечители делали на оборотных сторонах билетов и свидетельств надписи, указывающие число голов скота и пропорциональную неоплаченную сумму подати плательщика.

Сбор со скота, принадлежащего, как постоянно, так и временно проживающим калмыкам на территории Калмыцкого Базара, производился попечителем Базара при содействии бодокчеев, находящихся там от всех улусов Калмыцкой степи. Размер подати зависел от следующих факторов:

- - у калмыков, постоянно проживающих на Базаре, размер сбора определялся в соответствии с числом голов скота, указанных в переписном листе и алфавите попечителя Базара;
- - у калмыков, временно пребывающих на Базаре, размер сбора определялся в соответствии с указанными надписями в рабочих билетах и свидетельствах о прогоне скота для продажи. [\[9, л.14\]](#).

Попечитель Калмыцкого Базара использовал установленные приходно-расходные и квитанционные книги для записи прихода поступлений в уплату подати. Он выдавал плательщикам квитанции, отмечая сбор поступлений с калмыков, проживающих на Базаре, согласно своему учётному списку и алфавиту. Затем он направлял копии списков попечителям и заведующим улусами, к которым принадлежали плательщики, сообщая время и номер квитанции, по которой деньги вносились в Казначейство.

Попечители и заведующие улусами обязывались ежемесячно предоставлять ведомости о поступившем сборе не позднее пятнадцатого числа следующего месяца в местные казенные и контрольные палаты, управление калмыцким народом и податному инспектору Калмыцкой степи. [\[8, л.13\]](#).

Управляющему Астраханской казенной палатой и податному инспектору Калмыцкой степи предоставлялось право, по личному усмотрению производить ревизии делопроизводства и отчетности улусных управлений по сбору подати со скота, сообщая об их результатах управлению калмыцким народом.

Управление калмыцким народом регулировало своевременное поступление налогов со всего скота, принадлежащего калмыцкому населению Астраханской губернии, имея непрерывный контроль над попечителями и заведующими улусами по успешному сбору подати. Оно привлекало к законной ответственности тех, кто неисполнительно выполнял свои прямые обязанности, включая попечителя Калмыцкого Базара, следившего за своевременным взысканием подати с калмыков, проживающих вне улусов.

По окончании года попечители и заведующие улусами не позднее пятнадцатого февраля, представляли в контрольную палату на ревизию приходно-расходные книги

сбора подати с калмыцкого скота, вместе с соответствующими документами. [\[7, л.12\]](#).

Неизменно, основу богатства калмыцкого этноса дореволюционного периода составляло именно занятием скотоводством. Выход от 10 июня 1900 года распоряжения Государственного Совета «Об обложении сборов в доход казны, поверке списков сего скота, взимания самого сбора с владельцев скота и передачи в подлежащее Казначейство» стал значимым законодательным актом в работе министерства земледелия и государственных имуществ. Это событие признано в исторической науке как важный шаг правительства в улучшении системы налогообложения кочевых народов юга России, в том числе калмыков. Астраханская губерния, в свою очередь, стремилась систематизировать и устояться в этом вопросе на основе указанного положения. При поддержке главного попечителя калмыцкого народа была составлена инструкция настоящих правил по переписи домашнего скота у кочевников Калмыцкой степи, входящей в состав Астраханской губернии. Перепись имела практическое значение в эпоху активного проникновения товарно-денежных отношений в калмыцкие кочевья, так как она являлась единственной формой учёта увеличивающейся численности поголовья домашнего скота у калмыков.

Библиография

1. Государственный архив Астраханской области (далее – ГААО). Ф. 1. Оп. 2. Д.218 – Л.5.
2. ГААО. Ф.1. Оп. 2. Д. 218 – Л. 7.
3. ГААО. Ф.1. Оп. 2. Д. 218 – Л. 8.
4. ГААО. Ф.1. Оп. 2. Д. 218 – Л. 9.
5. ГААО. Ф.1. Оп. 2. Д. 218 – Л. 10.
6. ГААО. Ф.1. Оп. 2. Д. 218 – Л. 11.
7. ГААО. Ф.1. Оп. 2. Д. 218 – Л. 12.
8. ГААО. Ф.1. Оп. 2. Д. 218 – Л. 13.
9. ГААО. Ф.1. Оп. 2. Д. 218 – Л. 14.
10. ГААО. Ф.1. Оп. 2. Д. 218 – Л. 15.
11. Оконова, Л. В., Горяева, К.М. Исторические источники по изучению хозяйственного состава населения Калмыцкой степи Астраханской губернии в XIX – нач. XX в. // Вестник Калмыцкого университета. 2018. №2 (38). С. 2.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Во второй половине XVI в. начинается процесс вхождения в состав Московского государства территории на востоке и юго-востоке, что со временем привело к формированию на бескрайних евразийских пространствах конгломерата мирно существующих этносов, отличавшихся языком, культурой, хозяйственным укладом и конфессиональной принадлежностью. Среди этих этносов особое место принадлежит калмыцкому народу, который на рубеже XVII-XVIII вв. становится союзником государства Российского. Сегодня изучение различных аспектов деятельности народов России представляется важным в рамках укрепления межнациональной солидарности. Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование

статьи, предметом которой является перепись калмыцкого скота конца XIX – начала XX вв. Автор ставит своими задачами проанализировать процесс переписи скота, а также оценить его с точки зрения налогообложения и хозяйственного значения.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает историко-генетический метод, в основе которого находится по определению академика И.Д. Ковальченко находится «последовательное раскрытие свойств, функций и изменений изучаемой реальности в процессе ее исторического движения, что позволяет в наибольшей степени приблизиться к воспроизведению реальной истории объекта», а его отличительными чертами выступают конкретность и описательность.

Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор стремится охарактеризовать порядок переписи калмыцкого скота конца XIX – начала XX века. Научная новизна определяется также привлечением архивных материалов.

Рассматривая библиографический список статьи, обратим внимание на его неоднозначность: фактически в список литературы включена только одна исследовательская работа. Это труд Л.В. Оконовой и К.В. Горяевой «Исторические источники по изучению хозяйственного состава населения Калмыцкой степи Астраханской губернии в XIX – начале XX века», который как отмечает автор рецензируемой статьи является важным с точки зрения историографии вопроса. В известной мере предельная краткость использованной исследовательской литературы определяется самим предметом исследования. Что касается источников базы статьи, то она представлена документами из фондов Государственного архива Астраханской области. В целом, на наш взгляд, использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как хозяйственной историей калмыцкого народа, так и переписями скота в конце XIX – начале XX вв. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определённой логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор скота определяет актуальность темы, показывает, что перепись «проводилась каждые два года для определения количества скота, принадлежащего калмыцкому населению Астраханской губернии, а также для определения суммы сбора, взимаемого с этого скота и поступающего в казну». Примечательно, что перепись скота проводилась у калмыков, проживающих вне Калмыцкой степи, в том числе в Саратовской и Ставропольской губерниях и т.д. В работе отмечается, что «владельцы, умышленно утаивавшие скот при проведении переписи, привлекались к ответственности за причинение ущерба доходам казны». В своём исследовании автор показывает, что перепись «имела практическое значение в эпоху активного проникновения товарно-денежных отношений в калмыцкие кочевья, так как она являлась единственной формой учёта увеличивающейся численности поголовья домашнего скота у калмыков».

Главным выводом статьи является то, что выход от 10 июня 1900 года распоряжения Государственного Совета «Об обложении сборов в доход казны, поверке списков сего скота, взимания самого сбора с владельцев скота и передачи в подлежащее Казначейство» стал значимым законодательным актом в работе министерства земледелия и государственных имуществ».

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, насыщена фактологическим материалом, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в курсах лекций по истории России, так и в различных спецкурсах.

В целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале «Genesis: исторические исследования».

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Боваев Н.Б. — Проблема положения мировых судей в социальном быте калмыков второй половины XIX века // Genesis: исторические исследования. – 2023. – № 10. DOI: 10.25136/2409-868X.2023.10.40937 EDN: QANZWY URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40937

Проблема положения мировых судей в социальном быте калмыков второй половины XIX века

Боваев Николай Борисович

ORCID: 0009-0007-1466-6769

преподаватель кафедры истории России, документоведения и архивоведения, Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова

358000, Россия, республика Калмыкия, г. Элиста, ул. Пушкина, 11

✉ nikbov678@gmail.com

[Статья из рубрики "История отдельных регионов России"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2023.10.40937

EDN:

QANZWY

Дата направления статьи в редакцию:

06-06-2023

Аннотация: Объект исследования фокусируется на становлении правового института калмыков в ходе интегрирования калмыцкого этноса в Российскую империю. Предметом исследования статьи являются наиболее проблематичные аспекты положения мировых судей и мировых съездов Калмыцкой степи в Астраханской губернии. Хронологические рамки работы охватывают вторую половину XIX века. Целью исследования является анализ основных положений преобразования мировых судов в социальной среде калмыков, обзор историографической базы по данной теме и оценка калмыцкой судебной системы XIX века в процессе интеграции калмыцкого общества Астраханской губернии в Российское государство. В работе используются теоретические методы исследования, такие как системный анализ доступных источников, дедукция и историзм. Исследование основано на материалах из Государственного архива Астраханской области и Российского государственного исторического архива. Современная юридическая наука активно изучает исторический опыт формирования и эволюции Российского многонационального государства. Важной задачей научного познания

является изучение генезиса правовых институтов в истории различных этносов и этнических групп, а также разработка оптимальных моделей их управления. Научная новизна данного исследования заключается в первоначальном исследовании проблемы преобразования мировых судов в Калмыкии. Результаты исследования представляют значительный вклад в историю национальных окраин, позволяют лучше понять важность реформирования управленческих механизмов в них и подчеркивают основные черты национально-правовой политики, которые могут быть применимы в современном общественном развитии.

Ключевые слова:

Астраханская губерния, Зарго, Калмыцкая степь, мировые судьи, мировые съезды, попечитель, судебная часть, судопроизводство, улусы, юридический быт

Исследование подготовлено в рамках реализации проекта Российского научного фонда «Между Востоком и Западом: цивилизационно-культурное развитие калмыцкого общества в составе дореволюционной России» (№ 23-18-20019) <https://rscf.ru/project/23-18-20019/>.

Введение

Исследование правовых аспектов в истории общественной жизни кочевых народов юга России по-прежнему остаётся актуальным. Учёные уделяют значительное внимание реформированию судебной системы калмыков во время их интеграции в состав Российской государства во второй половине XIX века.

При анализе дореволюционной историографии этой проблемы следует обратить внимание на запись современника этих событий, такую как «Статистическое и хозяйственное описание Калмыцкой степи Астраханской губернии» И. К. Костенкова, где впервые затрагивались проблемные вопросы судопроизводства в Астраханской губернии [13, с.11]. В своей статье «Правительственные законопроекты о реформах административно-общественного устройства калмыков и суда» Ф. И. Плюнов подчеркивает необходимость судебных реформ в Калмыцкой степи. В своей монографии «Калмыкия в национальной политике, системе власти и управления России» К. Н. Максимов описывает основные этапы процесса интеграции калмыцкого общества, включая судебные аспекты, с применением проблемно-хронологического метода. Особую ценность представляют материалы из дореволюционного фонда государственного архива Астраханской области, включая дело с записями главного попечителя калмыцкого народа об изменении судебного процесса в Калмыцкой степи. Проблемы, связанные с подготовкой мероприятий судебного процесса в Калмыцкой степи, объективно рассматриваются в работе Е. А. Команджаева «Осуществление правосудия в Калмыкии в XIX в.» [12, с.227], а также во втором томе сборника «Истории Калмыкии с древнейших времен и до наших дней» [10, с.25]. Используя историко-эволюционный подход, автор статьи «Изменения в судебной системе Калмыкии в XVII–XIX веках» Ц. А. Сарангов рассказывает о видоизменениях национальных институтов управления и власти в калмыцком обществе, включая первую половину XIX века [16, с.234]. Новые подходы к изучению этой проблемы представлены в работе У.Б. Очирова и В.С. Шургучиевой «Стадии судебного разбирательства в Калмыцкой степи во второй половине XIX – начале XX века: особенности правоприменительной практики». Авторы,

используя универсальные подходы, включая методы критического анализа информации, пришли к выводу о наличии в кочевом быте калмыков трехэтапной структуры судебного процесса и несовершенстве судебной системы у калмыков [17, с.144].

Положение мировых судей

Необходимость проведения коренной реформы признавалась в судопроизводстве и судоустройстве калмыцкого народа, так как улусные суды Зарго также сталкивались с недостатками. В соответствии с записями главного попечителя калмыцкого народа об изменении судебного производства, были выявлены следующие проблемы:

- необходимость создания местных судов для калмыцкого народа, которые будут более близки к повседневной деятельности населения;
- недостаточно быстрые процессы в судебных операциях в Калмыцкой степи;
- улусный Зарго, объединяющий судебную и административную власть, не мог удовлетворить потребности правительства и народа, и в обоих случаях он оказывался недостаточно самостоятельным.

Таким образом, возникал вопрос о необходимости введения местных судов, преобразовании Зарго или замене его другим органом, соответствующим современным требованиям науки, права и общества.

Правительство предполагало, что местные суды должны быть вверены мировым судьям [1, л.35]. Это предположение приводило к размышлениям о введении мировых учреждений в калмыцкий юридический порядок с замещением должностей мировых судей.

Мировые судьи занимались гражданскими и уголовными делами, которые обладали своей особенностью. Гражданские дела основывались на частных интересах, в то время как уголовные дела связывались с общественными и государственными интересами [8, л.21].

Эти юридические сведения подводили к возможности поручить ведение гражданского судопроизводства мировым судьям, выбранным из самих калмыков. Характер гражданских дел, имеющих исключительно частный оттенок, а главное – положение, в котором должен был находиться мировой судья по отношению к согражданам, подчеркивают важность данного предложения. Мировым судьям необходимо было заслужить полное доверие местных жителей, что могло быть достигнуто через ознакомление с народными понятиями, правами и обычаями, а следовательно – с особенностями местной жизни [9, л.305]. У калмыцкого мирового судьи не требовалось глубокого юридического образования и знакомства с текущим состоянием правовой науки. Ожидалось, что судья будет разбирать исключительно гражданские и частные дела, тщательно приобщая их к общим юридическим принципам. Сам процесс судопроизводства был упрощенным и не представлял особых трудностей в разрешении. Ключевая задача мировых судей заключалась в справедливом удовлетворении потребностей народа в судебном разбирательстве и в достижении примирения как высшего качества правосудия [7, л.12].

Помимо этого, у калмыков существовал обычай разрешения спорных вопросов путём передачи их авторитетным членам общества, которые пользовались доверием и уважением.

Таким образом, существующий обычай введения мировых судей из числа калмыков получил законодательное подтверждение, приобретая большую значимость и обоснованность. В результате поручение мировым судьям из числа калмыков заниматься гражданскими делами не вызывало затруднений и не противоречило основным принципам мирового института [2, л.36].

Калмыцким судьям не предоставлялось поручительство по уголовным делам в силу их характера. Их судебные принципы строились на основе общего законодательства государства. Для полного и рационального развития мирового института в калмыцком юридическом пространстве было необходимо ввести в должностях мировых судей не только калмыков, но и русских судей, соответствующих уровню развития русской государственной жизни.

Позитивные последствия введения мирового института явственны: калмыки получали возможность мирно рассматривать свои дела и разбирать их в местах, близких к их месту кочёвок. Процедура судопроизводства была простой, устной и доступной, основываясь на их собственных взглядах и ценностях. Практическая польза заключалась в систематическом включении калмыцкого правового опыта, расширении морального и юридического кругозора калмыков, а также в облегчении пути прогресса для калмыцкого общества [13, с.11].

Исходя из вышесказанного, главный попечитель калмыцкого народа считал целесообразным сформулировать положение о преобразовании судебной системы в калмыцких улусах следующим образом:

- мировыми судьями для калмыцкого народа назначались как калмыки, так и русские;
- русский мировой судья занимался всеми делами, передаваемыми участковым мировым судьям по решению правительства;
- калмыцкий мировой судья занимался гражданскими делами, не рассматривая уголовные дела, даже если они были незначительны;
- калмыцкие судьи часто выступали в роли помощников русских мировых судей и посредников между ними и народом [4, л.39].

Для жителей Калмыцкой степи в мировые съезды Багацохуровского, Икицохуровского, Малодербетовского, Харахусовского, Хошеутовского, Эркетеневского и Яндыковского улусов распределялось до семи мировых судей, среди которых должны были быть русские [3, л.37].

Требовалось, чтобы мировой судья не был местным жителем Астраханской губернии и не обязательно обладал собственностью, с учётом определённых размеров, однако он должен был иметь законченное среднее образование и предоставить копию удостоверения о непорочной службе. Это условие было основано на местных предпочтениях и считалось удовлетворительным для Астраханской губернии.

Мировые судьи назначались на один год, и в случае удовлетворительной работы им предоставлялось право подать заявку на продление срока службы. Назначение судьи на срок более одного года рассматривалось как мера, требующая особого обоснования [6, л.41].

Списки кандидатов в мировые судьи улусов формировались председателем судебного места и главным попечителем калмыцкого народа, после чего направлялись от губернатора Астраханской области в Сенат для утверждения.

Размер жалования, отправляемого в канцелярию, составлял от 300 до 1500 рублей для каждого судьи соответственно.

Предметом ведомства и пространством власти мировых судей в Российском государстве были также семейные вопросы, указанные в положении о преобразовании судопроизводства [\[7, л.12\]](#).

Особенностью мировых судей из числа русских, была их компетенция в делах о похищении скота, если ценность украденного не превышала пятисот рублей, и при условии, что угон не сопровождался насильственными действиями. Эта инициатива была обоснована тем, что похищение скота было характерным для калмыцкого менталитета.

Начиная с положения 1825 года, похищение домашнего скота рассматривалось как преступление, не относящееся к тяжким категориям. Указывая на это обстоятельство, следует отметить малую значимость таких правонарушений в калмыцком быту, так как не было известно о раскрытии подобных преступлений [\[4, л.39\]](#).

Эта особенная ситуация указывала на несовершенство улусного суда и на сокрытие преступников среди самих калмыков. Они, стремясь только к финансовой выгоде, достигали дружественного соглашения друг с другом, не стремясь наказать виновного, как предписывал закон.

Мировой судья русского происхождения, по возможности, расследовал дела с участием как минимум двух калмыцких судей, чья функция в данном случае была совещательной.

В данном контексте русский мировой судья, получив в помощь двух калмыцких судей, использовал их знание нравов и обычаяев своего народа для дополнения своей работы [\[14, с.9\]](#).

Мировой судья из числа калмыков был назначен в улусе для рассмотрения гражданских дел только в случае, когда обе стороны конфликта обратились к нему по согласованию.

Мировому судье назначалось от 600 до 700 кибиток.

Выбор мировых судей осуществлялся на всеобщем улусном собрании всех калмыков, независимо от звания и социального статуса.

Структура улусных собраний и организация выборов оставались неизменными, как указано в четвертой главе положений об управлении калмыцким народом. [\[15, с.4\]](#)

Мировой судья назначался главным попечителем калмыцкого народа на срок двенадцати месяцев. Кандидат должен был иметь безупречную репутацию, не быть ранее замеченным в суде и следствии, иметь в обществе достаточный уровень доверия и уважения. Кандидат на должность мирового судьи также должен был быть приспособлен к условиям степного быта и владеть не менее пятисот голов скота. В случае избрания кандидата не менее чем 70% голосов, меньшее количество скота могло быть принято во внимание.

Из-за необходимости имущественного состояния калмыцкого мирового судьи, так как основное богатство калмыков состояло из скотоводства, требовалось определенное

количество скота. В некоторых улусах, например, в Яндыковском, из-за бедности калмыков было трудно найти кандидатов, владеющих 500 головами скота. В таких случаях приоритет отдавался кандидатам, избранным двумя третями голосов. Это избрание подтверждало доверие и уважение к избранным лицам [\[5, л.40\]](#).

Мировые судьи использовали права и преимущества, связанные с общественным положением калмыцкой службы. Знак, подобный знаку, присвоенному мировым посредникам, использовался для обозначения звания мировых судей. Этот знак не принадлежал мировому судье, а передавался от одного к другому.

За честное и усердное исполнение своих обязанностей мировые судьи получали награды в соответствии с общим законодательством губернии. Калмыцкие мировые судьи не получали никакого денежного вознаграждения за свою службу.

Определение поощрений для калмыцких мировых судей вызывало затруднения из-за необходимости привлечения дополнительных средств от калмыков, что являлось значительным бременем. Кроме того, с учётом практических соображений, калмыцкий мировой судья, совмещая свою деятельность с кочевым бытом, не создавал расходов для канцелярии, то есть отсутствие жалования для судьи считалось обоснованным [\[11, с.365\]](#).

Судебный процесс дел у мирового судьи осуществлялся преимущественно устно и открыто.

Мирового судья принимал решения дел в соответствии с обычаями и юридическими данными своего народа.

Обе стороны конфликта должны были являться лично к мировым судьям или могли быть отправить уполномоченного представителя в сопровождении двух свидетелей, подтверждающих личность представителя и существование доверенности для данного дела.

В область деятельности мирового судьи из числа калмыков входили предпочтительно непродолжительные дела. Обычно процедура начиналась с жалоб потерпевшей стороны, которые заканчивались примирением (Статья III Улож.изд.1857 г.) [\[5, л.40 об.\]](#).

Калмыцкому мировому судье также не предоставлялись следующие полномочия:

- рассмотрение форм исков и других положений, указанных в формальном акте;
- рассмотрение дел о возмещении ущерба.

Мировые судьи имели возможность заключать устные сделки среди калмыков.

Второй инстанцией был мировой съезд, состоящий из трех калмыцких и трех русских мировых судей, находившихся территориально близко друг к другу.

Суточный оклад калмыцкого мирового судьи, когда он находился на съезде, мог достигать пятидесяти копеек [\[15, с.4\]](#).

Вопросы юрисдикции мирового съезда оставались такими же, как указано в положениях о преобразовании судопроизводства Российского государства.

Впоследствии улусные Зарго должны были быть упразднены, а улусным попечителям оставалась власть полицейского надзора. Заместителем попечителя улуса по проекту

И.К. Костенкова становился судебный следователь [\[10, с.8\]](#).

Первой судебной инстанцией для населения губернии был суд, чья структура и вопросы управления должны были оставаться прежними и признаваться полезными для Астраханской губернии [\[6, л.411\]](#).

Заключение

Во второй половине XIX века не удалось воплотить в жизнь ни одну из предусмотренных программ по реформированию судебной системы в Калмыцкой степи. Это произошло в результате воздействия нескольких факторов.

Прежде всего, следует отметить неполное завершение процесса реорганизации административной структуры Калмыцкой степи в составе Астраханской губернии. Другим фактором стало затруднение в координации разработанных проектов между различными министерствами, что приводило к существенным временным задержкам и утрате актуальности проекта.

Правительство осознавало необходимость реформирования судебной системы в улусах губернии, однако не готово было ослабить контроль и отказаться от попечительской системы в Калмыцкой степи.

Вторая половина XIX века стала периодом, определяющим развитие и осуществление фундаментальных преобразований в социальной жизни кочевых народов юга России, включая казахов Внутренней Орды и калмыков Астраханской губернии. Важной задачей оставалось реформирование судебной системы в калмыцких улусах. В данной статье раскрыты наиболее проблемные аспекты работы мировых судей и организации мировых съездов Калмыцкой степи в составе Астраханской губернии. Также кратко освещена историография данного исследования. Выявлены конкретные причины, приведшие к задержке переустройства судебной системы Калмыцкой степи во второй половине XIX века.

Библиография

1. Государственный архив Астраханской области (далее – ГААО). Ф.1.Оп.11.Д.505 – Л.35.
2. ГААО. Ф.1.Оп.11.Д.505 – Л.36.
3. ГААО. Ф.1.Оп.11.Д.505 – Л.37.
4. ГААО. Ф.1.Оп.11.Д.505 – Л.39.
5. ГААО. Ф.1.Оп.11.Д.505 – Л.40.
6. ГААО. Ф.1.Оп.11.Д.505 – Л.41.
7. ГААО. Ф. 1. Оп. 11. Д. 1131. Л. 12.
8. ГААО. Ф. 800. Оп. 1. Д. 53. Л. 2
9. Российский государственный исторический архив. Ф. 1405. Оп. 93. Д. 10951. Л. 305.
10. История Калмыкии с древнейших времен до наших дней. Т. 2. Элиста, 2009. 25 с.
11. История Астраханского края. Астрахань, 2000. 365 с.
12. Команджаев Е.А. Осуществление правосудия в Калмыкии в XIX в. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН, 2014. № 4. 227 с.
13. Костенков К.И. Статистическое и хозяйственное описание Калмыцкой степи Астраханской губернии. СПб., 1868. 11 с.

14. Максимов К.Н. Калмыкия в национальной политике, системе власти и управления России. М., 2002. 9 с.
15. Плюнов Ф.И. Правительственные законопроекты о реформах административно-общественного устройства калмыков и суда // Ойратские известия, 1922. 4 с.
16. Сарангов Ц.А. Изменения в судебной системе Калмыкии в XVII–XIX веках (историко-правовой анализ) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. 2012. №1 (16). 234 с.
17. Очиров У.Б., Шургучиева В.С. Стадии судебного разбирательства в Калмыцкой степи во второй половине XIX – начале XX в.: особенности правоприменительной практики. // Вестник Томского государственного университета. 2022. №483. 144 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Великие реформы Александра II оказали столь большое влияние на последующую жизнь русского общества, что дореволюционная традиция выделяла даже такие этапы как дореформенная и пореформенная Россия. Чаще всего обращаясь к событиям 1860-х гг. говорят об отмене крепостного права, забывая при этом что гораздо более успешной стала судебная реформа. И действительно, если отмена крепостного права стала половинчатой, то есть крестьяне получили только личную свободу без земли, что в конечном итоге привело к многочисленным крестьянским волнениям и бунтам и стало одним из катализаторов революций 1905 и 1917 гг., то судебная реформа стала важным шагом на пути к становлению правового государства, сделав равенство перед законом важнейшей составляющей российского общества. Современная российская судебная система находится в стадии развития, что вызывает важность изучения исторического опыта реформирования второй половины XIX в.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой является положение мировых судей в социальном быте калмыков второй половины XIX в. Автор ставит своими задачами проанализировать историографию вопроса, рассмотреть проблемные аспекты работы мировых судей и организации мировых съездов Калмыцкой степи в составе Астраханской губернии, а также определить результаты реформирования судебной системы в Калмыцкой степи.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор стремится охарактеризовать процесс реформирования судебной системы калмыков во время их интеграции в состав Российской государства во второй половине XIX в. Научная новизна определяется также привлечением архивных материалов.

Рассматривая библиографический список статьи, как позитивный момент следует отметить его масштабность и разносторонность: всего список литературы включает в себя 17 различных источников и исследований. Источниковая база статьи представлена документами из фондов Государственного архива Астраханской области и Российского государственного исторического архива. Из привлекаемых автором исследований укажем на труды Е.А. Команджаева и Ц.А. Сарангова, в центре внимания которых изменения в судебной системе Калмыкии XIX в. Заметим, что библиография статьи обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после

прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по ее теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как судебными реформами, в целом, так и судебными реформами в Калмыцкой степи, в частности. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что «улусный Зарго, объединяющий судебную и административную власть, не мог удовлетворить потребности правительства и народа, и в обоих случаях он оказывался недостаточно самостоятельным». В работе показаны требованиям к мировым судьям, размер жалованья, особенности работы и т.д. Автор обращает внимание на следующие аспекты: «мировыми судьями для калмыцкого народа назначались как калмыки, так и русские; русский мировой судья занимался всеми делами, передаваемыми участковым мировым судьям по решению правительства; калмыцкий мировой судья занимался гражданскими делами, не рассматривая уголовные дела, даже если они были незначительны; калмыцкие судьи часто выступали в роли помощников русских мировых судей и посредников между ними и народом».

Главным выводом статьи является то, что «правительство осознавало необходимость реформирования судебной системы в улусах губернии, однако не готово было ослабить контроль и отказаться от попечительской системы в Калмыцкой степи».

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в курсах лекций по истории России, так и в различных спецкурсах.

В то же время к статье есть замечания:

- 1) В тексте отсутствуют какие-то ни было хронологические указания, кроме аморфного «вторая половина XIX в.». Сложно представить статью на историческую тему без точных датировок.
- 2) Не все положения основной части статьи оказались представлены в заключительных выводах и наоборот.
- 3) В тексте имеются стилистические ошибки (например, «Требовалось, чтобы мировой судья не был местным жителем Астраханской губернии и не обязательно обладал собственностью, с учётом определённых размеров, однако он должен был иметь законченное среднее образование и предоставить копию удостоверения о непорочной службе»).

После исправления указанных замечаний статья может быть рекомендована для публикации в журнале «Genesis: исторические исследования».

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Боваев Н.Б. — К вопросу о натуральных повинностях и проектировании трактов в социальном быте Внутренней Орды конца XIX - начала XX века // Genesis: исторические исследования. – 2023. – № 10. DOI: 10.25136/2409-868X.2023.10.41010 EDN: QGKZMR URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=41010

К вопросу о натуральных повинностях и проектировании трактов в социальном быте Внутренней Орды конца XIX - начала XX века

Боваев Николай Борисович

ORCID: 0009-0007-1466-6769

преподаватель кафедры истории России, документоведения и архивоведения, Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова

358000, Россия, республика Калмыкия, г. Элиста, ул. Пушкина, 11

✉ nikbov678@gmail.com

[Статья из рубрики "История отдельных регионов России"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2023.10.41010

EDN:

QGKZMR

Дата направления статьи в редакцию:

15-06-2023

Аннотация: Предметом исследования является система натуральных повинностей у казахского населения Внутренней (Букеевской) Орды в составе Астраханской губернии в период с 1893 по 1909 год. Объектом данного исследования является анализ вопроса о замене существовавших натуральных повинностей казахов Орды на денежную повинность. Цель исследования состоит в раскрытии основных положений вопроса о замене натуральных повинностей и проектировании системы трактов на территории Внутренней Орды, на основе ранее неиспользованных архивных материалов. При написании работы были использованы проблемно-хронологический метод и системный анализ доступных архивных источников. Особую ценность представляет архивный материал из фонда канцелярии Астраханского гражданского губернатора, который является единственным источником данных, раскрывающих проблематику замены натуральных повинностей у казахов Внутренней Орды. Важным исследовательским материалом стала ревизионная записка статского советника Крафта, бывшего чиновника

особых поручений при Министерстве внутренних дел. Ранее в научных кругах, изучающих региональную историю, вопросы о замене повинностей у казахов не получали достаточного освещения, так как в исторической науке затрагивались вопросы общего состояния Внутренней Орды, статистические сведения, положение экономики, социального быта. Данное исследование представляет собой первое комплексное исследование проблематики замены натуральных повинностей и проектирования системы трактов у казахов Внутренней Орды в преформенный период. Оно вносит научную новизну, основанную на анализе новых архивных материалов, а также позволяет выявить необходимость пересмотра и изменения существовавших натуральных повинностей, с учётом принципов справедливости, реальных потребностей и возможностей населения Внутренней Орды.

Ключевые слова:

вестовые, Внутренняя Орда, Временный Совет, земский сбор, охрана имущества, подводная повинность, содержатель, станционный пункт, сусликовая повинность, общественный тракт

К концу XIX века жители Внутренней Орды, в особенности казахи, были обязаны выполнять три основные натуральные повинности. Ревизионная записка, составленная статским советником Крафтом, бывшим чиновником особых поручений при министерстве внутренних дел, была передана губернатору 13 сентября 1905 года под № 19226. В ней отмечалось о неправильной и разрушительной формулировке данных повинностей, особенно в отношении подводной повинности, истребления сусликов и охраны лошадей с имуществом уральских казаков во время сезона рыболовства [\[1, Л.1\]](#).

Статский советник Крафт свидетельствовал, что все три категории натуральных повинностей являлись чрезвычайно разорительными для казахского населения. Он также указывал, что последние две категории – истребление сусликов и охрана имущества казаков – не являлись действительно необходимыми для населения.

Сусликовая повинность

Соответствующая повинность населению Орды, известная как сусликовая повинность, была установлена в 1894 году губернатором Астраханской губернии с разрешения Министерства внутренних дел. Это решение было принято в связи с появлением огромного количества сусликов в Царевском уезде и смежных территориях Орды в 1893 году, что угрожало сельскому населению.

Однако, как указывал Крафт, данная повинность стала излишней, так как вредитель суслик практически исчез, но при этом нормы обложения киргиз и методы борьбы с вредителями остались без изменений. Из-за этого население, которому требовалось представить определённое количество сусликов, часто искало их на чужих территориях или приобретало у соседних районов [\[2, Л.2\]](#).

Специальное совещание комиссии по истреблению сусликов в Астраханской губернии определило норму обязательного уничтожения одного суслика на каждые 24 десятины земли в казахской степи. В соответствии с этим расчётом было установлено, что в Орде требовалось уничтожать 350000 штук сусликов ежегодно. Учитывая распространение сусликов в Орде и уровень причиняемого ими вреда, Временный Совет принял

постановление от 16 февраля 1894 года, устанавливающее следующие годовые нормы обязательного истребления сурских для казахов по частям:

- 65000 сурских в Торгунской, Камыш-Самарской частях, и в первом приморском округе;
- 50000 сурских в Калмыцкой и Нарынской частях;
- 35000 сурских в Таловской части и 20000 сурских во втором приморском округе.

Указанное количество сурских равномерно распределялось между владельцами кибиток каждой части и округа Орды [\[14, Л.15\]](#).

Для подтверждения выполнения обязательства по истреблению сурских казахи, по аналогии с сельским населением уездов Астраханской губернии, должны были предоставлять сурковые лапки своему начальству. Эти лапки затем сжигались специальной комиссией в присутствии правителя или другого ордынского должностного лица, о чём составлялись соответствующие акты.

Хотя население Орды не высказывало жалоб на обременительность и трудность этой повинности и не подавало прошений о её отмене, тем не менее, она считалась излишней и избыточной. Количество сурских в Орде заметно сокращалось с каждым годом, особенно в центральных частях Орды, где все земледельческие посевы были перемещены на значительные расстояния.

Отмена этой повинности для населения была весьма желательной, особенно учитывая тот факт, что суртик не представлял особой опасности для хозяйства казахов, по крайней мере, в сравнении с сельским населением смежных уездов Орды, где этот вредитель причинял большой ущерб земледелию. Если истребление сурских в Орде считалось необходимой мерой для благополучия соседних территорий, то по мнению Временного Совета следовало проводить истребление сурских путём найма специалистов, за счёт специальных средств, выделяемых для борьбы с вредителями, и осуществлять его в местах, где суртики действительно присутствовали в большом количестве, а не повсеместно в Орде с заранее определённым количеством, как это делалось ранее [\[14, Л.15\]](#).

Повинность по охране лошадей и имущества уральских казаков

В отношении повинности по охране казачьих лошадей и имущества во время сезонного рыболовства, Крафт заявлял, что подобное распоряжение не имело обоснованных причин. Он считал, что охрана имущества должна быть ответственностью его владельца. Назначение казахов охранять чужое имущество, особенно на пограничных территориях с казаками, приводило к значительным расходам и несло для населения большую финансовую нагрузку, особенно в летний период. Кроме того, такие меры приводили к неправильному распределению обязанностей должностных лиц Ордынской администрации, которые пользовались этим, отклоняясь от своих прямых обязанностей.

Относительно натуральной повинности казахов Внутренней Орды по охране лошадей и имущества уральских казаков во время сезонного рыболовства, установленной в 1896 году, указом губернатора Астраханской губернии Временному Совету от 25 сентября 1905 года № 4376 она больше не предусматривалась [\[15, Л.16\]](#). Губернатор сообщал Совету, что не считает возможным продолжение этой крайне несправедливой натуральной повинности для казахов и уже сообщил об этом Уральскому казачьему

наказному атаману. Вместо этого, предложено, чтобы участие казахов в охране казачьего имущества во время сезонного рыболовства было разрешено только в случае, если им будет предоставлено определённое вознаграждение из областных средств, установленное за пикетную службу казахов Уральской области.

Подводная повинность и проектирование системы трактов

Подводная повинность, которая была установлена для обеспечения проезда должностных лиц по степным территориям, оказалась неравномерно распределённой среди населения, как было выяснено при проведении ревизии. Большая часть этой обязанности легла на ту часть населения, через территорию которой осуществлялись проезды, в то время как остальное население не несло никаких расходов в этом отношении.

Кроме того, должностные лица туземной администрации, такие как правители, старшины и депутаты, также пользовались бесплатными лошадьми, получая особые денежные средства на свои командировки [\[4, Л.4\]](#).

С учётом этого, Министерство внутренних дел предлагало рассмотреть возможность замены натуральной повинности денежными средствами. Для более справедливого распределения подводной повинности было предложено создать земско-обывательские тракты в степных окрестностях Орды, где на станциях содержалось определённое количество лошадей за определённую плату, которая собиралась равномерно со всего казахского населения. Таким образом, были разработаны основные направления наиболее важных трактов, и были приблизительно рассчитаны необходимые суммы для реализации этой меры, составляющие до 20000 рублей ежегодно [\[5, Л.5\]](#). Эти суммы планировалось взимать из существующих сборов с населения, которые признавались излишними и неэффективными во время проведения ревизии, и при необходимости введения новых сборов, которые определялись населением в соответствии с приговорами общественных собраний.

Из материалов, предоставленных Временным Советом, стало известно, что подводная повинность в Орде существовала ещё в 1870-х гг., и с тех пор были предприняты несколько попыток преобразовать существующую натуральную повинность в денежную форму, основываясь на принципе равномерного распределения необходимых платежей среди всего казахского населения.

Министерство внутренних дел, рассмотрев ходатайство Временного Совета от 17 июля 1903 г № 3188, предложило Временному Совету предварительное преобразование управления Ордой с целью упорядочения подводной повинности и внесения вопроса в новое рассмотрение. В предложении отмечалось, что в степных областях, где условия были сходны с Внутренней Ордой, обеспечение средствами для проезда по степи осуществлялось иным, более экономичным способом [\[5, Л.5\]](#).

Конкретно, указывалось на то, что лошади для проезда по степи требовались исключительно для чиновников, поскольку должностные лица из казахов совершали поездки верхом на своих собственных лошадях. В связи с этим, начальство упомянутых областей считало необходимым содержать в местах пребывания чиновников группы разъездных лошадей, которые выделялись по мере необходимости в количестве, достаточном для каждой поездки в зависимости от времени и расстояния. Содержание таких групп и лошадей не требовало значительных расходов, а во Внутренней Орде могло быть осуществлено без дополнительного обложения населения. Финансирование

возможно было осуществить за счёт земского сбора, который взимался за документы, выдаваемые для права торговли в пределах Орды.

Однако предложенная министерством мера на практике не приводила к значительному снижению подводной повинности местного населения, поскольку в законодательстве Внутренней орды не указывалось, что должностные лица из казахов должны ездить на своих собственных лошадях. На самом деле, практика показала, что казахские должностные лица имели право использовать государственные лошади для служебных разъездов наравне с русскими чиновниками.

В связи с этим, содержание групп лошадей при реализации предложения министерства потребовало бы не только в местах пребывания чиновников, но и для всех казахских должностных лиц. Однако небольшие поступления от земского сбора, взимаемого в Орде с торговых документов, не хватили бы для финансирования такого содержания. В 1905 году поступило всего 1209 рублей, в 1906 году – 1103 рубля, а в 1907 году – 1133 рубля [\[6, Л.6\]](#).

Предположим, что содержание каждой лошади с ежегодной арендой для каждой тройки обходилось в 100 рублей, включая ремонт экипажей и сбруи. Исходя из этих данных, можно сделать вывод, что сумма земского сбора с торговых документов позволяла содержать до 8 троек лошадей, а также обеспечивать необходимое количество экипажа и сбруи. Однако всего этого было далеко недостаточно для обеспечения полного состава казахской администрации, численность которой превышала 250 человек.

В Орде существовали два общественных тракта с постоянными выставками лошадей и стационарными помещениями для должностных лиц: Ханская ставка - Казанка, и Ханская ставка - Сайхин (вблизи станции Астраханской железной дороги). Первый из этих трактов существовал ещё в начале прошлого столетия. В приказах, изданных ханом Джангиром в 1835 году, указывалось, что некоторые казахи, проживающие в этом тракте, получили от хана в пользование обширные сенокосные и пастбищные земли и обязались содержать лошадей для перевозок ханской корреспонденции и командированных лиц [\[6, Л.6\]](#).

С течением времени население Орды увеличилось, а количество пригодных земель уменьшилось из-за распространения песчаных пространств. Казахские старшинские общества изъяли земли, выделенные ханом, у содержателей станций и заменили их выплатами в деньгах, которые содержатели станций платили до настоящего времени. Только один содержатель Алачинской станции продолжал получать плату в виде покосных земель. Тракт Ханская ставка – Казанка протяжённостью 200 вёрст имел до шести станций. Этот тракт имел значение не только для местности, через которую он проходил, но и для всей Орды. Следовательно, участие в его обустройстве и содержании предписывалось не только жителям придорожных поселений, но и всему населению Внутренней Орды. При этом содержание этого тракта осуществлялось старшинскими обществами, по территории которых он проходил.

Средний размер платы за каждую лошадь составлял от 35 до 59 рублей ежемесячно. В эту же плату включалось также первоначальное обустройство каждой станции необходимым инвентарём, таким как экипажи, сбруя и приспособления для остановки проезжающих на ночлег, а также ремонт и другие расходы. Например, в Ханской ставке содержание 9 лошадей обходилось до 1638 рублей, что составляло около 182 рубля за каждую лошадь [\[7, Л.7\]](#). Однако, даже такая относительно высокая плата признавалась недостаточной из-за роста стоимости жизни. Таким образом, ничтожная плата,

получаемая содержателями станционных пунктов по тракту Ханская ставка – Казанка, приводила к крайне неудовлетворительному состоянию самого тракта. Это объяснялось тем, что придорожные жители были обременены множеством платежей на государственные и общественные нужды.

Второй из существующих трактов, который протягивался от Ханской ставки до железнодорожной станции Сайхин, имел длину 49 вёрст. Он был сформирован в 1906 году, после начала пассажирского движения по Астраханской линии железной дороги. В соответствии с соглашением, достигнутым с Временным Советом на 5 лет, здесь было закреплено 10 лошадей с необходимым инвентарём, и в качестве платы предлагалось косить одну из четырёх сенокосных площадок. Это право имело стоимость от 1000 до 1400 рублей ежегодно, в зависимости от урожайности в конкретный год. Содержатели станционных пунктов на обоих трактах, в соответствии с условиями контракта с Временным Советом, были обязаны предоставлять лошадей проезжающим должностным лицам на расстояние до 30 вёрст от трактов. Они также должны были осуществлять перекочёвку всего станционного оборудования весной и осенью на летние и зимние места пребывания казахов одновременно с перекочёвкой своих однообщественников [\[7, Л.7\]](#).

Для выезда чиновников из Ханской ставки был предусмотрен особый станционный пункт с девятью лошадьми и инвентарём. Содержатель этого пункта получал оплату до 1638 рублей из Государственного Казначейства, которая ежегодно начиная с 1877 года, вносилась в смету Министерства внутренних дел. Существовал также станционный пункт для выезда должностных лиц из посёлка Новая Казанка, в котором было четыре лошади. Содержатель этого пункта получал до 350 рублей за 6 лошадей от торговцев и других жителей посёлка [\[8, Л.8\]](#).

Таким образом, для должностных разъездов по Орде использовались только два тракта, общей протяжённостью 249 вёрст. Введение Астраханской линии железной дороги, которая пересекала земли Орды по западной границе, в значительной степени не улучшило должностные разъезды. Железнодорожные услуги могли быть использованы только теми чиновниками, которым требовался выезд в посёлок Таловка, Астрахань или в первый и второй приморские округи. Если необходимо было отправиться во внутренние местности Орды, то использование железнодорожных услуг было бесполезным. Кроме того, значительная часть казахских должностных лиц не получала никакого денежного довольствия.

Общая численность административных лиц, отправляемых в служебные поездки по Орде, составляла 124 человека. Помимо них, в Орде работали инспекторы народных училищ и податей, старший, уездной и ветеринарный врачи. Кроме того, в степи было разбросано семнадцать фельдшерских пунктов. Все указанные должностные лица часто совершали поездки в пределах своих районов в связи с исполнением служебных обязанностей [\[8, Л.8\]](#).

Для осуществления почтовой службы у ордынских должностных лиц назначались вестовые. Это служащие, которые выполняли обязанности, схожие с обязанностями сельских десятников и сотников. Из-за разбросанности казахского населения их работа требовала много времени на поездки верхом. Вестовым поручалось также снабжать подводными животными для перевозки должностными лицами казахской администрации.

На содержание вестовых ежегодно выделялось 10968 рублей по смете Министерства

внутренних дел, а при Временном Совете сумма составляла до 768 рублей [13, л.13].

Все упомянутые должностные лица осуществляли поездки по всей Внутренней Орде с целью получения ездовых животных в натуре от населения. Было распространено множество жалоб на злоупотребления и самоуправство должностных лиц и вестовых при использовании ездовых животных. Эти жалобы были обычной практикой, и они признавались справедливыми, что препятствовало успешным поездкам. В ответ на это, Временный совет предлагал населению взять на себя расходы по замене существующей натуральной подводной повинности денежной. Была оценена примерная сумма, необходимая для этого, и был составлен проект мероприятий, способный полностью заменить осуждаемую повинность и справедливо распределить необходимые платежи. 8 апреля 1908 года Временным Советом было отправлено циркулярное предложение обсудить вопрос о замене натуральной подводной повинности. В то же время некоторые члены Временного совета, признавая неприемлемость существующей формы подводной повинности, отказывались от её замены, объясняя своё решение бедностью населения [9, л.9].

Только в отдельных собраниях, особенно в тех, которые были организованы обществами, содержащими станционные пункты на тракте Ханская ставка – Казанка, а также теми, которые находились недалеко от резиденций правителей, выражалась полная готовность населения поддержать предложения Совета и выделить необходимые суммы. В то же время, на основе рассмотренных приговоров, представленных обществами, Временный Совет пришёл к выводу, что отказ большинства обществ вызван не столько бедностью или задолженностью населения а сколько его низкой культурой и желанием переложить все тяготы повинности на те общества, которые случайно оказались вблизи проездных дорог или в окрестностях резиденций должностных лиц.

Меньшинство населения, которое соглашалось с реформой повинности, было также бедным и имело задолженности, но они, из-за случайных обстоятельств, нести почти всё бремя подводной повинности на своих плечах. Они вынуждены были постоянно отдавать свои ресурсы проезжающим чиновникам или должностным лицам, а также оплачивать расходы станционных пунктов на трактах [10, л.10].

Согласно мнению Временного Совета, переложение натуральной подводной повинности на денежную реформу возможно путём законодательного установления земских сборов во Внутренней Орде. Для урегулирования этого процесса было предложено установить земские сборы на следующих основаниях:

- соединение административного центра Внутренней Орды, Ханской Ставки, со ставками всех 7 правителей частей путём постоянных земских трактов;
- сохранение существующего состава станций на тракте Ханская Ставка – Казанка (200 вёрст), обеспечивая на каждой станции постоянное содержание 9 лошадей;
- обустройство тракта от станции «Туленгутовская» до ставки правителя Нарынской части (50 вёрст), предусматривая один станционный пункт с содержанием двух лошадей и верблюдов;
- учреждение тракта Ханская Ставка – Таловка (165 вёрст) с содержанием до шести животных на каждой станции;
- учреждение тракта Таловка – Казанка – урочище «Сар-Тюбе» - летняя ставка правителя первого приморского округа – «Трёхбратинский промысел» (360 вёрст) с

установкой двенадцати станционных пунктов, содержащих по одиннадцать животных каждый;

- учреждение нового тракта от зимней ставки правителя первого приморского округа до села Кордуана Красноярского уезда Астраханской губернии (180 вёрст) с наличием семи станций, содержащих по шесть животных каждая.

Общая длина всех запланированных трактов составляла около 930 вёрст, а общее количество станционных пунктов – 31, с наличием 196 ездовых животных [\[11, Л.11\]](#).

Право пользования предполагаемыми трактами должно было быть предоставлено всему персоналу, служащему во Внутренней Орде, а также посторонним чиновникам, проезжающим по служебным делам.

Лицо, собирающееся совершить поездку, должно было заранее уведомить правителя о времени и месте своей поездки, а правитель в свою очередь направлял необходимое количество животных из своих пунктов в назначенные места в соответствии с маршрутом.

Таким образом, планировалось предоставить достаточное количество животных для обслуживания поездок и разъездов должностных лиц и обеспечить связь между различными районами внутри Орды. Известно, что средние расходы на содержание одного взрослого животного, включая зимнее и летнее помещение, снаряжение станции и прочие необходимые предметы, не превышали 100 рублей в год. Также стоит отметить, что Временным Советом приобретались экипажи для их использования выезжающими чиновниками. Однако с течением времени эти экипажи полностью изнашивались, и на замену и ремонт выделялось не более 175 рублей в год. В результате, вопросы о стоимости содержания трактов и обслуживания животных учитывались в планах Временного Совета, и предполагалось осуществить эти мероприятия через проведение торгов с участием местных жителей [\[12, Л.12\]](#).

В связи с начавшейся в 1904 году русско-японской войны и последующими событиями революций, планы по реформе ордынского управления были отложены на неопределённое время [\[16, Л.23\]](#). Временный Совет ожидал скорого осуществления общей реформы управления Ордой - поэтому вопросы об урегулировании подводной повинности продолжали оставаться без движения.

Однако, в связи с личными указаниями, сделанными при ревизии статского советника Крафта, вопрос об избавлении населения Орды от тяжёлой подводной повинности требовал доработки. Временный Совет стал сталкиваться с необходимостью введения земских сборов при попытках внедрения изменений. По мнению Совета, без установления земских сборов, замена существующей подводной повинности на денежную реформу не могла быть реализована.

В заключении Министерства внутренних дел от 24 апреля 1909 года № 12557, приоритетными трактами признавались только тракт Казанка – Таловка и тракт, проходящий по береговой приморской полосе второго округа [\[17, Л.28\]](#). Первый из них проходил через старшинства Камыш-Самарской и Таловской частей, а второй – через старшинства второго приморского округа. Остальные старшинства, входящие в состав всей Орды, не имели прямого отношения к указанным трактам и ассигнований сумм на оборудование этих трактов; также не могли быть согласованы положения о мирских обложениях, которые могли взиматься только для нужд обществ, которые подлежали

обложению. В свете изложенного и учитывая заключительную часть предложения Министерства внутренних дел от 6 октября 1909 года № 11988, Временный Совет сообщил Министерству внутренних дел о невозможности организации проездных трактов в Орде на основе предоставленных министерством данных, учитывая местные условия [18, л.33].

Заключение

Внутренняя (Букеевская) Орда на рубеже XIX – начала XX века сталкивалась с неизбежными социальными, административными и политическими трансформациями. Особенностью её положения было взаимодействие с Российской империей и казахскими жузами. Принятие российского подданства и интенсивные контакты способствовали преодолению патриархально-родовых ограничений у казахов и положительно сказались на их быте и экономике. Социальные отношения у казахов также претерпели изменения, особенно в отношении натуральных повинностей. Если процесс освобождения казахского населения Орды от повинностей по охране казачьего имущества проходил без препятствий, то отмена подводной повинности стала сложной и многозначительной задачей. Перестройка подводной повинности включала в себя разработку системы общественных трактов в различных частях Орды и была реализована лишь частично. Временный Совет также пришёл к выводу о необходимости отмены сусликовой повинности.

В итоге исследования можно заключить, что попытка Временного Совета заменить натуральную подводную повинность денежными сборами, согласованными с населением, оказалась неудачной. Совет не обладал достаточными финансовыми ресурсами для осуществления такой реформы, так как располагал только ограниченными средствами на текущие расходы. Кроме того, внедрение таких сборов, которые были признаны излишними и неэффективными во время ревизии Крафтом, зависело от согласия населения, которое имело возможность изменять назначение собираемых сумм.

Даже если часть существовавших сборов могла быть признана излишней, нельзя ожидать, что все общества согласятся направить эти сборы на нужды подводной повинности. Опыт Временного Совета в 1908 году показал, что лишь немногие общества согласились выделить средства на замену подводной повинности денежной реформой. Даже если бы Временному Совету удалось убедить население оставить сборы на прежнем уровне и изменить назначение некоторых из них для реформы, сумма, которая была бы выделена, скорее всего, не имела бы существенного значения для масштабной реформы.

Научная значимость данного исследования заключается в первичном анализе проблемы замены натуральных повинностей у казахов Внутренней Орды пореформенного периода. Результаты исследования, включая ревизионную записку Крафта, представляют новые архивные материалы, которые способствуют расширению научного кругозора. Эти результаты позволили выявить необходимость пересмотра существовавших натуральных повинностей в социальном быте казахского населения Внутренней Орды.

Библиография

1. Государственный архив Астраханской области (далее – ГААО). Ф.1.Оп.2.Д.887 – Л.1.
2. ГААО. Ф.1.Оп.2.Д.887 – Л.2.
3. ГААО. Ф.1.Оп.2.Д.887 – Л.3.

4. ГААО. Ф.1.Оп.2.Д.887 – Л.4.
5. ГААО. Ф.1.Оп.2.Д.887 – Л.5.
6. ГААО. Ф.1.Оп.2.Д.887 – Л.6.
7. ГААО. Ф.1.Оп.2.Д.887 – Л.7.
8. ГААО. Ф.1.Оп.2.Д.887 – Л.8.
9. ГААО. Ф.1.Оп.2.Д.887 – Л.9.
10. ГААО. Ф.1.Оп.2.Д.887 – Л.10.
11. ГААО. Ф.1.Оп.2.Д.887 – Л.11.
12. ГААО. Ф.1.Оп.2.Д.887 – Л.12.
13. ГААО. Ф.1.Оп.2.Д.887 – Л.13.
14. ГААО. Ф.1.Оп.2.Д.887 – Л.15.
15. ГААО. Ф.1.Оп.2.Д.887 – Л.16.
16. ГААО. Ф.1.Оп.2.Д.887 – Л.23.
17. ГААО. Ф.1.Оп.2.Д.887 – Л.28.
18. ГААО. Ф.1.Оп.2.Д.887 – Л.33

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Отзыв

на статью "К вопросу о натуральных повинностях и проектировании трактов в социальном быте Внутренней Орды конца XIX - начала XX века"

Предметом исследования является вопрос о натуральных повинностях и проектировании трактов в социальном быте Внутренней Орды в конце XIX-начале XX века.

Методология исследования. Методология базируется на принципах объективности, научности, системности. В работе использованы историко-хронологический, проблемно-системный, а также историко-генетический методы.

Актуальность темы. Вопросы управления регионами и в настоящее время в нашей стране являются актуальными. В этой связи интересен и опыт изучения системы управления в прошлом во Внутренней Орде среди кочевого населения. Управление кочевыми народами предусматривало и определенные повинности, которые им вменялось выполнять и их изучение актуально.

Научная новизна статьи определяется постановкой проблемы и задач. Новизна определяется также, тем, что в статье изучен процесс замены натуральных повинностей у казахов Внутренней Орды в пореформенный период на основе новых материалов из Государственного архива Астраханской области вводимых в научный оборот впервые.

Стиль статьи научный, язык академический, ясный и четкий. Структура работы логично выстроена и подчинена цели статьи- показать методы управления Внутренней Ордой и систему повинностей (и какую роль они играли в социальном быте Внутренней Орды в пореформенный период). В целом в статье ставится цель показать какими методами осуществлялась модернизация кочевого населения Орды. Статью предваряет небольшая вступительная часть, в которой дана характеристика системе натуральных повинностей, распространенных во Внутренней Орде. Структура статьи включает следующие разделы: Сусликовая повинность; Повинность по охране лошадей и имущества уральских казаков; Подводная повинность и проектирование системы трактов и заключения.

В разделе «Сусликовая повинность» показано, что данная повинность (жители должны были сдать некоторое число сусликов), введенная в 1894 г. в связи с ростом численности сусликов и угрозы с их стороны сельскому населению (занимающемуся земледелием), после того, как численность сусликов была значительно сокращена, оказалась излишней и кроме того, что создавало проблемы населению (вынужденному заниматься поиском сусликов, чтобы выполнить повинность). Повинность по охране казачьих лошадей и имущества во время сезонного рыболовства, также изжило свою значимость, отмечал статский советник Крафт, и, как сусликовая повинность, были разорительны для казахов. Установленная для обеспечения проезда должностных лиц по степным территориям, подводная повинность необходимо было трансформировать, т.к. она оказалась неравномерно распределена среди населения и ее тяготы падали только на ту часть населения, которая находилась на территории, через которую проходили проезды. Были предприняты несколько проектов для изменения подворной повинности, в том числе и замена ее денежной повинностью. В статье довольно подробно показаны эти проекты и раскрыты причины, которые определяли неэффективность реформ, по изменению подводной повинности и проектированию системы трактов. В заключение статьи сделаны выводы и автор отмечает, что если сусликовая повинность и повинность по охране казачьих лошадей и имущества были проведены без особых проблем, то «попытка Временного Совета заменить натуральную подводную повинность денежными сборами, согласованными с населением, оказалась неудачной. Совет не обладал достаточными финансовыми ресурсами для осуществления такой реформы, так как располагал только ограниченными средствами на текущие расходы». В итоге исследования можно заключить, что попытка Временного Совета заменить натуральную подводную повинность денежными сборами, согласованными с населением, оказалась неудачной. Совет не обладал достаточными финансовыми ресурсами для осуществления такой реформы, так как располагал только ограниченными средствами на текущие расходы. Кроме того, внедрение таких сборов, которые были признаны излишними и неэффективными во время ревизии Крафтом, зависело от согласия населения, которое имело возможность изменять назначение собираемых сумм. Автор рецензируемой статьи отмечает и другие причины, которые определяли неэффективность замены повинности денежными сборами.

Библиография. Статья полностью написана на архивных документах и это, видимо, связано с тем, что вопрос о повинностях не рассматривался в изданных ранее работах по Внутренней Орде. Вместе с тем, следует отметить, что по систему управления среди кочевого населения Поволжья и Урала есть серьезные работы и, представляется, что автор мог бы их упомянуть. Вместе с тем, по тексту статьи видно, что автор хорошо разбирается в теме и предмет исследования знает.

Апелляция к оппонентам представлена в полученных в ходе работы над статьей выводах.

Статья написана на интересную и актуальную тему и будет востребована читателями журнала.

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Нурисламов Р.Р. — Бюро экономической информации Гамбург-Бремен и скрытая пропаганда Веймарской Германии за рубежом в 1923-1932 гг. // Genesis: исторические исследования. — 2023. — № 10. DOI: 10.25136/2409-868X.2023.10.38990 EDN: QGPFZT URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=38990

Бюро экономической информации Гамбург-Бремен и скрытая пропаганда Веймарской Германии за рубежом в 1923-1932 гг.

Нурисламов Руслан Рифович

соискатель кафедры всеобщей истории, археологии и методологии исторической науки Московского государственного областного университета

141014, Россия, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, 24

 ruslan.nurislamov89@mail.ru

[Статья из рубрики "История и политика"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2023.10.38990

EDN:

QGPFZT

Дата направления статьи в редакцию:

20-10-2022

Аннотация: Предметом исследования является деятельность бюро экономической информации Гамбург-Бремен — организации, созданной после начала Рурского кризиса 1923 г. торговой палатой Гамбурга для проведения экспортной пропаганды за рубежом. В статье проанализированы документы из фондов Российского государственного военного архива и Федерального архива ФРГ, связанные с функционированием данной структуры в 1923-1932 гг. Цель исследования — определить, как гамбургской организации удалось развернуть масштабную пропагандистскую активность, распространившуюся почти на все страны мира и приобретшую общегосударственное значение в Веймарской Германии. Особое внимание уделяется характеристике различных направлений работы, взаимодействию с официальными ведомствами и влиянию мирового экономического кризиса 1929-1933 гг. на деятельность бюро экономической информации Гамбург-Бремен. На основе исследования выявлено, что образованной в Гамбурге организацией издавалась различная печатная продукция, была создана информационная служба за рубежом, а ключевым направлением являлось

скрытое проникновение в иностранную прессу. В статье показано, что причина подобной активности лежала в заинтересованности экономических кругов региона в улучшении образа страны за рубежом с целью нормализации внешнеторговых отношений, а возможность ее осуществления — в наличии необходимых связей для проведения пропаганды в иностранных государствах. Одним из результатов исследования является вывод о том, что деятельность бюро экономической информации Гамбург-Бремен затрагивала не только экспортную, но также культурную и политическую пропаганду и поддерживалась правительством, заинтересованным в осуществлении пропагандистских действий в скрытой форме и посредством частных структур. С годами основанная в Гамбурге организация все больше стала подпадать под влияние государства, помочь со стороны которого стала особенно насущной после мирового экономического кризиса 1929-1933 гг.

Ключевые слова:

Веймарская Германия, внешняя пропаганда, Гамбург, Бремен, бюро экономической информации, экспортная пропаганда, культурная пропаганда, Ревиста Алемана, прессы, мировой экономический кризис

Учитывая развитие коммуникационных технологий в XXI веке, особое значение приобретает информационное сопровождение внешней политики, являющееся вспомогательным средством для достижения задач государства на мировой арене. Разворачивающаяся в ходе текущих международных конфликтов информационная борьба служит подтверждением этого. Изучение и понимание приемов проведения внешнеполитической пропаганды в историческом контексте может стать опорой для создания более жизнеспособной модели подобной деятельности в современных условиях, а также для организации контрмер, направленных на предотвращение манипуляции общественным сознанием извне.

В этой связи актуальным представляется обращение к опыту Веймарской Германии, в которой использование инструментария внешнеполитической пропаганды играло важную роль ввиду ограничений по использованию вооруженных сил, установленных по отношению к стране по Версальскому мирному договору в 1919 году. Именно в 1920-е гг. были заложены прочные основы тех направлений пропагандистской деятельности, которые впоследствии способствовали достижению разрушительных устремлений нацистских руководителей, развязыванию Второй мировой и Великой Отечественной войн.

Если пропагандистская активность гитлеровской Германии вовне вплоть до настоящего времени привлекает значимый исследовательский интерес [1-9], то изучению немецкой внешнеполитической пропаганды в веймарский период посвящено существенно меньше работ. Из опубликованных изданий, которые затрагивают обозначенную деятельность в период 1919-1932 гг., в первую очередь следует упомянуть исследования В.А. Космача [10] и Х.Ю. Мюллера [11]. В работе первого рассматривается внешняя культурная политика, научно-технические и культурные связи Веймарской Германии с заграницей. В.А. Космач в качестве одного из типов внешней культурной политики выделяет «культурную пропаганду» и утверждает, что после Первой мировой войны имел место «поворот от "культурной пропаганды" к либерально-демократической модели германской государственной и внешней культурной политики» [10, с. 5]. Не совсем точной

представляется обозначенная во введении формулировка автора, что в Веймарской Германии «произошел решительный отказ от "культурной пропаганды"» [10, с. 5]. В данном временном интервале речь скорее следует вести об осуществлении пропагандистских действий германским правительством в более осторожной и скрытой форме, но не о полном отказе. Впрочем, в дальнейшем в тексте своего исследования В.А. Космач уточняет позицию и также приходит к данному выводу [10, с. 84]. Работа Х.Ю. Мюллера, в свою очередь, посвящена внешнеполитической пропаганде в сфере прессы в 1923-1925 гг. Немецкий историк в своем исследовании концентрирует внимание на анализе пропагандистской активности правительства Штреземана, отдела прессы МИД, дипломатических представительств за рубежом, прочих структур, направленной на формирование благожелательного по отношению к Германии иностранного общественного мнения и показывает, как внешнеполитическая пропаганда стала одним из факторов, способствовавшим возвращению Германии в круг европейских держав в качестве равноценного партнера.

За пределами развернутого анализа в обеих упомянутых работах осталась деятельность бюро экономической информации Гамбург-Бремен (сокр. БЭИ, нем. Aufklärungsausschuss Hamburg-Bremen), которое, являясь негосударственным актором, во времена Веймарской республики действовало совместно с официальными правительственными ведомствами в рамках продвижения как интересов экономических кругов Гамбурга и Бремена, так и общеноциональных интересов. Впоследствии уже в нацистской Германии, как указано в «Обзоре структуры и деятельности бюро экономической информации Гамбург-Бремен и связанных с ним самостоятельных ведомств по состоянию на август 1939 г.», переданного руководством БЭИ вместе с другими документами на хранение в Имперский архив в Потсдаме, в конце 1930-х гг. организация имела в своем распоряжении около 350 тайных агентов по всему миру, которые способствовали публикации ежегодно более 2000 статей на 27 языках и посыпали в центр 120-140 информационных отчетов о политическом и экономическом положении различных иностранных государств (РГВА. Ф. 1257к. Оп. 1. Д. 1. Л. 4). Цель статьи — определить, как гамбургской структуре удалось развернуть столь масштабную активность, приобретшую общегосударственное значение, какие предпосылки для этого существовали в Веймарской Германии.

Слабая разработанность БЭИ в немецкой историографии обусловлена наличием большого количества документов, связанных с его функционированием, в Российском государственном военном архиве (сокр. РГВА) [12, S. 15]. Данная статья является попыткой восполнить этот исследовательский пробел и рассмотреть деятельность основанной в Гамбурге организации в Веймарской Германии в 1923-1932 гг. Источниками для работы послужили материалы, хранящиеся в составе трофейных фондов РГВА, а также документы Федерального архива ФРГ (нем. Bundesarchiv, сокр. BArch).

Итоги Первой мировой войны были для Германии неутешительными, её образу в мире наносился серьезный урон. Страна потерпела поражение и заняла подконтрольное место в послевоенной системе международных отношений. Подавляющее большинство политических сил в образованной после войны Веймарской республике негативно относились к «Версальскому диктату». Однако средства для возможной ревизии Версальского мирного договора были ограничены ввиду обширных предписаний, установленных странами-победительницами по отношению к немецким вооруженным силам и экономике. Одной из причин поражения в войне виделся провал собственной и успех вражеской пропаганды, которая, как считали в консервативных и

националистических кругах Германии, смогла подготовить «удар ножом в спину» армии (нем. Dolchstoßlegende) [11, S. 9-10]. Учитывая вышесказанное, первые послевоенные годы, как показывает Х.Ю. Мюллер, стали временем интенсивного теоретического осмыслиения вопроса пропагандистского обеспечения внешней политики [11, S. 9-10, 23, 25-26] и расширения практической деятельности в этой сфере [11, S. 9-10].

Отказ немцев от выплаты репараций стал причиной оккупации в начале 1923 г. французскими и бельгийскими войсками Рурской области — центра горнодобывающей промышленности Германии. Возможности противодействия у германского правительства были сужены, официально провозглашенная политика «пассивного сопротивления» не привела к положительному результату. Рурский кризис стал отправной точкой для проведения всесторонней пропагандистской кампании, целью которой было вбить клин между Францией и другими державами и убедить мировую общественность в необходимости пойти на уступки в репарационном вопросе. Сотрудник отдела прессы МИД Германии Филипп Штайн писал в этой связи в июне 1923 г.: «...мы должны попытаться усилить конфликт интересов среди наших противников в прессе внутри страны и за рубежом» (BArch. R 43-I/228. Bl. 267). Внешнеполитическая пропаганда стала одним из компонентов удачного разрешения кризисной ситуации для Германии: США оказали давление на Францию, связав участие последней в межсоюзнической экспертной комиссии по решению репарационного вопроса с урегулированием проблемы межсоюзнических долгов.

Одним из регионов, который активно включился в пропагандистскую кампанию во время Рурского кризиса, стал Гамбург. В экономической структуре города наиболее важное место занимали торговля и перевозки, поэтому коммерсанты и судовладельцы Гамбурга особенно чутко реагировали на обострение внешнеполитической обстановки. Еще в марте 1918 г. торговая элита города выступила с инициативами к правительству по обновлению службы заграницы для противодействия усилиям вражеской пропаганды по дискредитации образа Германии в мире [10, с. 62]. После начала Рурского кризиса торговой палатой Гамбурга, объединявшей экономические круги города, была создана специальная структура — бюро экономической информации, основным направлением деятельности которой должна была стать экспортная пропаганда (нем. Exportpropaganda) за рубежом (РГВА. Ф.1257к. Оп. 1. Д. 1. Л. 3). Ввиду прямых связей с правительством и наличием устойчивых деловых контактов в зарубежных странах БЭИ имело весомый потенциал для продолжения деятельности и после разрешения Рурского кризиса. Одним из основателей организации являлся канцлер В. Кун, который был тесно связан с экономическими кругами Гамбурга и в 1919-1922 гг. занимал пост директора гамбургской судоходной компании «ГАПАГ» (нем. «HAPAG», сокр. от «Hamburg-Amerikanische Packetfahrt-Actien-Gesellschaft»), председателем БЭИ стал руководитель «ГАПАГ» Б. Бломберг, а директором назначен бывший школьный учитель, а затем сотрудник информационного отдела гамбургской торговой фирмы «Шлубах, Тимер унд Ко» (нем. «Schlubach, Thiemer & Co.») Г. Йоханнсен. Йоханнсен до назначения директором БЭИ занимался среди прочего поиском финансовой поддержки для «Германского общества Фихте» (сокр. ГОФ, нем. Deutscher Fichte-Bund) [6, S. 44]. ГОФ, созданное в начале 1914 года в Гамбурге, являлось националистически ориентированной организацией, осуществлявшей пропаганду за рубежом путем издания и распространения брошюр и листовок. Изначально специализируясь на теме культуры, эта структура часто затрагивала в своих материалах политические темы: репарации, вину Германии за развязывание Первой мировой войны, разоружение, угрозу марксизма. ГОФ может рассматриваться в качестве прообраза БЭИ с поправкой на то,

что активность последнего изначально была ориентирована на экономические вопросы, а не на культуру, хотя оба этих направления по оказанию влияния на общественное мнение зарубежных стран, как будет показано далее, часто пересекались.

Центральный офис БЭИ располагался в здании гамбургской биржи. Там находились пресс-служба, фото-служба и отдел корреспонденции. Под контролем Йоханнсена в Гамбурге создавались необходимые материалы и осуществлялась коммуникация с заграничными структурами. Для ускорения координации действий с государственными ведомствами и германскими экономическими объединениями было основано представительство в Берлине, которое возглавил В. Гроссе. Также на территории Германии функционировал ряд издательств, подконтрольных БЭИ.

Сам факт объединения различных предпринимателей Гамбурга, к которым вскоре присоединились экономические круги Бремена для проведения согласованной экспортной пропаганды, может говорить о многом. Внешнеторговая сфера Германии являлась крайне конкурентной, различным фирмам было тяжело найти точки пересечения для совместных действий. Однако еще более конкурентной становилась мировая торговля. По сравнению с XIX в. рынки сбыта постоянно сужались, для многих стран после Первой мировой войны был характерен протекционизм [13, S. 96]. Стимулирование экспорта товаров было крайне важно для Германии с учетом её зависимости от зарубежного сырья, продовольствия и необходимости выплачивать репарации. Лишь совместные усилия экспортеров страны, которые в первую очередь были сконцентрированы в Гамбурге и Бремене, могли способствовать продвижению германских товаров за рубежом. В связи с этим немецкий экономист Эрвин Вискеманн писал в своей статье: «Времена, когда отдельные торговые дома беспрепятственно расширяли свое влияние в свободной конкуренции друг с другом на обширных зарубежных территориях за счет использования преимуществ собственных знаний и отличных от других методов продвижения, давно прошли» [14, S. 171]. Фирмы продолжали заниматься собственной рекламой, а экспортная пропаганда становилась общей идеей для коммерсантов Гамбурга, Бремена и всей Германии. Она была направлена на поощрение вывоза германских товаров и углубление экономических связей Германии с зарубежными странами. По Вискеманну, идея о качественности товаров и гарантированном успехе сделки могла продвигаться как в утилитарной, так и в абстрактной форме, например, с помощью изображения Германии как страны, демонстрирующей выдающиеся достижения в различных сферах: науке, изобретательстве, предпринимательстве, искусстве и т.д. [14, S. 178]. Взаимосвязь хозяйственной и культурной политики подчеркивалась также другими учеными и политиками Веймарской Германии [10, с. 131, 195].

Если говорить о внешней пропаганде Германии в веймарский период в целом, то стоит отметить отсутствие центрального государственного ведомства, которое координировало бы все акции в данном направлении. Значительную активность осуществлял отдел прессы МИД, при этом ориентируясь на традиционные каналы влияния: новостные агентства, иностранных корреспондентов и публикации по международной тематике в немецких СМИ [11, S. 39-40]. Оказание влияния на зарубежную прессу со стороны официальных структур должно было рассматриваться в качестве сдержанного инструмента ввиду тех негативных последствий для внешней политики Германии, которые оно могло вызвать в случае своего обнаружения. Проведение указанных действий с помощью частных организаций могло снизить подобные риски. Поэтому МИД оказывал содействие БЭИ и выделял специальный бюджет для осуществления не только

экономической, но также политической и культурной пропаганды. Кроме того, основанная в Гамбурге организация представляла свои материалы и тесно взаимодействовала с другими государственным и негосударственным структурами, в частности, с имперским союзом германской промышленности (нем. Reichsverband der Deutschen Industrie), ассоциацией германской промышленности и торговли (нем. Deutscher Industrie- und Handelstag), организаторами Лейпцигской ярмарки и многими другими. Как показывают архивные документы, бюджет БЭИ пополнялся из трех источников: вливаний экономических кругов Гамбурга и Бремена, государственных ассигнований, а также средств промышленников и банкиров всей Германии (РГВА. Ф.1235к. Оп. 2. Д. 18. Л. 18).

Методы ведения деятельности БЭИ отличались от большинства пропагандистских структур Германии того времени. В годы Веймарской республики оно являлось крупнейшей организацией, занимавшейся скрытой пропагандой для формирования дружественного по отношению к Германии общественного мнения за рубежом. Как указывал руководитель берлинского представительства БЭИ В. Гроссе в «Докладной записке о скрытом влиянии на общественное мнение зарубежных стран как в настоящее время важнейшем и финансово приемлемом методе систематической немецкой внешнеполитической и контрпропаганды», пересланной в министерства иностранных дел, просвещения и пропаганды и рейхсканцелярию в 1933 г. и подводившей итоги функционирования организации в веймарский период, скрытность являлась основным принципом деятельности БЭИ (РГВА. Ф.1235к. Оп. 2. Д. 18. Л. 13). Оно никогда не выступало под своим настоящим названием. Обоснование для проведения скрытой пропаганды заключалось в том, что, по мнению Гроссе, неприкрытые способы влияния менее действенны за границей. Недостаток прямой пропаганды виделся в очевидности происхождения материала и его назначения (РГВА. Ф.1235к. Оп. 2. Д. 18. Л. 10). Это могло снизить пропагандистский эффект и облегчить проведение контрмер со стороны оппонентов. Также критиковались существующие официальные материалы внешней пропаганды за их однотипность, отсутствие внимания к специфике конкретной страны и региона, плохой перевод текстов. Некачественные материалы, как указывал Гроссе в докладной записке, могли вызвать обратную реакцию, раздражение по отношению к Германии со стороны зарубежных стран (РГВА. Ф.1235к. Оп. 2. Д. 18. Л. 11).

Практическая реализация экспортной пропаганды осуществлялась БЭИ по нескольким направлениям. Значительная активность была предпринята в деле издания книг, брошюр, листовок и другой печатной продукции за рубежом. Расширялись связи с издательствами и авторами, заинтересованными в публикации материалов о Германии. Вместо низкокачественных периодических изданий для отдельных стран под руководством БЭИ с 1931 г. раз в два месяца на испанском языке стал выходить в свет журнал «Ревиста Алемана» (исп. «Revista Alemana»). Тираж журнала составлял 10 000 экземпляров, он бесплатно распространялся в странах Латинской Америки и Испании. Данное издание включало в себя публикации о немецкой культуре, а также хорошо иллюстрированные рекламные объявления немецких товаров. Журнал был позитивно встречен как среди различных немецких организаций, так и в испаноязычной прессе. Например, ассоциация германской промышленности и торговли писала: «Благодаря изданию этого журнала удовлетворена давно ощущаемая потребность в создании доброкачественного пропагандистского органа печати, направленного на улучшение экономических отношений со странами Центральной и Южной Америки» (BArch. R 43-I/2529. Bl. 160). Общественное мнение латиноамериканских стран интересовало Германию не только с точки зрения экспортных возможностей, но также ввиду их участия в голосованиях по различным вопросам в Лиге Наций (РГВА. Ф.1235к. Оп. 2. Д. 18. Л.

31).

Очень быстро стало очевидно, что пропаганда в зарубежной прессе превосходит по своему влиянию издание печатной продукции, поэтому БЭИ стало уделять этой сфере существенное внимание. Материалы прессы охватывали широкие круги населения и за счет регулярного упоминания сходных тем можно было добиться более глубокого проникновения желаемых настроений в умы читателей. 6 марта 1923 г. посол Германии в Лондоне Фридрих Штамер в своем послании в Берлин отмечал, что продуманная политика в зарубежной прессе может изменить общественные настроения и привести к «освобождению от военного психоза» (*Akten zur deutschen Auswärtigen Politik: 1918-1945. Series A: 1918-1925. Bd. VII. 1. Januar bis 31. Mai 1923. Göttingen: Vanderhoeck & Ruprecht, 1989. S. 306*). Вместе с тем он упоминал об отдельных важных аспектах подобной деятельности, которые были актуальны не только с точки зрения германо-британских отношений, но и для внешнеполитической пропаганды Германии в целом: потребности в качественно написанных статьях, не производящих впечатление пропаганды; отсутствии достаточного ресурса у посольства для работы над подобными материалами; необходимости учитывать менталитет народа, на который направлены эти тексты (*Akten zur deutschen Auswärtigen Politik: 1918-1945. Series A: 1918-1925. Bd. VII. 1. Januar bis 31. Mai 1923. Göttingen: Vanderhoeck & Ruprecht, 1989. S. 305*). По сути, обозначенные моменты были учтены в деятельности БЭИ.

За столетия успешной внешней торговли у предпринимателей Гамбурга и Бремена сформировались обширные связи за рубежом. Используя их, БЭИ стремилось создать устойчивые опорные пункты влияния в различных странах и регионах мира. Формировалась сеть из «доверенных лиц» (нем. *Vertrauensleute*), игравших роль посредников в продвижении публикаций в различных странах. Ими зачастую становились осевшие за границей немцы, обладавшие определенным весом в обществе и связями в местной прессе. Можно согласиться с позицией, которую выражает в своей работе В.А. Космач, что «возобновление и строительство на новой основе более тесных контактов с немцами заграницы» являлось стержневым элементом германской внешней политики в 1920-е - начале 1930-х гг. [\[10, с. 69-70\]](#).

Механизм предпринятого БЭИ с помощью «доверенных лиц» проникновения в зарубежную печать состоял в следующем. На территории Германии создавались внешне нейтральные статьи, посвященные различным темам, связанным с политическим и экономическим положением страны, германской культурой и укладом жизни. Однако, кроме расширения знаний о Германии, углубления понимания страны у зарубежных читателей, замысел состоял в неявном изложении немецкой позиции по различным политическим вопросам. Например, чтобы убедить иностранцев в том, что охранная полиция (нем. *Schutzpolizei*) Германии не является тайной армией, описывалась мирная деятельность полицейских по охране правопорядка на дорогах и, между делом, упоминалось, что спортивные занятия в их профессиональной подготовке вытесняют тренировки с оружием, которые становятся все менее необходимыми (РГВА. Ф.1235к. Оп. 2. Д. 18. Л. 16.).

Созданные в Германии тексты переводились на различные языки, редактировались с учетом специфики и текущей общественно-политической обстановки конкретной зарубежной страны. В своих сочинениях авторы БЭИ не стремились затронуть актуальные темы, поэтому отсутствовала необходимость в срочной публикации. Выход статей в свет мог быть拉стянут на продолжительный срок вплоть до 12 месяцев. На это также могла влиять удаленность территории. Распределение статей осуществлялось

через зарубежные торговые палаты или представительства германских фирм. Подборка материалов представлялась «доверенным лицам», которые, не имея права что-либо менять в содержании, публиковали их при первой удачной возможности под собственным именем. У иностранных читателей должно было сложиться мнение, что статья написана их соотечественником, а не создана за рубежом. Это повышало доверие к содержащейся в ней информации. Таким образом, источник статьи и лежащий в её содержании подлинный замысел был скрыт от читателя. Различные «доверенные лица», которых могло быть несколько в одной стране, не знали о существовании друг друга. БЭИ стремилось различными способами усиливать авторитет своих агентов. Подразумевалось, что с течением времени за счет глубины знаний о Германии, присущей статьям «доверенных лиц», будет расти их влияние в стране пребывания (РГВА. Ф.1235к. Оп. 2. Д. 18. Л. 16). Впоследствии это можно было использовать для их продвижения в политической сфере в качестве прогермански настроенных деятелей.

Проникновение в зарубежную прессу со стороны БЭИ было действительно масштабным. Как показывает секретная брошюра «Связь бюро экономической информации Гамбург-Бремен с мировой прессой», сеть из «доверенных лиц» охватывала почти все государства мира (РГВА. Ф.1235к. Оп. 2. Д. 18. Л. 78-81). Особая активность прогерманской пропаганды в иностранной печати была развернута в следующих странах: Испании, Финляндии, Аргентине, Чили, Мексике, США, Канаде, Индии, Китае, Индонезии, Южно-Африканском Союзе. К концу существования Веймарской Германии по данным, приводимым в докладной записке Грассе, статьи БЭИ публиковались приблизительно в 800 газетах по всему миру (РГВА. Ф.1235к. Оп. 2. Д. 18. Л. 17). Каждый месяц посредством «доверенных лиц» осуществлялся выход в свет около 80 статей (РГВА. Ф.1235к. Оп. 2. Д. 18. Л. 17) экономического, политического и культурного содержания, целью которых было в ненавязчивой форме обеспечить по отношению к Германии дружелюбный климат за рубежом, повысить готовность закупать немецкие товары.

Чтобы глубже понимать политическое и экономическое состояние зарубежных стран, в рамках БЭИ была создана секретная информационная служба. «Доверенные лица» создавали отчеты с анализом текущего положения за рубежом. Полученная информация учитывалась для корректировки и расстановки акцентов в собственной пропагандистской активности. БЭИ также использовало полученные от «доверенных лиц» отчеты в качестве материала для публикации в германских, главным образом региональных газетах, дружественных статей о зарубежных странах и деятелях с целью показать, что в Германии с уважением относятся к чужой культуре и хотят укрепить взаимные связи. Это делалось, в том числе, для облегчения прогерманских публикаций за рубежом. В 1930 г. немецкий адмирал Пауль Бенке опубликовал исследование, в котором приходил к выводу о недостаточном внимании германской прессы к странам, находящимся за пределами Европы. В своем послании канцлеру Брюнингу он отмечал, что деятельность БЭИ, которое систематично предоставляло немецкому обществу необходимую информацию из-за границы, заслуживает поддержки со стороны государства (BArch. R 43-I/2529. Bl. 12).

Дополнительная материальная помощь становилась насущной для БЭИ ввиду влияния мирового кризиса 1929-1933 гг. на экономические круги Гамбурга и Бремена. Объем внешней торговли Германии в 1931 году по сравнению с 1929 годом сократился на 28%, приблизительно в таком же объеме уменьшился товарооборот через гамбургский порт [13, S. 127]. Торговые, судоходные и судостроительные предприятия несли огромные потери, некоторые из них разорялись. Так, прибыль объединившихся «ГАПАГ» и

бременского «Северогерманского Ллойда» (нем. Norddeutscher Lloyd) упала в 1931 г. на 63% [13, S. 131], а фирма «Шлубах, Тимер унд Ко» в июне того же года была вынуждена объявить себя банкротом [13, S. 127]. На этом фоне финансирование БЭИ было значительно урезано, количество разосланных статей сократилось на треть, из-за нехватки бюджета нависла угроза свертывания некоторых направлений деятельности. Руководство основанной в Гамбурге организации обратилось за помощью к государству, делая особый акцент в своих запросах на необходимость поддержки политической пропаганды в своей работе (BArch. R 43-I/2529. Bl. 86, 88, 90-91, 110, 127-129). В рейхсканцелярию пересыпались списки опубликованных в зарубежной прессе статей, связанные с вопросами ревизии Версальской системы, reparаций, разоружения и т.п. (BArch. R 43-I/2529. Bl. 88, 107, 114). В итоге правительство предоставило БЭИ дополнительные денежные средства, а министерства — материалы для публикаций в зарубежной прессе (BArch. R 43-I/2529. Bl. 117, 122, 142).

Таким образом, уже в Веймарской Германии БЭИ осуществляло масштабную работу по пропаганде за рубежом. Ключевым направлением его деятельности было скрытое проникновение в иностранную прессу. Причины подобной активности лежали в заинтересованности экономических кругов региона в улучшении образа страны для нормализации внешнеторговых отношений и наличии необходимых связей для проведения пропаганды в иностранных государствах. Деятельность БЭИ поддерживалась со стороны правительства, которое было заинтересовано в осуществлении пропагандистских действий посредством частных структур. С годами основанная в Гамбурге организация все больше стала подпадать под влияние государства, в конечном итоге уже после краха Веймарской Германии и прихода Гитлера к власти, став в 1933 г. напрямую подконтрольным министерству просвещения и пропаганды Й. Геббельса.

Библиография

1. Фоменко С.В. "Мягкая сила" и имидж Германии 1933-1939 гг. с позиций концепции Джозефа Ная-младшего и её критиков // Современная Россия и мир: альтернативы развития: (имидж страны как фактор "мягкой силы" в международных отношениях): сборник научных статей. Барнаул: Изд-во Алтайского университета, 2017. С. 68-74.
2. Дацишина М.В. Провал пропаганды гитлеровской Германии в Турции // Военно-исторический журнал. 2018. № 7. С. 52-58.
3. Дацишина М.В. Германская пропаганда в Иране в период Второй мировой войны // Военно-исторический журнал. 2019. № 3. С. 49-56.
4. Взлет и падение гитлеровской пропаганды (1933-1945 гг.) / Ю. Н. Арзамаскин, В. К. Гапон, К. М. Голод и др. М.: Вече, 2022. 477 с.
5. Longerich P. Propagandisten im Krieg: Die Presseabteilung des Auswärtigen Amtes unter Ribbentrop. München: Oldenburg, 1987. 356 S.
6. Stoop P. Niederländische Presse unter Druck. Deutsche auswärtige Pressepolitik und die Niederlande 1933-1940. München: Saur, 1987. 453 S.
7. Skor H. "Brücken über den Rhein": Frankreich in der Wahrnehmung und Propaganda des Dritten Reiches, 1933-1939. Essen: Klartext, 2011. 461 S.
8. Herzer M. Auslandskorrespondenten und auswärtige Pressepolitik im Dritten Reich. Köln: Böhlau Verlag, 2012. 306 S.
9. Schlüter D. Vom Kampfblatt zur Staatspropaganda: die auswärtige Pressearbeit der NSDAP dokumentiert am Beispiel der NS-Wochenzeitschrift Westküsten-Beobachter aus Chile. Göttingen: V&R unipress, 2016. 262 S.
10. Космач В.А. Внешняя культурная политика Веймарской Германии в политической

- жизни страны и на международной арене (1919-1932 гг.). Витебск: Изд-во Витебского государственного университета, 2006. 390 с.
11. Müller H.J. Auswärtige Pressepolitik und Propaganda zwischen Ruhrkampf und Locarno (1923-1925). Frankfurt am Main, etc.: Lang, 1991. 305 S.
  12. Hermann A. Der Weg in den Krieg 1938/39: Quellenkritische Studien zu den Tagebüchern von Joseph Goebbels. München: Oldenbourg, 2011. 574 S.
  13. Büttner U. Hamburg in der Staats-und Wirtschaftskrise: 1928-1931. Hamburg: Christians, 1982. 748 S.
  14. Wiskemann E. Exportpropaganda als Form der Exportförderung // Weltwirtschaftliches Archiv. 1931. № 34. S. 165-194.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Со временем первых государств правители используют различные дипломатические приемы, инструменты «мягкой силы», рычаги внешнеполитической пропаганды для укрепления своих международных позиций. Разумеется, что сегодня в век стремительного развития информационно-коммуникационных технологий эти возможности только увеличиваются, что однако обуславливает важность изучения исторического опыта внешнеполитической пропаганды.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой является скрытая пропаганда Веймарской Германии за рубежом в 1923-1932 гг. Автор ставит своими задачами показать степень изученности немецкой внешнеполитической пропаганды в веймарский период, рассмотреть деятельность бюро экономической информации Гамбург-Бремен, проанализировать особенности немецкой пропаганды в межвоенный период.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор стремится охарактеризовать деятельность Бюро экономической информации Гамбург-Бремен в контексте пропаганды Германии Веймарского периода. Научная новизна заключается также в привлечении архивных материалов.

Рассматривая библиографический список статьи, как позитивный момент следует отметить его разносторонность: всего список литературы включает в себя свыше 10 различных источников и исследований. Несомненным достоинством рецензируемой статьи является привлечение зарубежных материалов на немецком языке, что определяется самой постановкой темы. Из привлекаемых автором источником отметим документы из фондов Российского государственного военного архива и Федерального архива Германии. Из используемых исследований укажем на труды М.В. Дацишиной и С.В. Фоменко, в которых рассматриваются различные аспекты немецкой пропаганды в межвоенный период. Заметим, что библиография обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по ее теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для

понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как историей пропаганды, в целом, так и пропагандой в Германии, в частности. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определённой логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что слабая разработанность темы бюро экономической информации Гамбург-Бремен в немецкой историографии обусловлена наличием большого количества документов, связанных с его функционированием, в Российском государственном военном архиве. В работе отмечается, что «одной из причин поражения в войне виделся провал собственной и успех вражеской пропаганды, которая, как считали в консервативных и националистических кругах Германии, смогла подготовить «удар ножом в спину» армии». Обращаясь к изучению бюро экономической информации Гамбург - Бремен, автор показывает, что «активность прогерманской пропаганды в иностранной печати была развернута в следующих странах: Испании, Финляндии, Аргентине, Чили, Мексике, США, Канаде, Индии, Китае, Индонезии, Южно-Африканском Союзе». Примечательно, что деятельность бюро «поддерживалась со стороны правительства, которое было заинтересовано в осуществлении пропагандистских действий посредством частных структур».

Главным выводом статьи является то, что в межвоенный период бюро экономической информации Гамбург - Бремен осуществляло масштабную пропаганду за рубежом.

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в курсах лекций по новейшей истории, так и в различных спецкурсах.

В целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале «Genesis: исторические исследования».

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Шумаков М.Д. — Значение обороны Царицына в 1918 году. Экономический и военно-стратегический и аспекты // Genesis: исторические исследования. – 2023. – № 10. DOI: 10.25136/2409-868X.2023.10.38840 EDN: QJTJQL URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=38840

Значение обороны Царицына в 1918 году. Экономический и военно-стратегический и аспекты

Шумаков Михаил Дмитриевич

ORCID: 0000-0002-7286-2350

аспирант, кафедра Новейшей истории России, Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Университетская набережная, 7-9

✉ mishumakov@mail.ru

[Статья из рубрики "История и экономика"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2023.10.38840

EDN:

QJTJQL

Дата направления статьи в редакцию:

26-09-2022

Аннотация: Объектом исследования является оборона города Царицына войсками РККА в 1918 году. Предметом исследования является экономическое и военно-стратегическое значение этого города для воюющих сторон. Значимость выявления значения обороны этого города связано с тем фактом, что активные действия по организации обороны Царицына летом-осенью 1918 года предпринял И.В. Сталин. В последующие годы этот вопрос приобрёл особое политическое значение в том числе в связи с противоборством И.В. Сталина и Л.Д. Троцкого. Их противоборство касалось и вопроса о целесообразности деятельности Сталина в Царицыне и в более широком ключе - значения обороны этого города вообще. В данном исследовании автор попытался показать, что оборона Царицына имела большое экономическое и военно-стратегическое значение на момент лета-осени 1918 года. На основании источников, связанных с поступлениями продовольствия из окраин России в её центры автор подчёркивает продовольственное значение Юга России и Царицына в частности, как продовольственного и промышленного центра этого региона. Отдельным аспектом значимости Царицына выделен фактор железных дорог - Царицын был важным

железнодорожным узлом, связывающим три ветки дорог. Это имело значение и в свете централизации и доставки продовольственных грузов, и с точки зрения переброски вооружённых сил. Наконец, автор постарался соединить в рамках исследования экономическое и стратегическое значение. Последнее представлено отзывами участников разных воюющих сторон Гражданской войны о значении Царицына.

Ключевые слова:

Оборона Царицына, Сталин, Царицын, Гражданская война, Поступление продовольствия, Царицынские железные дороги, Экономическое значение Царицына, Сталин в Царицыне, Продовольственный обмен, Стратегическое значение Царицына

Введение

Оборона Царицына стала важной страницей в истории Гражданской войны в России, вокруг которой, тем не менее, уже больше ста лет ведутся постоянные споры. Одна из главных причин этих дискуссий – активное участие И.В.Сталина в обороне этого города в период летней и осенней кампании 1918 г. Факт личного участия Сталина в планировании обороны – бесспорен. Но каким именно был этот вклад? Способствовал ли он успеху обороны, или же наоборот дезорганизовал её? Споры вызывает и само значение Царицына в Гражданской войне: был ли это важный опорный пункт Красной армии, или же всего лишь второстепенный участок фронта?

В своей книге о И.В.Сталине, Л.Д.Троцкий писал: «Защита Царицына никогда не могла иметь того значения, как борьба за Казань, откуда открывается путь на Тулу и Москву, или, как борьба за Петроград, потеря которого была бы грозным ударом сама по себе и открывала бы путь с севера, путь на Москву. Сейчас много геройских эпизодов гражданской войны забыто: забыты все, где не участвовал Stalin; зато имени Царицына придано мистическое значение» [\[25, С. 83\]](#). Таким образом, Л.Д.Троцкий утверждал, что оборона Царицына не имела решающего значения в Гражданской войне. Представляется, что это мнение не столь объективно.

Определение реального значения Царицына в 1918 г. позволит приблизиться к решению ряда важных вопросов: о причинах командирования Сталина в этот город, о его личной роли на данном этапе Гражданской войны, о правомерности решений "царицынской тройки" - Сталина, Ворошилова и Минина в том числе об отказе оставлять Царицын в разгар его обороны и переезжать в Козлов, на чём настаивал тогда Троцкий. В этом заключается актуальность исследования: оборона Царицына стала одним из важнейших этапов биографий Сталина и Ворошилова - деятелей, которым суждено оказать колоссальное влияние на вопросы политики и военного строительства в СССР. Царицын стал контекстом их становления как военных руководителей, что учитывалось в дальнейшем и немецким командованием, планировавшим наступление на Сталинград, и советской культурой, воспевшей оборону Царицына и участие Сталина и Ворошилова в ней. Исходя из этого, представляется, что уточнение значения Царицына в 1918 г. приближает исследователей к пониманию роли Сталина в Гражданской войне, а через это - к пониманию его роли в отечественной истории в целом.

Хронологические рамки исследования - июнь - октябрь 1918 г. - время, когда вопросами обороны Царицына и снабжением промышленных районов продовольствием через этот город руководил И.В. Сталин.

Объектом исследования является оборона города Царицына войсками РККА в 1918 г. Предметом исследования является экономическое и военно-стратегическое значение этого города для воюющих сторон.

Вопрос о значении Царицына не раз поднимался в историографии. Среди прочих проблем, связанных с Гражданской войной, он рассматривался уже в 1920 гг. Причём вопрос этот рассматривался как в исследованиях советских специалистов, так и в среде белой эмиграции. Наиболее фундаментальные труды советской историографии этого периода, затрагивающие вопрос Царицына - исследования Н.Е. Какурина и А.И.Анишева. Н.Е. Какурин - полковник императорской армии, а в дальнейшем - начальник отдела истории Гражданской войны при Штабе РККА. В 1925 г. он издаёт исследование «Как сражалась революция», посвящённая общему рассмотрению хода гражданской войны. В разделе, посвящённом Южному фронту в 1918 г. он подчёркивает значимость Царицына, как промышленного центра региона, и важность его стратегического положения [14]. В том же 1925 г. выходит и исследование А.И. Анишева - «Очерки по истории Гражданской войны 1917-1920 гг.». Эта работа тоже имеет характер общего обзора фронтов Гражданской войны, в том числе и интересующего нас Южного фронта. А.И. Анишев также упоминает о значении Царицына на этом участке: «Царицын сыграл роль пролетарского центра, выделившего военный штаб для объединения тех отрядов, которые с Украины, Дона, Северного Кавказа выходили к Царицыну» [1, С.165]. Труды деятелей белого движения (часть их авторов непосредственно участвовала в боях за Царицын) будут рассмотрены подробно во второй части статьи.

Переход к новым историографическим тенденциям в отечественной науке наметился с конца 1920-ых гг. Если до этого Царицын рассматривался вместе с прочими вопросами Гражданской войны, то теперь он удостаивается ряда специализированных монографий, подробно исследующих его значение в ходе войны и общую стратегическую обстановку, сложившуюся вокруг этого города.

Вопросы обороны Царицына были достаточно подробно рассмотрены крупными историками этого времени. Коротко охарактеризуем самые знаковые исследования 1930-50 гг. ХХ в. Царицынская оборона была исследована крупным советским историком Эсфирь Борисовной Генкиной в монографии: «Борьба за Царицын». В монографии ярко прослеживаются характерные черты советской историографии того периода: 1)Значительный акцент на общее стратегическое значение Царицына в ходе Гражданской войны: «Царицын как центр, откуда шло руководство всеми армиями, сражающимися на юге страны». 2) Тезис о том, что И.В. Сталин внёс решающий вклад в положительный исход обороны Царицына от войск атамана П.Н. Краснова: «Во главе борьбы за весь советский юг и Каспий встал товарищ Сталин» [9, С.12]. На схожих научных позициях находится и монография В.А. Меликова - «Героическая оборона Царицына» [17].

В этот период выходили и исследования, посвящённые отдельно Югу России (в первую очередь предкавказским и закавказским губерниям) как источнику продовольствия. В этой связи нужно отметить монографию П.Г. Софинова - «Роль Южных районов в снабжении республики продовольствием» [23]. В своём труде историк обосновывает тезис о налаживании Сталиным дела поставок продовольствия из Царицына в Москву, находившегося до той поры в кризисном состоянии Во второй половине 1950 гг. вновь происходит изменение в советской историографии. Акцент на положительный вклад И.В. Сталина в Гражданскую войну снимается, что повлияло и на то, что интерес к Царицыну

тоже снизился - он вновь рассматривается как один из ряда участков Гражданской войны (см. работы А.Е. Антонова, Ю.Е. Кораблёва и др.), специализированных исследований по связанным с ним вопросам не выходит.

Эта же ситуация продолжается и теперь: специализированных исследований по значению Царицына не выходит, но в новейших работах, посвящённых И.В. Сталину в Гражданской войне, таких как сборник В.Л. Гончарова, исследования А.Ю. Пименова [20], И.С. Ратьковского [21], О.В. Хлевнюка [27], Д.В. Дубинина [11], - кратко характеризуется значение этого города.

В данной статье автор стремится с учётом нового круга источников вновь поставить в центр внимание Царицын и уточнить его значение в ходе Гражданской войны на момент 1918 г., комплексно рассмотрев это значение в экономических и военно-стратегических аспектах. В первую очередь представляется важным ответить на три вопроса: 1) Обладал ли Царицын стратегическим и экономическим значением, когда принималось решение о командировке И.В. Сталина в этот город. 2) Сохранял ли Царицын это значение в течение лета-осени 1918 г. 3) Учитывали ли участники Гражданской войны это значение, или сам тезис о нём был сформирован советской историографией 1930-40 гг.

В завершающей части введения коротко остановимся на использованном круге источников. В первой части исследования, где рассматривается экономическое значение Царицына, в качестве источников использованы: материалы периодической печати (в первую очередь номера газеты "Правда", содержащие в себе публикации по вопросам, затрагивающим Царицын), использованы так же материалы фонда № 558 РГАСПИ - личного фонда И.В. Сталина. В первую очередь это телеграммы, отразившие его взаимодействие с другими государственными деятелями по вопросу транзита продовольственных грузов в Царицын и из Царицына. Для определения потенциальных объёмов продовольственных заготовок на Юге России использованы статистические данные из сборника статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств, составлявшегося на протяжении десяти лет до 1917 г. Для определения же продовольственных расчётов советской власти использована работа Н.А. Орлова, принимавшего непосредственное участие в этих расчётах, написанная в 1918 г. Так же в работе использован ряд воспоминаний и работ современников исследуемых событий, принявших участие в Гражданской войне по разные её стороны, таких как Какурин, Краснов, Деникин, Врангель, Зайцов, Троцкий и др.

Значение обороны Царицына в 1918 году. Экономический аспект.

В период Гражданской войны в России Царицын представлял для воюющих сторон экономическую ценность. Во-первых, Царицын был важен с точки зрения снабжения населения России продовольствием. Согласно сборнику статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств, вышедшему в 1917 г. в Петрограде, Средневолжский регион (в который входили Самарская, Саратовская, Симбирская, Пензенская, Казанская, Нижегородская и Уфимская губернии) отличался значительными показателями сбора продовольственных хлебов на 1915 г. [25, с. 10-15]. Причём Саратовская губерния, к которой относился Царицынский уезд, занимала в этом регионе лидирующее значение по сбору продовольственных культур – в 1915 г. там было собрано 112,579 пудов продовольственных хлебов из общего сбора по 51 губернии Европейской России – 2, 933 122 пуда [25, с. 10-15]. Таким образом, на Саратовскую губернию приходилось производство продовольствия, почти в два раза превышающее

среднюю долю по губерниям Европейской России. Стоит отметить так же, что значительная доля сбора продовольственных культур в 1915 г. приходилась на предкавказский регион (Терская и Кубанская области, Ставропольская губерния) – 368 812 пудов [25, С. 42-43]. Главный же путь снабжения центральной России продовольствием из этого региона, благодаря сети железных дорог, лежал через Царицын. Если сложить данные сбора продовольствия по Саратовской и предкавказским губерниям – т.е. по регионам, непосредственно соединённым с Царицыным сетью дорог, то получится общий сбор в 481 391 пудов. Если учесть, что общий сбор хлебов по Российской империи в 1915 г. составил 3 731 028 пудов, то можно заключить, что с 4 упомянутых губерний было собрано около 13 % всех продовольственных хлебов империи.

Для большей вероятности верного результата возьмём среднее значение за последние пять лет проведённых измерений: с 1911 по 1915 гг. Учитывая данные сборника статических и экономических сведений по сельскому хозяйству России, в среднем за пять лет в трёх предкавказских губерниях было собрано 349 284 пудов хлебных культур. Среднее значение для Саратовской губернии будет 91 179 пудов. Наконец, средние сборы хлебных культур по всем губерниям России за пять лет составили 3 829 324 пудов. С учётом средних значений, доля сбора продовольствия в четырёх губерниях, непосредственно связанных с Царицыным к общим сборам в Империи снижается, но незначительно – до 11,5 %.

Нельзя не отметить и трудности, связанные с продовольственным кризисом 1917-1918 гг. Приведём цитату из монографии В.В. Кондрашина: «Объективным фактором, усугубившим наряду с Гражданской войной и потерей территорий из-за Брестского мира продовольственный кризис в Советской России, стал недород хлебов 1917 г. в зерновых районах страны, включая Поволжье. Вследствие этого зимой и особенно весной 1918 г. в поволжских деревнях возникли серьезные продовольственные трудности, крестьянские хозяйства испытывали дефицит семенного зерна. В частности, урожай зерновых 1917 г. в Поволжье оказался на 55% ниже, чем средний валовой урожай за 1909-1913 гг. Отвечая в мае 1918 г. на анкету Саратовского губпродкома, 95% советов губернии жаловалось на недостаток семян для весеннего сева» [15, С.88-89]. Таким образом, в 1917 г. Россия столкнулась с неурожаем, который обострил продовольственный вопрос. Неурожай затронул Поволжье в целом и Саратовскую губернию в частности. Однако, это лишь подчёркивает значение Царицына, как связующего звена с Нижним Поволжьем, Кубанью и Северным Кавказом [16, С.306].

Представляется, что эти данные соответствует тому, как ситуация воспринималась непосредственными участниками событий. Из переписки И.В. Сталина с другими лидерами большевиков можно сделать вывод о том, что основное его внимание в связи с продовольственным вопросом было сосредоточено именно на Кубанском и Северокавказском направлении. В телеграмме Троцкому от 11 июля 1918 г. Stalin выражает обеспокоенность перерывом Тихорецкой линии железной дороги (именно той линии, которая соединяла Царицын с Кубанью), а также бездействием местного военного командования по этому вопросу [23].

В телеграмме к Г.К. Орджоникидзе от 17 июля 1918 г. И.В. Stalin снова поднимает эту тему: «Первый вопрос. Перерыв железнодорожного сообщения и полная оторванность, с одной стороны, России от единственного хлебного района, что делает голод неминуемым (имейте в виду, что пути к Кизляру, как и к Петровску, также прерваны)» [3, С. 44]. По всей видимости, в первой части предложения Stalin говорит о все той же линии Котельниково – Тихорецкая. Далее речь идёт о Кизляре и Петровске. Петровск –

прежнее название Махачкалы, изменённое в 1921 г. [13, С.165]. Из телеграмм, отправленных Сталиным большевистским лидерам видно, какое пристальное внимание в связи с продовольственным вопросом Stalin уделяет линии Котельниково – Тихорецкая, т.е. связи с Кубанью, а также железнодорожным линиям на Кизляр и Петровск, т.е. связи с Северным Кавказом.

Это подводит наше внимание ко второму аспекту экономического (и стратегического не в меньшей степени) значения Царицына – железным дорогам, превратившим город в важный транзитный пункт и подтолкнувшим его промышленное развитие. Строительство первой железной дороги в Царицыне началось в 1858 г. [4, С. 88]. Эта дорога соединила Волгу и Дон, что создало условия для развития Царицына. В 1871 г. был открыт второй железнодорожный путь – Царицын-Грязи, так город был соединён с центральными губерниями России [28, С. 247]. Благодаря строительству Грязе-Царицынской железной дороги в Царицыне активно стало развиваться производство соли, нефтепереработка, а также появилось около двадцати рыбокоптильных заводов [28, С. 247].

В 1897 г. завершилась постройка Тихорецко-Царицынской ветки Владикавказской железной дороги, которая связала Поволжье с Кубанью и Северным Кавказом [28, С. 247]. Таким образом, в районе Царицына сошлись три важнейшие железнодорожные магистрали Юга России. Они обеспечивали его связь и с важнейшими хлебопроизводящими регионами (Кубань, Северный Кавказ и др.), и с нижним Поволжьем, и с центральной Россией, превращая Царицын в экономический центр региона. В пользу этого вывода свидетельствует и тот факт, что именно в Царицыне разместился Чрезвычайный областной комитет по продовольствию и снабжению Юга России (Чокпрод) – областная организация Комитета снабжения для всего юго-востока Европейской России, в то же время одна из шести крупнейших продовольственных организаций в РСФСР [18, С.202]. Ранее Чокпрод базировался в Ростове-на-Дону, но после его захвата войсками атамана П.Н. Краснова 25 апреля 1918 г., Чокпрод переезжает в Царицын [21, С.100]. Этот факт свидетельствует о том, что в условиях, когда был потерян Ростов-на-Дону, а ещё ранее - Новочеркасск, именно из Царицына было наиболее удобно осуществлять контроль над сбором продовольствия в соответствующем регионе. Более того, большая часть транспортного пути по снабжению хлебом Центральной России оказалась возможной теперь только через Царицын [21, С.100].

Стоит отметить, что строительство железных дорог подстегнуло и промышленное развитие Царицына. В том числе появляется и значительное количество предприятий, работавших на оборону. По состоянию на 1916 г., в Царицыне работали: мастерская по изготовлению ручных гранат, чугунно-литейные и чугунно-механические заводы, кузнечные мастерские, после 1916 г. вступили в строй промышленные электростанции [2, С. 222-223]. В 1914 году в Царицыне был основан огромный орудийный завод, на котором, к слову, в том же году некоторое время проработал К.Е. Ворошилов [8, С.83]. Завод этот строила по концессионному соглашению британская фирма «Vickers Limited» [2, С.224].

Учитывая тот факт, что Царицын летом-осенью 1918 г. оказался в центре боевых действий, важно остановиться на вопросе о состоянии указанных железных дорог в этот период. Ведущиеся бои не могли положительным образом сказаться на стабильности железнодорожных перевозок. Железнодорожные линии под Царицыном неоднократно прерывались. К примеру, 16 июня была прервана линия между Царицыным и Москвой в районе станции Алексиково, однако это не стало непреодолимым препятствием –

снабжение потребляющих губерний в этот период продолжалось по Волге, а к 21 июня прерванная линия уже была очищена от войск противника [24, С.51]. Но в конце июня последовало ещё более серьёзное затруднение - казаками была прервана линия Царицын -Тихорецкая, т.е. сообщение Царицына с Северным Кавказом, откуда шло наибольшее число хлебных грузов. Это привело к резкому спаду отправки хлеба из Царицына - на 98,5%, снижение вывоза продовольствия в целом сократилось на 82% [24, С. 63]. Но даже в этот период Царицын не теряет своего продовольственного значения - увеличивается вывоз рыбы, соли и прочих продуктов, вывоз которых не зависел от связи с Северным Кавказом [23, С.63]. В целом же стоит отметить, что, даже несмотря на нестабильность железнодорожных сообщений, Царицын сыграл весьма значительную роль в снабжении РСФСР летом 1918 г.

Для определения этой роли, необходимо остановиться на данных о вывозе продовольствия из Царицына в этот период. Подсчёт этих данных был предпринят советскими исследователями. Ещё в 1940 г. такой подсчёт впервые предприняла Э.Б. Генкина в монографии "Героическая оборона Царицына" [9]. Основываясь на ведомостях Чокпрада (Чрезвычайной областной организации, отвечавшей за заготовку продовольствия на Юге России), Э.Б. Генкина пришла к результату в 2 379 вагон с продовольственными грузами, отправленными из Царицына в потребляющие губернии в июне 1918 г. [9, С. 94]. За три же летних месяца, согласно документам Чокпрада, опубликованным Э.Б. Генкиной и Н.С. Трусовой в сборнике документов "Героическая оборона Царицына", из Царицына был вывезен 3521 вагон с продовольственными грузами [24, С.64]. Данные Э.Б. Генкиной были уточнены в статье П.Г. Софина "Роль южных районов в снабжении Советской республики продовольствием летом 1918 г.", опубликованной в журнале "Исторические записки" в 1949 г. П.Г. Софинов отмечает, что Э.Б. Генкиной были использованы неоднородные источники, которые привели к несколько завышенным показателям поступления продовольствия из Царицына [24, С. 58]. Сам же он при подсчёте опирается на месячные погубернские записи отправки груза из Царицына, хранящиеся в фонде Чокпрада в ЦГАОР (ныне ГАРФ). Этот источник даёт следующие показатели: в июне из Царицына было отправлено 2334 вагона продовольственных грузов (в этой цифре учитывается не только хлеб - его 61,7 %, но и скот и прочие продовольственные грузы) или 1 931 144 пуда в весовом выражении из расчёта 20 пудов - 1 голова скота [24, С.61]. В июле и августе, из-за перерыва сообщения Царицына с Северным Кавказом поступления хлеба резко снижаются, но отправка продовольствия из Царицына в целом было продолжено и составило по подсчётам того же П.Г. Софина 538 вагонов за два последних летних месяца [24, С.63]. Доля хлеба в этой партии была, правда, весьма низкой - 4,9 %, но была увеличена отправка соли и рыбы - на 88,3% и 63%, соответственно [24, С.64]. Если же перейти к итоговой цифре продовольственных грузов, заготовленных на Юге России, то П.Г. Софинов называет цифру в 4 809 440 пудов [24, С.66]. Для чистоты картины, на основании тех же погубернских записок Чокпрада, приведённых Софиновым, выделим только те данные, которые относятся к продовольствию, непосредственно отправленному в потребляющие губернии через Царицын. В таком случае получится итоговая цифра в 2 270 011 пудов продовольственных грузов за три летних месяца. Из этой суммы непосредственно хлеба - 1 138 562 пудов. Весьма большое значение этих показателей становится очевидным, если учесть, что по данным Наркомпрада, приводимых П.Г. Софиновым, с мая по август (включительно) на всей территории Советской республики, свободной от интервентов и белогвардейцев (за исключением юга России), удалось заготовить 1 106 328 пудов

хлеба и зернового фуража [\[24, С.67\]](#).

Наконец, об экономическом значении различных регионов России в расчётах советской власти (в первую очередь в аспекте снабжения страны продовольствием) в 1918 г. можно судить и по косвенным данным: к примеру, по промышленным товарам, направленным в регионы РСФСР для обмена на продовольствие. В исследовании «Продовольственная работа советской власти» историк и участник исследуемых событий – Н.А. Орлов приводит, в частности, сведения, о распределении металлических грузов по губерниям для обмена в период с января по июнь 1918 г. Из всей совокупности в 1894 вагона, в Саратовскую губернию (в состав которой входил Царицын) был направлен 351 ваг., а на Северный Кавказ, соединённый с Царицыным железнными дорогами – 169 ваг. Больше вагонов было направлено только в Сибирь – 907 ваг. [\[18, С. 203\]](#) При том, что сам Н.А. Орлов отмечает, что в этой статистике указаны не все поступления, а только те, что были отправлены по нарядам Продобмена, сведения эти ясно показывают, какие регионы советское правительство считало наиболее перспективными в плане поступления из них продовольствия. Схожую картину показывает и план отправки для товарообмена тканей – одного из важнейших источников товарообмена, как отмечает Н.А. Орлов [\[18, С. 224\]](#). На Кубань, Северный Кавказ и Таврическую губернию было запланировано к отправке 46, 3 млн. аршинов ткани, на юго-восточные и нижневолжские губернии – 10 млн. аршин из общей суммы плана на РСФСР в 200, 6 млн. [\[18, С.225\]](#). Таким образом, объёмы товаров, выделенные советской властью для обмена на продовольствие в деревне, свидетельствуют о важности Северного Кавказа в продовольственных расчётах, а значит и Царицына, как транзитного центра, через который это продовольствие можно было получить.

Подведём промежуточный итог: согласно статистическим сведениям, собранным ещё в последние годы существования Российской империи, Северный Кавказ и Саратовская губерния отличались значительными показателями сбора хлебов. Учитывая количество товаров, выделенных советской властью для продобмена по разным регионам, можно утверждать, что такое значение эти регионы сохраняли и в продовольственных планах новой власти. Главным же связующим звеном, через который данное продовольствие можно было получить, благодаря сети железных дорог и речным путям – был Царицын. Сложно назвать совпадением, что именно в Царицыне обосновался Чокпрод, организация, отвечавшая за заготовки продовольствия на юго-востоке России. И хотя значение Царицына как транзитного узла продовольствия с ходом боевых действий снижалось, оно всё равно оставалось велико в целом в рассматриваемый период (лето 1918 г.).

Значение обороны Царицына. Военно-стратегический аспект.

Теперь перейдём к военно-стратегическому значению Царицына в годы Гражданской войны. Большое значение в этом вопросе представляют воспоминания командующих Белых армий, которые боролись с большевиками на Южном участке. О важности Царицына упоминает П.Н. Краснов – атаман Всевеликого Войска Донского. В одной из своих книг он приводит аргументы, которыми старался убедить генерала А.И. Деникина начать совместное наступление на Царицын: «Движение на Царицын при том настроении, которое замечено в Саратовской губернии, сулит добровольцам полный успех. /.../ Царицын даст генералу Деникину хорошую чисто русскую базу, пушечный и снарядный заводы и громадные запасы всякого воинского имущества, не говоря уже о деньгах.» [\[16, С. 16\]](#) Краснов, таким образом, подчёркивал значение Царицына как важной опоры для антибольшевистских войск с точки зрения получения ресурсов и привлечения

новобранцев. Краснов также отмечает, что генерал М.В. Алексеев согласился с тем, что взятие Царицына может способствовать созданию единого антибольшевистского фронта, но, как и генерал Деникин, отказался участвовать в наступлении на Царицын из-за необходимости оказать помощь антибольшевистскому восстанию на Кубани.

Огромное значение Царицыну придавал генерал П.Н.Врангель. Несмотря на то, что Врангель наступал на Царицын уже в 1919г., когда Stalin уже отбыл из города, представляется, что размышления генерала о стратегической важности Царицына относятся и к событиям 1918. В своих «записках» он писал: «Я.../по-прежнему придаю Царицынскому направлению первенствующее значение» [7]. Врангель подчёркивает важность Царицына и в своей телеграмме от 24 мая 1919 г.: «Нельзя рассчитывать на безграмотность противника и пренебрежение им значения Царицына. /.../ В полной мере учитываю важность успеха, достигнутого на других фронтах армии и желательность его развития, но убежденно заявляю, что ежели Царицынская операция будет сорвана, то к нулю рано или поздно будут сведены успехи других армий» [7]. Врангель здесь придаёт Царицыну ещё большее значение, чем Краснов. Он утверждает царицынское направление как ключевое в наступлении, ведь поражение на нём грозит поражением на всех участках наступления. Врангель так же сообщает о том, в лагере красных Царицын называли «Красным Верденом» [7], что подчёркивает тот факт, что стратегическое значение Царицына учитывалось обеими сторонами конфликта.

Стратегическое значение Царицына отмечал ещё один офицер Добровольческой армии – А.А. Зайцов. Ещё в 1916 г. А.А. Зайцов был причислен к Генеральному штабу, а уже в эмиграции был ближайшим помощником генерала Н.Н.Головина по работе на Зарубежных Высших военно-научных курсах [22, С. 126], что свидетельствует о том, что он был не просто военным, а специалистом по военной стратегии, что делает его размышления о стратегии весьма значимыми. В своей работе «1918 год: очерки истории русской гражданской войны» он пишет: «Всякое продвижение донцов на северо-восток, на соединение с Самарским фронтом Народной армии, фланкировалось Царицыном. На него же базировались красные силы Северного Кавказа. Царицын же обеспечил за большевиками Астрахань, разъединявшую уральских казаков от юго-восточного казачества». [12, С. 192-193]. Отсюда следует, что, по мнению Зайцова, для соединения друг с другом белым армиям было необходимо взять Царицын. Соединение же разрозненных белых войск существенно увеличило бы их боеспособность.

А.А. Зайцов отмечает, что значение Царицына понимали и командующие РККА [12, С. 193]. Он ссылается на мнения Л.Л. Клюева (в декабре 1918 г. он был назначен начальником штаба 10-й армии, оборонявший Царицын) и И.И. Вацетиса (с 1 сентября 1918 г. Главнокомандующий ВС РСФСР: ««Обладая Царицыном /.../красные обеспечивали свое господство на Нижней Волге и благодаря этому связь с Астраханью и Северо-Кавказским театром». [12, С. 193]. Здесь опять же подчёркивается значение Царицына как связующего звена центральной России с Северным Кавказом и Астраханью.

То же самое позже писал и советский главнокомандующий Вацетис: «Если этот город (Царицын) перейдет в руки противника, то этим будет дана возможность ему прервать красные сообщения с Астраханью по Волге и по железной дороге Урбах — Астрахань» [12, С. 199].

Значительно меньше сведений о значении Царицына в Гражданской войне содержится в работе генерала А.И. Деникина «Очерки русской смуты». Этот факт вполне объясним,

если учесть, что согласно воспоминаниям П.Н. Врангеля Деникин не придавал Царицынскому направлению первостепенного значения. Тем не менее, А.И. Деникин, в своём письме генералу А.С. Лукомскому, находившемуся при Всевеликом войске донском, писал, что после завершения дел на Кубани, Добровольческая армия будет переброшена к Царицыну [10, С. 251]. Это говорит о том, что Царицын приобретал в глазах Деникина как минимум политическое значение во взаимоотношениях с Всевеликим войском донским.

Важная деталь состоит и в том, что сам Сталин уже в 1918 году высоко оценивал значение обороны Царицына. В разговоре по прямому проводу с Васильевым, командиром одного из обороняющих подступы к Царицыну отрядов, он указывал: «либо Вы спасете Царицын, и тогда спасем весь Южный фронт, либо Вы останетесь глухи к требованиям момента, и тогда неизбежно погибнет весь фронт» [5, С. 93]. Сталин фактически называет здесь Царицын центральным звеном всего южного фронта. Эти сведения имеют особую ценность, так как они были высказаны не публично, в расчёте на достижение политических целей, а в непосредственных переговорах, а значит имели цели чисто военно-оперативные.

Мысли подобного рода И.В.Сталин высказал и в интервью газете «Правда» в том же 1918 г. Сначала он упоминает о важности Южного фронта в целом: «Уже одно стратегическое положение между донской контрреволюцией и астраханско-уральско-чехословацкими бандами говорит о важности Южного фронта» [19]. Далее он подчёркивает центральное значение Царицына на Южном фронте: «Пунктом наибольшего обстрела со стороны противника является Царицын» [19]. Сталин упоминает о значимости Царицына и в переговорах с виднейшими партийными деятелями. К примеру, в телеграмме Л.Д. Троцкому от 11 июля 1918 г., копия которой предназначалась В.И. Ленину, И.В. Сталин пишет: «Царицын превращается в базу снаряжения, вооружения, военных действий и пр.» [23].

Таким образом, многие военачальники с обеих противоборствующих сторон Гражданской войны отмечали стратегическую важность Царицына. Исключение из представленного списка представляют генерал А.И. Деникин, который, как отмечалось, придавал значительно большее значение наступлению на Кубань, и Л.Д. Троцкий, который, как представляется, намеренно стремился приуменьшить значение Царицына, полемизируя в этом вопросе с советской историографией 1930-х гг.

Заключение

Таким образом, можно заключить, что в 1918 г. Царицын имел важное экономическое и военно-стратегическое значение. Один из ключевых аспектов его значения – тот факт, что он являлся железнодорожным узлом, соединявшим Предкавказье с Поволжьем, а Поволжье – с Центральной Россией. Через Царицын шёл транзит нефти, рыбы, соли, каменного угля, хлопка и др. [28, С. 246-249]. Кроме того, через Царицын, что принципиально важно для исследуемой проблемы, шли обильные поступления хлеба и прочих продовольственных грузов [5, С. 93]. Статистические данные сбора хлебных культур в последние годы Российской империи позволяют говорить о наличии реальных оснований для ожидания крупных поступлений продовольствия с юга России и нижнего Поволжья в 1918 г. А о том, что такие ожидания у советской власти действительно были, можно судить, учитывая данные о распределении товаров для последующего продобмена по регионам РСФСР. Из всего этого можно сделать вывод, что в условиях конца весны 1918 г., когда принималось решение о командировке в Царицын И.В.

Стилина, город этот обладал весомым экономическим значением, что придаёт значимости и самой этой командировке.

Это значение за Царицыным сохранялось и в течение последующих летних месяцев. Хотя пик его значения как транзитного центра продовольственных грузов приходится на июнь, а после поступление продовольствия резко сокращается (на 82,8 %) [24, С.64] т.к. было прервано железнодорожное сообщение с Северным Кавказом, тем не менее из Царицына продолжают следовать грузы в первую очередь со скотом, рыбой и солью. Если же учитывать суммарные продовольственные поставки из Царицына за лето 1918 г., то вес их среди заготовок по РСФСР в целом за этот период будет весьма высок.

Царицын представлял собой и промышленную ценность. Хотя производительность царицынских заводов снизилась за время Первой мировой войны [2, С. 231-232], а Царицынский орудийный завод так и не успел заработать в полную силу до начала Гражданской войны [2, С. 231], Царицын всё же представлял собой промышленный центр региона, и, как следствие, содержал в себе значительную долю пролетариата, являвшегося одной из опор большевиков. "В Царицыне на 200 тысяч жителей приходилось 35 тысяч рабочих, из них около 7 тысяч металлистов", как отмечается во втором томе "Истории Гражданской войны в СССР" [13, С.85]. Этот фактор не мог не играть своей роли: к октябрю 1917 г. в Царицыне насчитывалось около 1000 членов партии большевиков [13, С. 52] - это позволяло городу стать одним из центров влияния большевиков в обширном и важном регионе. Кроме того, царицынские фабрики и заводы способствовали обеспечению базировавшейся в нём армии частью необходимых материалов военного значения [5, С. 113]. Наконец, Царицын имел и военно-стратегическое значение. Именно этот город становится "центром военного управления Северо-Кавказского фронта: 27 мая сюда переезжает штаб Северо-Кавказского военного округа во главе с генералом А. Е. Снесаревым" [21, С. 101]. Это военно-стратегическое значение Царицына признавали командующие, как белых, так и красных армий. Особенno важно подчеркнуть, что значение это признавалось участниками событий уже тогда, в контексте боевых действий 1918 г., а не являлось исключительно сфабрикованным советской историографией 1930-40-ых гг. Из всего вышеперечисленного можно сделать вывод, что контроль над Царицыным был важным условием победы одной из сторон в Гражданской войне, как в экономическом, так и в военно-стратегическом аспектах.

Библиография

1. Анишев А.И. Очерки истории Гражданской войны. Л.:Государственное издательство, 1925
2. Болотов Н.А. Назаров С.Д.Шашкова Н.В. Болдырев Н.Ю. Экономика Царицына в годы Первой мировой войны // НАРОД И НАРОДЫ ПОВОЛЖЬЯ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ. сборник материалов Всероссийской научной конференции с международным участием, приуроченной 100-летию начала войны. Институт истории имени Шигабутдина Марджани Академии наук Республики Татарстан.Под общей редакцией Л.Р.Габдрахиковой, 2014. С.220-235
3. Большевистское руководство. Переписка. 1912-1927: Сборник документов. М.: РОССПЭН, 1996
4. Верховской В.М. Исторический очерк развития железных дорог в России с их основания по 1897 г. включительно. Вып. 1. СПб. : Тип. М-ва Путей Сообщения.
5. Возвышение Сталина. Оборона Царицына / Ред.-сост. В.Л. Гончаров. М.: Вече,

2010.

6. Воззвание//Правда. №108. 1918
7. Врангель П.Н. Записки. [Электронный ресурс]. Режим доступа:
<http://militera.lib.ru/memo/russian/vrangel1/03.html>. (дата обращения 10.02.2021)
8. История Гражданской войны в СССР.М.: Политиздат, 1943
9. Генкина Э.Б. Борьба за Царицын в 1918 г. М.:Политиздат, 1940
10. Деникин А.И. Очерки русской смуты. Париж ; Берлин.: Слово
11. Дубинин Д.В. Военно-политическая деятельность И.В. Сталина в годы Гражданской войны: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: МГОУ, 2010
12. Зайцов А.А. 1918 год: очерки истории русской гражданской войны. б. м., 1934
13. История Дагестана: в 4-х томах. Тт. I-IV / Глав. ред. Г.Д. Даниялов. М.: Главная редакция восточной литературы, 1967-1969
14. Какурин Н.Е. Как сражалась революция. М.: Государственное издательство, 1925
15. Кондрашин В.В. Крестьянство России в Гражданской войне: к вопросу об истоках сталинизма. М.: РОССПЭН, 2009
16. Краснов П.Н. Всевеликое войско донское. М.: Алгоритм, 2007
17. Меликов В.А. Героическая оборона Царицына. М.: Воениздат, 1938
18. Орлов Н.А. Продовольственная работа Советской власти. М., 1918
19. Правда. № 235. 1918
20. Пименов А.Ю. И.В. Сталин на фронтах Гражданской войны. Царицынский период (лето - осень 1918 г.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1994
21. Ратьковский И.С. Сталин: пять лет Гражданской войны и государственного строительства (1917–1922). СПб.: Питер, 2023.
22. Рутыч Н. Н. Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных Сил Юга России: Материалы к истории Белого движения. М., АСТ .Астрель. Российский Архив, 2002
23. РГАСПИ ф.558. Оп.1. Д.1812. Л.2
24. Софинов П.Г. Роль Южных районов в снабжении республики продовольствием // Исторические записки. М.: Издательство академии наук СССР, 1949. №28. С.39-68
25. Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. М-во земледелия. Отд. сельской экономии и с.-х. статистики. – Петроград: [Тип. Ис. Ф. Вайсберга], 1907-1917
26. Троцкий Л.Д. Сталин. Benson: Chalidze Publications, 1985
27. Хлевнюк О.В. Сталин. Жизнь одного вождя. М.: ACT:CORPUS, 2015
28. Шлевкова Т.В. Грязе-Царицынская железная дорога и ее влияние на экономическое развитие Царицына во второй половине XIX века // Экономический журнал. М.: Издательство Ипполитова, 2003. № 6. С. 246-252

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

на статью

Значение обороны Царицына в 1918 году. Экономический и военно-стратегический и аспекты

Название соответствует содержанию материалов статьи.

В названии статьи условно просматривается научная проблема, на решение которой направлено исследование автора.

Рецензируемая статья представляет относительный научный интерес. Автор не разъяснил выбор темы исследования и не обосновал её актуальность.

В статье не сформулирована цель исследования, не указаны объект и предмет исследования, методы, использованные автором. На взгляд рецензента, основные элементы «программы» исследования автором не вполне продуманы, что отразилось на его результатах.

Автор не представил результатов анализа историографии проблемы и не сформулировал новизну предпринятого исследования, что является существенным недостатком статьи.

При изложении материала автор избирательно продемонстрировал результаты анализа историографии проблемы в виде ссылок на актуальные труды по теме исследования.

Апелляция к оппонентам в статье отсутствует.

Автор не разъяснил выбор и не охарактеризовал круг источников, привлеченных им для раскрытия темы.

Автор не разъяснил и не обосновал выбор хронологических рамок исследования.

На взгляд рецензента, автор стремился грамотно использовать источники, выдержать научный стиль изложения, грамотно использовать методы научного познания, соблюсти принципы логичности, систематичности и последовательности изложения материала.

Во введении статьи автор ограничился замечаниями о том, что «оборона Царицына стала важной страницей в истории Гражданской войны в России», и что «уже больше ста лет она привлекает к себе внимание историков» и т.д.

В основной части статьи автор продублировал название всей статьи: «Значение обороны Царицына в 1918 году. Экономический и военно-стратегический аспекты», и пояснил читателю, почему «Царицын представлял для воюющих сторон экономическую ценность». Автор обстоятельно раскрыл мысль о том, что Царицын «был важен с точки зрения снабжения населения России продовольствием» т.д. Затем автор указал на то, что город был «важным транзитным пунктом», заметив, что строительство железных дорог «подтолкнуло его промышленное развитие». При этом автор отвлекся на описание истории железнодорожного строительства в регионе, начиная с 1858 г. Автор сообщил, что «именно из Царицына было наиболее удобно осуществлять контроль над сбором продовольствия в соответствующем регионе», однако не пояснил: в каком именно состоянии в 1918 году находилась сеть местных железных дорог.

Далее автор заявил, что «об экономическом значении Юга России в расчётах советской власти... можно судить и по косвенным данным: к примеру, по промышленным товарам, направленным в регионы РСФСР для обмена на продовольствие» т.д. Почему данный регион Поволжья назван в статье Югом России, осталось неясно.

В следующем сюжете автор сосредоточился на раскрытии вопроса о «военно-стратегическом значении Царицына в годы Гражданской войны». Следует при этом заметить, что в статье автор ограничился только 1918 годом. Автор привёл мнение ряда антибольшевистских лидеров о важности Царицына для развертывания военных действий. Затем автор указал на схожее мнение руководителей Красной Армии – Клюева, Вацетиса, Сталина. Автор резюмировал, что «многие военачальники с обеих противоборствующих сторон Гражданской войны отмечали стратегическую важность Царицына», и что «исключение из представленного списка представляют генерал А.И. Деникин, который, как отмечалось, придавал значительно большее значение наступлению на Кубань, и Л.Д. Троцкий, который, как представляется, намеренно стремился приуменьшить значение Царицына, полемизируя в этом вопросе с советской

историографией 1930-х гг.».

Выводы автора носят обобщающий характер, сформулированы ясно.

Выводы не позволяют оценить научные достижения автора в рамках проведенного им исследования.

В заключительных абзацах статьи автор сообщил, что «в 1918 г. Царицын был важным экономическим центром» т.д., что «Царицын представлял собой и промышленную ценность» т.д., и что «Царицын имел и военно-стратегическое значение, которое признавали командующие, как белых, так и красных армий». Автор резюмировал, что «контроль над Царицыным был важным условием победы одной из сторон в Гражданской войне».

О значении иных городов для достижения схожих целей противоборствующих сторон автор не упоминает.

На взгляд рецензента, потенциальная цель исследования автором достигнута отчасти.

Публикация в данном виде не может вызвать интерес у аудитории журнала. Статья требует существенной доработки, прежде всего, в части формулирования ключевых элементов программы исследования и соответствующих им выводов.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Значение обороны Царицына в 1918 году. Экономический и военно-стратегический и аспекты // Genesis: исторические исследования.

История гражданской войны начала XX в. в России более века привлекает внимание авторов и читателей. В рецензируемой статье правильно отмечено, что немалую долю в этом интересе имело активное участие в военных действиях будущего главы государства И.В. Сталина. В отечественной литературе военные события под Царицыном освещены довольно подробно и обстоятельно, но автор поставил задачу «приблизиться к решению ряда важных вопросов», в том числе о причинах командирования Сталина в этот город и о его личной роли на данном этапе Гражданской войны. Правильно обозначены предмет исследования и актуальность. Научная новизна заключается в уточнении значения Царицына в 1918 г., что «приближает исследователей к пониманию роли Сталина в Гражданской войне». Автор стремится уточнить значение города в ходе Гражданской войны в 1918 г., рассмотрев это в экономических и военно-стратегических направлениях. Для этого выдвинуты следующие вопросы: обладал ли Царицын стратегическим и экономическим значением, когда принималось решение о командировке И.В. Сталина в этот город; сохранял ли Царицын это значение летом и осенью 1918 г.; учитывали ли современники это значение или оно было «сформировано советской историографией 1930-1940 гг.? Целевая установка в целом понятна, но далее автор высказывает надежду уточнить еще и причины командирования Сталина в Царицын, его личную роль в обороне города. Краткая характеристика использованных и привлеченных источников компенсируется широким привлечением опубликованных мемуаров видных политических деятелей, а также статистических справочников эпохи гражданской войны. Библиографический список достаточно полон, причем почти третью его часть составляют источники. Статья строго структурирована в соответствии с целевыми установками и содержит две основные части: о значении обороны Царицына в 1918 году в экономическом и в военно-стратегическом аспектах. Одним из обстоятельств возвышения роли Царицына автор справедливо считает строительство железных дорог, что превратило Царицын в крупный железнодорожный узел, соединяющий Поволжье,

северный Кавказ и Кубань с центральной Россией. Это в значительной степени стало условием развития в Царицыне оборонной промышленности. Далее следует обоснованный вывод, что город сыграл весьма значительную роль в снабжении РСФСР летом 1918 г. Другим обстоятельством для страны в целом являлась большая доля Царицына в сборе хлебов. Тем самым автор доказал, что с весны 1918 г. город обладал весомым экономическим значением. В статье сделан вывод, что контроль над городом был важным условием победы в Гражданской войне в экономическом и в военно-стратегическом планах. Структура статьи соответствует содержанию. Текст выдержан в научном стиле. Хронологические рамки статьи автор определяет так: июнь – октябрь 1918 г., когда вопросами обороны и снабжением промышленных районов продовольствием через этот город руководил И.В. Сталин. Но реально изложение завершается июльскими событиями, то есть летними месяцами. Оборона стала, по мнению автора, одним из важнейших этапов биографии Сталина, его становления как военного руководителя и его роли в отечественной истории в целом. Прямой апелляции к оппонентам в статье нет, но выводы, стиль изложения, а главное, актуальность, несомненно, вызовут интерес читательской аудитории. Статью рекомендую опубликовать.

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Савеню Е.Н., Трояк И.С., Минаков А.Г. — Письма воина-сибиряка – источник по истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг // Genesis: исторические исследования. – 2023. – № 10. DOI: 10.25136/2409-868X.2023.10.48503 EDN: QOLFNG URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=48503

Письма воина-сибиряка – источник по истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг

Савенко Елена Напьевна

ORCID: 0000-0001-9352-8522

кандидат исторических наук

ведущий научный сотрудник, Государственная публичная научно-техническая библиотека Сибирского отделения Российской академии наук

630102, Россия, Новосибирская область, г. Новосибирск, ул. Восход, 15, оф. 406

✉ helensavv@yandex.ru

Трояк Ирина Сергеевна

ORCID: 0000-0002-3325-4280

кандидат исторических наук

старший научный сотрудник, Государственная публичная научно-техническая библиотека Сибирского отделения Российской академии наук

630102, Россия, Новосибирская область, г. Новосибирск, ул. Восход, 15, оф. 405

✉ Troyak@spsl.nsc.ru

Минаков Александр Григорьевич

ORCID: 0000-0002-5271-5230

кандидат исторических наук

младший научный сотрудник, Государственная публичная научно-техническая библиотека Сибирского отделения Российской академии наук

630110, Россия, Новосибирская область, г. Новосибирск, ул. Восход, 15, оф. 406

✉ minakov@spsl.nsc.ru

[Статья из рубрики "Исторические источники и артефакты"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2023.10.48503

EDN:

QOLFNG

Дата направления статьи в редакцию:

09-10-2023

Аннотация: Предмет исследования являются письма 1941–1944 гг. участника Великой Отечественной войны, новосибирского историка Федора Сергеевича Меркульева. Объект исследования – фронтовые письма как исторический источник. Цель работы – определить научно-познавательную ценность писем Ф. С. Меркульева как источника по истории Великой Отечественной войны. В процессе исследования использовались сравнительно-исторический метод, метод причинно-следственного анализа между событиями, а также метод источниковедения. Информационная составляющая писем Ф. С. Меркульева определена с помощью метода текстологического анализа, а выявить особенности писем в зависимости от времени их написания позволил проблемно-хронологический метод. В результате анализа почти 300 фронтовых писем, ранее не вводившихся в научный оборот, получены ценные сведения, раскрывающие различные аспекты жизни на фронте и в тылу, а также позволяющие проследить боевой путь сформированной в Сибири 49-й кавалерийской дивизии, а также получить представление о специфике военно-полевых условий жизни и других деталях фронтовой повседневности. Сделаны выводы о значительной информационной ценности представленного эпистолярного источника для изучения отдельных аспектов истории Великой Отечественной войны, а также о необходимости дальнейшей работы по введению подобных эго-документов в научный оборот.

Ключевые слова:

эго-документы, источники личного происхождения, эпистолярное наследие, Великая Отечественная война, фронтовые письма, семейная переписка, воины-сибиряки, повседневность военного времени, 49-я кавалерийская дивизия, Меркульев Федор Сергеевич

Статья подготовлена по плану НИР ГПНТБ СО РАН, проект № FWZE-2022-0013 "Эго-документы по истории Великой Отечественной войны и других военных конфликтов XX века из архивохранилищ востока России: проблемы выявления, атрибуции и публикации"

Введение

Письма являются одним из самых распространенных видов эго-документов, изучаемых не только историками, но и другими специалистами социально-гуманитарных наук – культурологами, лингвистами, литературоведами, психологами. При этом наиболее пристальное внимание исследователи обращают на свидетельства эпистолярного жанра, написанные в особо сложные моменты жизни общества. Ценность подобных документов очевидна для современников уже в момент создания, однако с течением времени их информационный потенциал не утрачивает своей актуальности. В этом смысле письма периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. относятся именно к тем уникальным документам, благодаря выявлению и введению в научный оборот которых открываются новые грани ее истории.

Письма участников боевых действий регулярно публиковались в годы Великой Отечественной войны в центральной и местной прессе, выпускались отдельными

сборниками [25, 26, 27, 28]. Целью таких публикаций было поднять боевой дух и снизить уровень напряженности в обществе, поэтому для печати отбирались письма, в которых содержались призывы к мобилизации всех сил, демонстрировалась готовность к самопожертвованию во имя освобождения Родины и уверенность в победе. Парадигма изучения эпистолярного наследия времен Великой Отечественной войны в первую очередь как источника, подтверждающего героизм советских воинов, единство фронта и тыла, сохранялась в течение всего советского периода. Особенно активно публиковалось эпистолярное наследие Великой отечественной войны в юбилейные даты со дня Победы [5, 10, 11, 24, 29, 35, 36].

Изменение вектора общественного развития в 1990-е гг. расширило диапазон исследований «человека на войне». Предметом изучения стали антропологические [18, 38], моральные [13, 15, 22], психологические [14, 21, 32, 33] аспекты военного прошлого. В 2010-е гг. в обиходе российских историков стало использоваться понятие «эго-документ», акцентирующее внимание на присутствии в текстах личного Я [12, с. 194–195; 39, с. 15]. Как отмечают исследователи, такое смещение оптики от вписывания своей биографии в общие исторические нарративы к индивидуальным переживаниям характерно именно для эго-документов, посвящённых военным событиям. В данном случае «речь идет об антагонизме между двумя установками – государственно-патриотической ("Умри ж за родину, герой!") и общечеловеческой ("Ни в коем случае не умереть – выжить!"). В возможности увидеть историю глазами "простого" человека проявляется гуманистический потенциал эго-документов» [16, с. 9]. Новые подходы к осмыслинию истории Великой Отечественной войны углубили информационный потенциал фронтовых эпистолярных комплексов и позволили использовать эту группу эго-документов при анализе военной повседневности в целом [1, 17, 19, 34, 41] и отдельных ее аспектов: фронтового и тылового быта [4, 20], семейных отношений в период войны [2, 37].

В данном контексте одним из таких уникальных по своей информативности источников являются письма воина-сибиряка Ф. С. Меркульева (1901–1945), обнаруженные в Государственном архиве Новосибирской области [7, 8, 9]. Эпистолярный комплекс состоит почти из 300 писем, написанных им в 1941–1943 гг. матери и жене. Ранее эти документы не вводились в научный оборот. В процессе анализа, научного описания и оценки информационного и общественного значения источника были получены ценные сведения, раскрывающие различные аспекты жизни на фронте и в тылу, а также позволяющие проследить боевой путь сформированной в Сибири 49-й кавалерийской дивизии.

Письма Ф. С. Меркульева – летопись военных событий

Федор Сергеевич Меркульев до войны работал в Новосибирском педагогическом институте – читал курс древней истории и истории средних веков, был деканом исторического факультета. 18 июля 1941 г он был призван в Красную армию. Письма родным Ф. С. Меркульев писал регулярно с первого дня отъезда из Новосибирска. Наряду с личной эмоциональной информацией они содержат ценные сведения, проливающие свет на ряд событий военного времени.

Содержащиеся в посланиях Ф. С. Меркульева данные позволяют восстановить детали истории 49-й кавалерийской дивизии, в которой он служил. Из писем видно, что формирование этого воинского соединения происходило в июле – начале сентября 1941

г. Штаб дивизии находился в г. Омске, а основной ее состав базировался в военном лагере в 18 км от города в посёлке Черёмушки [7, л. 36 об]. Корреспонденция лета 1941 г. дает представление о комплексе морально-психологической и военной подготовки личного состава дивизии перед отправкой на фронт. В него входили и регулярные лекции о сущности текущих событий («Великая Отечественная война советского народа», «Фашизм – враг человечества»), и демонстрация патриотических фильмов («Минин и Пожарский»), и мероприятия боевой учёбы [7, л. 12, 29]. Изучение эпистолярного наследия Ф. С. Меркульева позволяет детально проследить путь соединения на фронт. 15 сентября 1941 г. дивизию по железной дороге «неожиданно» отправили в западном направлении «куда неизвестно» [7, л. 52–53]. В письме, написанном двумя днями позднее, уточняется назначения соединения – г. Кинешма. В этот стариный волжский город дивизия прибыла 24 сентября 1941 г., оставив позади Курган, Сарапул, Казань, Муром, Иваново [7, л. 55, 57, 59, 61, 63–64]. В Кинешме дивизия находилась до 3 октября 1941. За это время она была доукомплектована людьми и вооружением, а личный состав прошел дополнительную военную подготовку.

Отражен в письмах Ф. С. Меркульева и боевой путь 49-й кавалерийской дивизии. Из корреспонденции видно, что соединение прибыло на фронт 6 октября 1941 г. Ареной его боевых действий стал Донбасс. По названиям населенных пунктов, упоминаемых в письмах, прослеживается передвижение дивизии по восточной Украине: Красный Лиман, Славянск, Сватово [7, л. 83 об., 85, 93]. Кроме того, тексты посланий дают представление о характере военных операций. Судя по ним, осенью 1941 г. подразделения 49-й кавалерийской дивизии вели упорные оборонительные бои. К концу года ситуацию удалось переломить, о чем свидетельствуют строки письма от 20 декабря 1941 г.: «Дела военные у нас идут неплохо. Немцы <...> отступают, мы двигаемся вперед за ними» [7, л. 101 об.].

Анализ корреспонденции позволяет предположить, что с января по март 1942 г. дивизия участвовала в Борвенково-Лозовской наступательной операции. «Немцы систематически выбиваются нашими войсками из одного за другим населенных пунктов и мы двигаемся на Запад, вперед», – сообщает Ф. С. Меркульев родным 22 января 1942 г. [8, л. 16]. «Немцы, упорно цепляясь за каждый населенный пункт, выбиваются нами и откатываются на запад. Мы идем вперед», – пишет он 17 февраля 1942 г. [8, л. 23]. Сообщения об успехах на фронте поступали до середины мая 1942 г. (напомним, что 12 мая 1942 г. началось наступление советских войск, известное как Харьковская операция; участие в ней принимала в том числе и 49-я кавалерийская дивизия). «Фрицев гоним как можно быстрее на запад», – делится радостью с родными Ф. С. Меркульев в письме от 15 мая 1942 г. [8, л. 90].

После этого переписка оборвалась. В Центральном архиве Министерства обороны имеется сообщение о безвозвратных потерях 49-й кавалерийской дивизии, в котором указано, что помощник начальника 1-го отдела штаба, старший лейтенант Федор Сергеевич Меркульев «22.27.5-42 попал в окружение противника вместе с частью на Харьковском направлении, из окружения не выходил, часть расформирована, сведений на него никаких не поступало» [40].

Почти 8 месяцев о судьбе Ф. С. Меркульев ничего не было известно. Он числился пропавшим без вести и был исключен из списков Красной Армии. Но в феврале 1943 г. его семья вновь начала регулярно получать весточки. Эти послания содержат ценную

информацию о событиях, которые в мемуарах называются «Изюм-Барвенковской мясорубкой» [6, с. 28–40], а в исторических исследованиях – «кровавой харьковской катастрофой» [3, 23].

В одном из писем Ф. С. Меркульева изложены обстоятельства последнего боя частей 49-й кавалерийской дивизии. «26 мая моя служба была разбита в сильных боях. Я был контужен авиабомбой, засыпан землей и щебнем. <...> Очнулся – бой кипел во всю. Немцы перерезали нам в Изюм-Барвенково путь отхода полностью и многих окружило, в том числе и нас. Стремления прорваться к своим ни к чему не привели. Все средства борьбы иссякли и с наступлением ночи мы группами и по одиночке решили уходить к своим через кольцо...», – писал Ф. С. Меркульев [9, л. 31].

Интересна информация о судьбе автора писем после трагического поражения Красной Армии под Харьковом. Из них известно, что Ф. С. Меркульев, как и десятки тысяч пытающихся вырваться из адского котла советских воинов, попал в плен. Некоторое время он вместе с группой оставшихся в живых сослуживцев находился в лагере военнопленных в Барвенково. Условия содержания в нем, судя по письмам, были чудовищны, и Федор Сергеевич твердо решил бежать. Осуществить задуманное ему удалось во время конвоирования военнопленных на железнодорожную станцию Лозовая для отправки в Германию. С этого момента началось долгое возвращение Ф. С. Меркульева к своим. Пытаясь догнать стремительно отступающие войска Красной Армии, воин-сибиряк прошел более 1000 км. Этот трудный и опасный путь по оккупированной территории отражен в его письмах. Из-за перенесенной контузии и пребывания в пленау скорость продвижения Ф. С. Меркульева была небольшой. Перебраться через фронт ему удалось лишь в январе 1943 г. во время наступления Красной Армии на Воронеж.

Весь 1943 г. он в основном провел в госпиталях, изредка попадая в запасные воинские части. Проследить передвижение Федора Сергеевича позволяют указанные на конвертах номера полевых почт и воинских частей. Адрес отправления первой, поступившей после длительного перерыва открытки – ППС 1855 в/ч 209. Согласно «Справочника полевых почтовых станций РККА в 1941–1945 годах» (<https://www.soldat.ru/pps.htm>) это номер войсковой части Управления войск НКВД охраны тыла штаба Воронежского фронта. Указанный адрес фигурирует на почтовых отправлениях до конца апреля 1943 г. Примечательно, что в текстах писем более позднего времени Ф. С. Меркульев сообщал семье, что находился «в госпиталях с начала 1943 года» [9, л. 77]. Упоминал он и местонахождение этих госпиталей: с. Калач, пос. Грибановка, г. Борисоглебск Воронежской области [9, л. 32 об]. Можно предположить, что после выхода в расположение Красной Армии офицер проходил спец проверку органов контрразведки, но из-за крайне изможденного состояния, свидетельством которого являются строки «до 17 апреля я почти 2 месяца ничего есть не мог», он находился в медицинских учреждениях Наркомата обороны [9, л. 8].

В мае 1943 г. обратный адрес корреспонденции изменился на «Саратов, госпиталь 1680, второй корпус». Значительная часть семейной переписки этого времени посвящена восстановлению утраченных воинских документов. С июня 1943 г. адресом отправителя стал ППС 26110, что расшифровывается как 66 запасной стрелковый полк 9 запасной стрелковой бригады. Местом дислокации этого воинского соединения был г. Пугачев. В одном из писем этого времени Ф. С. Меркульев сообщает родным, что «получил из Наркомата Обороны подтверждение военного звания – старший лейтенант» и приказ «выехать в город Ковров Ивановской области в распоряжение кавалерийской части» [9,

[л. 211](#). В августе корреспонденция стала поступать уже из лагеря резервистов под Ковровом. Однако надорванный организм офицера не вынес полевых условий и вскоре Ф. С. Меркульев попал в эвакогоспиталь № 2991 г. Коврова (в/ч 010). Оттуда он был направлен на лечение в эвакогоспиталь г. Кисловодска, адрес которого «в/ч 780 5-ое отделение». В этом лечебном учреждении Ф. С. Меркульев провел два месяца. После относительной стабилизации состояния здоровья в ноябре 1943 г. офицер был переведен в воинское соединение с почтовым адресом ППС 89519. Как выяснилось этой аббревиатурой был обозначен 26 отдельный полк резерва начсостава, который дислоцировался в г. Майкоп.

Проблемы со здоровьем и частые переезды не сломили дух воина-сибиряка. В одном из госпитальных писем он пишет: «Все это устроится и смогу получить возможность участвовать в боях» [\[9, л. 41\]](#), но эти надежды не оправдались. В декабре 1943 г. Ф. С. Меркульев был признан не годным к воинской службе и вскоре был уволен из Красной Армии по инвалидности. Вернувшись в Новосибирск Ф. С. Меркульев большую часть времени находился в лечебных учреждениях. Умер он 17 апреля 1945 г., не дожив до долгожданной победы всего три недели.

Повседневность военного времени в письмах воина-сибиряка

Письма Ф. С. Меркульева – многогранный исторический источник. В них зафиксирована не только уникальная информация о военных событиях, но и сведения о быте и повседневной жизни военнослужащих Красной Армии в годы Великой Отечественной войны. В корреспонденции воина-сибиряка встречаются описания обмундирования, продовольственного обеспечения и рациона питания, указывается размер денежного аттестата. «Позавчера выдали небольшой паек за деньги: масла ½ кг, 2 банки мясных консервов, ½ кг конфет и 3 пачки папирос. <...> Обещали еще дать сахар», – пишет он 2 сентября 1941 г. из военного лагеря под Омском [\[7, л. 26 об.1\]](#).

Оптимистичны сообщения Ф. С. Меркульева об обеспечении на фронте. Однако анализ корреспонденции показывает, что ситуация со снабжением различными видами довольствия была неоднозначна. Если о питании во время пребывания на фронте сибиряк всегда отзывался положительно, то к экипировке у него некоторое время были претензии. «Я бы хотел иметь шапку с ушами – любую – у нас тут, кто во что горазд, в то и одевается. Хорошо бы иметь кожаные рукавицы – любые и полушибок безрукавку под шинель или с рукавами – обычновенный легкий», – писал он 8 ноября 1941 г. На недостаток зимнего обмундирования сетовал Ф. С. Меркульев и дальнейшем: «Единственно, что не хватает – теплой одежды – шапки, рукавиц и на ноги – носки хотя бы теплые» (14 ноября 1941 г.) [\[7, л. 93, 95 об.1\]](#). В 1942 г., судя по письмам, положение изменилось: «...я имею теперь все теплое – нисколько не мерзну» (7 января). Показательно, что запись была сделана тогда, когда погодные условия на этом участке фронта были суровыми. Ф. С. Меркульев писал 18 января 1942 г.: «У нас тут большие морозы, хотя меньше сибирских. Сегодня 30-35°» [\[8, л. 15\]](#). Упоминания о сильных морозах в это время встречаются и в воспоминаниях генерала Д. И. Рябышева – командующего 57-й армией, участвовавшей в январе 1942 г. в Барвенково-Лозовской наступательной операции [\[31, с. 147, 149\]](#).

Улучшение вещевого обеспечения отмечалось и в более поздних письмах: «С одеждой тоже благополучно теперь, обмундирование хорошее: теплая тужурка, шерстяная фуфайка, теплые – немецкие чулки, немецкое белье, в том числе и шелковое, шинель, валенки, сапоги, теплая шапка – все это у меня есть» (3 марта 1942)» [\[8, л. 39\]](#). Вызывает

интерес, что немецкое обмундирование по мнению фронтовика, уступало отечественному и не подходило для российских погодных условий. В одном из писем воин-сибиряк пишет: «белье у меня было фрицевское. Но оно хуже нашего, и я его заменил обычным военным, но зато нашим» [\[8, л. 49\]](#).

Интересны подробности повседневной службы штабного офицера кавалерийской дивизии. Из писем выясняется, что режим его работы был весьма напряженным. Ф. С. Меркульев так описывает жене свой распорядок: «Работаю я <...> много. Иногда, и это чаще всего, и днем и ночью, часто не раздеваясь и в шинели целыми неделями» [\[8, л. 38 об.1\]](#). Примечательно, что его работа не ограничивалась допросом пленных, переводом и реферированием трофейных документов. В функции Ф. С. Меркульева входило и участие в получении информации о состоянии на фронте, что подтверждается текстами писем: «... я езжу с одного места на другое беспрерывно, чаще ночью чем днем. С конем слился в одно целое» [\[6, л. 90\]](#).

Отражена в корреспонденции помощь тыла фронту. Офицер с благодарностью писал о продуктовых посылках, поступавших из разных уголков страны. В марте 1942 г., например, Ф. С. Меркульев сообщал родным: «...получил подарок, говорят всем нам переслали с Кавказа: мешочек с продуктами: курицей, немного колбасы, 1 кг пряников, 3 куска мыла, немножко конфет соевых и еще что-то – да, табак и пачку папирос. На том спасибо, не забывает кто-то и думает о нас» [\[8, л. 38 об.1\]](#).

Зафиксированы в письмах воина-сибиряка и ценные сведения о повседневной жизни в тылу. В некоторых посланиях приведены меню и цены блюд в тыловых столовых. Накануне отправки на фронт, например, Ф. С. Меркульев пишет из Кинешмы: «Борщ с мясом стоит 2-50, 2-70; второе – каша пшенная на масле скоромном – 90 коп.; котлеты с рисом 2 р.; гуляш – 4 рубля и т. д.» [\[7, л. 73\]](#).

Упоминаются в корреспонденции цены продуктов на рынках различных тыловых городов. Ценно, что в письмах приведены данные за разные годы войны. Анализ информации свидетельствует, что даже в глубоком тылу из-за значительного возрастания стоимости продуктов продовольственная ситуация в военный период ухудшалась. Если в июле 1941 г. на омском базаре масло стоило 45–50 руб., а «мясо – 18 и выше» [\[7, л. 12\]](#), то в ноябре 1944 г. на базаре Бердска цена этих продуктов была следующей: «...мясо – 100 р., яйца – 100 р., масло ½ кг – 120 р.» [\[9, л. 82\]](#).

С резким ухудшением экономических условий жизни в период Великой Отечественной у значительной части населения возникла проблема выживания. Для многих горожан выходом из положения стало индивидуальное огородничество, в частности посадка картофеля. Упоминания об этой форме улучшения материального состояния семьи присутствуют в письмах Ф. С. Меркульева.

Переписка офицера с семьей дает представление и о такой житейской проблеме военного времени как «уплотнение» – принудительное подселение эвакуированных в квартиры сибиряков. Судя по письмам взаимоотношения между коренными жителями и приезжими складывались не просто. Так, 22 июля 1941 г. Ф. С. Меркульев пишет жене: «Переживи, как-нибудь, квартирную неурядицу... Если есть еще возможность – купи плитку» [\[7, л. 71\]](#). 2 августа того же года он пишет уже более откровенно: «Относительно квартиры. Моя норма жилплощади сохраняется полностью, так что вас живет не два человека, а три – я так сказать незримо, присутствую среди вас. Здесь в Омске довели

жилплощадь до 4 кв. на душу. Но вселять не разрешают, если комната непроходная, т. е. если она имеет большую, чем норма площадь. К вам никогда никого больше не вселят» [\[7, л. 20–20 об\]](#). Видимо, этим же вызваны и фразы из писем уже 1942 г. Так, 8 марта Меркульев пишет: «Ты мне напиши фамилию твоего соседа по квартире и фамилию управдома – тот ли еще или нет?» [\[8, л. 76\]](#), а 5 апреля 1942 г.: «Ты мне напиши фамилию и дела твоего соквартиранта» [\[8, л. 62\]](#).

Освещены в письмах госпитальный быт и досуг находящихся на излечении бойцов. «Развлекаюсь слушанием радио и чтением. <...> В госпитале есть кино», – пишет Ф. С. Меркульев из Кисловодска [\[9, л. 48\]](#). Корреспонденция дает представление о репертуаре демонстрировавшийся фильмов: «Маскарад», «Возвращение», «Я – черноморец», «Великий гражданин», «Александр Пархоменко» [\[9, л. 48, 81, 82 об.\]](#).

Заключение

Фронтовые письма Ф. С. Меркульева обладают огромным информационным потенциалом. Они проливают свет на неизвестные ранее эпизоды военной истории, позволяют воссоздать боевой путь сформированной в Сибири 49-й кавалерийской дивизии, раскрыть судьбы ее воинов. Корреспонденция дает представление о специфике военно-полевых условий жизни и других деталях фронтовой повседневности: об обеспечении продуктами питания, обмундировании, размере денежного довольствия, связях с тылом. Содержащиеся в письмах сведения и личные оценки событий существенно дополняют картину повседневной жизни в тылу. Можно уверенно констатировать, что эпистолярный комплекс воина-сибиряка является ценным источником изучения различных аспектов истории Великой Отечественной войны.

Библиография

1. Булыгина Т. А. Письма с фронта как источник истории повседневности в годы Великой Отечественной войны // Великая Отечественная война в документах и исследованиях. Ставрополь, 2005. С. 530–540.
2. Бутуева З. А, Цыренова М. Г. Письма с фронта как источники семейной и исторической памяти // Преподавание истории в школе. 2016. № 5. С. 31–34.
3. Быков К. В. Харьковский «котел» 1942. Крушение надежд. М.: Язуа; Эксмо, 2007. 480 с.
4. Варшавский Д. И. Мемуары, дневники и письма как исторический источник в вопросе изучения фронтового быта советских солдат в Великой Отечественной войне // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: «История и политические науки». 2012. №. 4. С. 18–22.
5. Великая Отечественная война в письмах. М.: Политиздат, 1980. 288 с.
6. Витман Б. Шпион, которому изменила Родина. Казань: ЭЛКО-С, Б. г. 329 с.
7. ГАНО. Ф. Р-1441. Оп. 1. Д. 24.
8. ГАНО. Ф. Р-1441. Оп. 1. Д. 25.
9. ГАНО. Ф. Р-1441. Оп. 1. Д. 26.
10. Говорят живые и мертвые : воспоминания, солдатские дневники и письма / составитель Г. В. Егоров. Барнаул: Алтайское книжное издательство, 1985. 655 с.
11. Говорят погибшие герои: предсмертные письма советских борцов против немецко-фашистских захватчиков, 1941–1945 гг. / составители: В. А. Кондратьев, З. Н. Политов. – 9-е изд., доп. М.: Политиздат, 1990. 460 с.

12. Зарецкий Ю. П. Эго-документы советского времени: термины, историография, методология // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. 2021. Т. 137. № 3. С. 184–199.
13. Зима В. Ф. Менталитет народов России в войне 1941–1945 годов. М., 2000. 277 с.
14. Иванов А. Ю. Эпистолярная память о войне: психология эго-нarrатива. Казань: ИД «МедДок», 2021. 172 с.
15. Козлов Н. Д., Бенда В. Н. Моральные составляющие духовного фактора в годы Великой Отечественной войны // Частное и общественное в повседневной жизни населения России: история и современность. материалы междунар. науч. конф.: в 2 т. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2018. Т. 1. С. 181–188.
16. Козлов С. В. Эго-документы в структуре исторической памяти // Библиосфера. 2022. № 4. С. 5–11. DOI: 10.20913/1815-3186-2022-4-5-11
17. Кринко Е. Ф., Тажидинова И. Г. Проверенные цензурой: письма военного времени как источник по истории советской повседневности // Юг России в Великой Отечественной войне: тропы памяти. Сборник научных статей. Краснодар: Изд. «Эдарт-принт», 2011. С. 131–153.
18. Кузнецов А. С. Фронтовые письма как источник для изучения антропологического содержания Великой Отечественной войны // Вестник Кемеровского университета. №. 4 (68) (История и археология, Психология, Филология). 2016. С. 63–68. DOI: 10.21603/2078-8975-2016-4-63-68
19. Маркова О. Письма с фронта как документ военной эпохи // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2016. № 12. С. 54–67.
20. Миниханов Ф. Г. Солдатские письма из фронта: окопная правда о войне // Известия КазУМОиМЯ имени Абылай Хана. Серия: Межд. отн. и рег. 2020. Т. 41. № 3. С. 64–73. DOI: 10.48371/ISMO.2020.41.3.008
21. Моисеева И. Ю. Социально-психологический портрет фронтовика Великой Отечественной войны: На материалах Коми АССР: автореферат дис. кандидата исторических наук. Сыктывкар, 2006. 23 с.
22. Момотова Н. В., Петров В. Н. Ценностный мир военнослужащих в письмах с фронтов Великой Отечественной войны // Социология. 2005. №2. С. 106–130.
23. Мощанский И. Б. Сражение под Харьковом: кровавая катастрофа. 12–28 мая 1942 года. М.: Вече, 2009. 143 с.
24. Письма огненных лет / составитель П. Я. Матвеев. Барнаул: Алтайское книжное издательство, 1975. 304 с.
25. Письма патриотов. М.: Правда, 1944. 112 с.
26. Письма с фронта / Упр. гос. архивами НКВД Казах. ССР. [Алма-Ата]: Казогиз, 1944. 188 с.
27. Письма с фронта : (Уроженцы Татарии – участники Великой Отечественной войны с фашистской Германией) / Сост. С. Кирсанов. Казань: Татгосиздат, 1943. 44 с.
28. Письма с фронта. Тамбов: Тамбовская правда, 1943. 218 с.
29. Письма славы и бессмертия. К 25-летию победы в Великой отечественной войне. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1970. 183 с.
30. Рафикова С. А. Фронтовые письма как источник по изучению живой истории войны (на примере семейного архива Постниковых-Лурье) // Сибирь и сибиряки в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Материалы Сибирского исторического форума. Красноярск: Резонанс, 2015. С. 230–235.
31. Рябышев Д. И. Первый год войны. М.: Воениздат, 1990. 255 с.

32. Сенявская Е. С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М.: РОССПЭН, 1999. 383 с.
33. Сенявская Е. С. Фронтовое поколение Великой Отечественной войны: социально-психологический феномен // Перспективы. Электронный журнал. 2015. №2 (2). С. 50–61. URL: https://istina.msu.ru/media/publications/article/5cb/42a/14757005/2_2015.29.06.pdf
34. Скипина И. В., Дубницкая Е. И. Переписка фронтовиков с тюменцами как источник по истории повседневности в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) // Научный диалог. 2020. №12. С. 308–321. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-12-308-321.
35. Солдатские письма. М. : Политиздат, 1965. 480 с.
36. Солдатский треугольник. Письма амурцев – бойцов фронта и тыла (1941–1945). Благовещенск: Хабар. Кн. Изд-во, 1975. 253 с.
37. Тажидинова И. Г. Проблема отцовства фронтовиков Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Исследование приватной культуры советского человека в военные годы по эпистолярным источникам // Вестник архивиста. 2012. № 4 (120). С. 71–83.
38. Тишков В. А. Великая Победа и советский народ: антропологический анализ // Вопросы философии. 2020. Т. № 8. С. 5–19. DOI: 10.21146/0042-8744-2020-8-5-19
39. Троицкий Ю. Л. Аналитика эго-документов: инструментальный ресурс историка // История в эго-документах: Исследования и источники. Екатеринбург: Изд-во «АсПур», 2014. С. 14–31.
40. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 11458. Д. 80. Л. 104.
41. Юнина Е. А. Военная повседневность 1941–1945 гг. в эпистолярных документах сибирских комбатантов. // Genesis: исторические исследования. 2019. № 11. С. 65–100. DOI: 10.25136/2409-868X.2019.11.30885

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Неумолимо приближается восемидесятилетний юбилей Победы в Великой Отечественной войне: дата определяющая не только для нашей страны, но и для всего мира. И действительно, разгром гитлеризма показал жизнестойкость гуманизма и демократии, в конечном итоге позволил спасти человечество от гибели. Несмотря на давность лет в нашем обществе существует устойчивый интерес к событиям Великой Отечественной, в том числе в рамках изучения экстремальной повседневности. Изучение психологии «человека на войне» позволяет лучше понять подвиг всего советского народа.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой является эпистолярного наследие времен Великой Отечественной войны. Автор ставит своими задачами определить роль писем Ф. С. Меркурева как источника о военной повседневности, а также показать боевой путь воина-сибиряка.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает историко-генетический метод, в основе которого по определению академика И.Д. Ковальченко находится «последовательное раскрытие свойств, функций и изменений изучаемой реальности в процессе ее исторического движения, что позволяет в наибольшей степени

приблизиться к воспроизведению реальной истории объекта», а его отличительными сторонами являются конкретность и описательность.

Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор стремится охарактеризовать письма воина-сибиряка, «раскрывающие различные аспекты жизни на фронте и в тылу, а также позволяющие проследить боевой путь сформированной в Сибири 49-й кавалерийской дивизии». Научная новизна определяется также привлечением архивных материалов.

Рассматривая библиографический список статьи как позитивный момент следует отметить его масштабность и разносторонность: всего список литературы включает в себя свыше 40 различных источников и исследований, что само по себе говорит о том объеме подготовительной работы, который проделал ее автор. Источниковая база статьи представлена прежде всего документами из фондов Государственного архива Новосибирской области и Центрального архива Министерства обороны РФ. Из привлекаемых автором исследований укажем на труды Т.А. Булыгиной, Д.И. Варшавского, А.Ю. Иванова, А.С. Кузнецова, в центре внимания которых различные аспекты изучения эпистолярного наследия Великой Отечественной войны. Заметим, что библиография обладает важностью, как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по ее теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как историей Великой Отечественной войны, в целом, так и «человеком на войне», в частности. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определённой логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что письма преподавателя Новосибирского педагогического института Ф.С. Меркурева помимо «личной эмоциональной информацией они содержат ценные сведения, проливающие свет на ряд событий военного времени». Автор рецензируемой статьи отмечает, что «в корреспонденции воина-сибиряка встречаются описания обмундирования, продовольственного обеспечения и рациона питания, указывается размер денежного аттестата», показан госпитальный быт и досуг находящихся на излечении бойцов. Примечательно, что не обходится в письмах и такой сложный бытовой вопрос как уплотнение в городских квартирах.

Главным выводом статьи является то, что «эпистолярный комплекс воина-сибиряка является ценным источником изучения различных аспектов истории Великой Отечественной войны».

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, насыщена богатым фактологическим материалом, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в курсах лекций по истории России, так и в различных спецкурсах.

В целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале «Genesis: исторические исследования».

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Малай В.В., Пажвак С.Б. — Проблемы начального этапа гражданской войны в Греции (1946-1949) на страницах британской печати // Genesis: исторические исследования. – 2023. – № 10. DOI: 10.25136/2409-868X.2023.10.43934 EDN: QPFOUR URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=43934

Проблемы начального этапа гражданской войны в Греции (1946-1949) на страницах британской печати

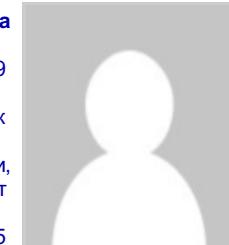
Малай Вера Владимировна

ORCID: 0000-0001-5699-4989

доктор исторических наук

профессор, кафедра международных отношений, зарубежного регионоведения и политологии,
Белгородский государственный национальный исследовательский университет

308023, Россия, г. Белгород, ул. Победы, 85

✉ malay_v@bsu.edu.ru

Пажвак София Бахрамовна

аспирант, кафедра всеобщей истории, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет

308015, Россия, г. Белгород, ул. Победы, 85

✉ pazhvak@bsu.edu.ru

[Статья из рубрики "Историософия, историография, источниковедение"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2023.10.43934

EDN:

QPFOUR

Дата направления статьи в редакцию:

31-08-2023

Аннотация: Предметом исследования является отражение проблем начального этапа (1945-1947 г.) гражданской войны в Греции 1946-1949 гг. в публикациях британских СМИ на примере центральных британских изданий: ежедневных Daily Herald (газета, поддерживавшая лейбористов), The Times и Daily Mirror (сторонник лейбористской партии Великобритании) и региональной – Yorkshire Observer (британское издание либеральных взглядов). Поставленные вопросы рассмотрены в проблемно-

хронологическом плане. Проанализирована тематика статей и проблем по Греции, поднимаемых данными изданиями, их отношение к событиям в этой стране и конфликтующим сторонам, глубина освещения тематики. Основными выводами впервые проведенного в отечественной науке исследования являются, что в британской прессе в лице выбранных изданий при освещении вопросов греческого внутриполитического конфликта не во всех случаях присутствовала объективность и беспристрастность. Иной раз констатирующая сторона преобладала над аналитической. В ряде случаев публикации игнорировали важнейшие для тогдашней Греции вопросы. Прослеживалось отражение международных аспектов греческой войны в контексте «холодной войны» («раскрутка» антикоммунистических, антисоветских мотивов). Материалы исследования могут быть использованы при дальнейшем изучении гражданской войны в Греции 1946-1949 гг., пропагандистского аспекта «холодной войны» и региональных конфликтов послевоенного времени.

Ключевые слова:

Война в Греции, Дейли Геральд, Дейли Мирроу, Таймс, Йоркшир обсервер, информационная война, холодная война, региональные конфликты, пропагандистская война, информационное пространство

Введение

Греция имеет чрезвычайно выгодное географическое положение, находясь на стыке Европы, Азии и Африки. Первым серьезным региональным конфликтом "холодной войны" стала гражданская война в этой стране в 1946-1949 гг. Она активно освещалась в тогдашнем информационном пространстве Великобритании.

Не только Великобритания уделяла повышенное внимание внутренним делам Афин. К концу 1946 г. Соединенные Штаты обозначили свой курс в отношении этой балканской страны [1]. Как известно, администрация США, в том числе в связи с ситуацией в Греции, провозгласила доктрину Трумэна (1947), ставшую одним из ключевых событий в формировании bipolarной системы международных отношений [2]. Соединенные Штаты превратили Грецию в западный форпост на Балканах, рассматривая ее как барьер, который должен был не допустить прорыва СССР к Средиземному морю [3].

В 1946-1949 гг. британские The Times, либеральная Yorkshire Observer, лейбористские газеты Daily Herald и Daily Mirror и региональные издания с разной частотой и глубиной освещали гражданскую войну в Греции. Так, корреспондентами Daily Herald в г. Афины были Ф.Г. Салусбери и Дадли Баркер. Последний раскрывал ход выборов в Греции 1946 г., а Ф.Г. Салусбери работал в Греции до 1949 г. [4]. А Daily Mirror в течение 1947 г. опубликовала всего три статьи, посвященных греческому конфликту.

Результаты и их обсуждение

Во время прелюдии греческой гражданской войны (сентябрь 1945 – лето 1946 г.), выражавшейся в диверсиях и террористической борьбе партизанских отрядов, чьи лидеры не согласились с известным соглашением Варкиза (февраль 1945 г.) между левыми силами и правительством о передаче последнему власти в стране, остававшаяся высоко престижной консервативная британская The Times относительно сдержанно оценивала ситуацию в Греции, подчеркивая, что «роялисты и республиканцы жестко

противостоят друг другу по всему, связанному с выборами», а политическое руководство будет всеми доступными средствами противодействовать любой попытке захвата власти силой, будь то слева или справа [\[5, 25th Oct. 1945\]](#). Эта тенденция в той или иной форме продолжалась до осени 1946 г.

Достаточно лаконично и с единичными оценками газетой описывался политический кризис в Греции и очередное формирование там правительства в начале ноября 1946 г., справедливо утверждалось, что этой перестановкой не «решится комплекс греческих политических проблем»: это был лишь «временный шаг» в «длительном периоде политической неопределенности» [\[5, 5th Nov. 1946\]](#).

После сообщения об общегреческой забастовке (7.11.1946) неделю в The Times отсутствовали сообщения из Греции, но по мере усложнения ситуации в стране и нарастания «активности мятежников», как издание долго называло партизан, информация о разрастании гражданской войны становилась регулярной и расширенной: так, 16 ноября было 3 колонки по этой тематике. В одной из них делалась попытка доктринального анализа британской внешней политики с оглядкой на греческие события: в условиях растущего деления Европы и мира на два блока британские интересы якобы не позволяли служить никакому лагерю: этот выбор может быть «катастрофичен для Британии» [\[5, 7th Nov, 1946; 16th Nov, 1946\]](#).

Комментируя усилия греческого правительства по созыву Совета Безопасности ООН в связи с ростом активности «мятежников», The Times, считала, что она «в ряде случаев была приписана иностранным интригам, направленным на то, чтобы вызвать внутренние потрясения», подчеркивая, что «такая возможность не исключается» [\[5, 18th Nov. 1946\]](#). В дальнейшем проблема интернационализации греческого внутреннего конфликта станет одной из постоянных в The Times.

Примечательно, что, рассказывая о визите в Лондон бывшего министра иностранных дел Греции И. Софианопулоса, газета дистанцировалась от оценок событий (как она нередко делала по международной тематике), только излагая факты. Греческий политик просил внешней помощи - не признавать правительство, которое его и его партию не устраивало [\[5, 19th Nov. 1946\]](#).

По мере эскалации греческого конфликта The Times в конце 1946 г. публиковала больше информации о ситуации на фронтах: она «требует самого серьезного рассмотрения», описывала боевые действия с приведением карт, повествовала о международном резонансе от данной гражданской войны. Типичные заголовки того времени: «Греческие деревни в огне», «Турецкие гарнизоны во Фракии», «Активизация действий партизан», «Бандитская активность в Лаконии» [\[5, 19th, 21st, 27th, 28th Nov. 1946\]](#). Примечательно, что «мятежники» стали называться партизанами, как это было уже признано вне Греции.

В начале января 1947 г. Ф.Г. Салусберери сообщал о том, что греческие повстанцы угрожали перерезать жизненно важную дорогу из Афин на север в точке между Левадией, всего в 100 милях от Афин, и Ламией. Дорога являлась единственной сухопутной артерией снабжения между афинскими военными складами и севером, если бы она была нарушена, пришлось бы принимать новые меры для доставки морем через порт Вобос [\[4, 2nd Jan. 1947\]](#). Согласно данным журналиста из надежных и беспристрастных источников, партизаны пробивались из приграничных районов в сердце Греции. Их цель состояла как в том, чтобы убедить комиссию ООН по расследованию в том, что гражданская война - исключительно внутреннее дело Греции, отсутствовала иностранная

поддержка сторон, так и в том, чтобы отвлечь греческие войска от горных массивов. Невозможно было оценить численность партизан, по данным Ф.Г. Салусбери, костяк тех, кто участвовал в боевых действиях на севере, можно оценить в 6 тыс. человек и еще в 3 тыс. человек - в остальной части страны. Партизаны были хорошо вооружены нарезным и автоматическим оружием всех видов, а также самым тяжелым вооружением. Их военная организация совершенствовалась. Daily Herald приводила в пример отличную военную оснащенность партизан и способность воздействовать на логистические маршруты, ход военных действий. Дискуссия вокруг возможного вмешательства во внутренние дела Греции могла развернуться в Совете Безопасности ООН [\[4, 2nd Jan. 1947\]](#).

Следующая публикация в том году по греческому вопросу вышла в Yorkshire Observer. В ней была описана деятельность британских парламентариев. Их делегация, состоявшая из представителей разных партий, после посещения Греции (август 1946) в январе 1947 г. опубликовала доклад с рекомендациями использовать возвращение короля для инициирования необходимой новой политики в стране и формирования там многопартийного правительства. Автор привел строки из доклада, согласно которым, греческий народ отличала доблесть, и он заслужил счастливое, процветающее будущее, претерпев множество страданий за последние годы. Греция, по мнению парламентариев, могла достичь этого с помощью мудрой внутренней политики. Хотя, на момент написания доклада они видели страну под угрозой разорения, прибегавшей к насилию и отказывавшейся от компромиссов и примирения. Также, британские парламентарии представляли будущее греческое правительство многопартийным, но без крайне левых. Одной из рекомендаций в докладе была отмена специального декрета о безопасности, в соответствии с которым по политическим мотивам были высланы некоторые лица на острова. Другим предложением стало следующее: сдающие свое оружие к определенной дате, должны быть освобождены от наказаний за незаконное хранение оружия. Авторы доклада настаивали на выводе британских войск из Греции в ближайшее время. Подчеркивалась срочная необходимость разработать план выхода из ситуации после прекращения помощи ООН в конце 1946 г. Описывалось финансовое и экономическое вмешательство Великобритании в греческие дела. Экономическая ситуация в Греции оценивалась следующим образом: "Большинство людей живут в крайне тяжелых условиях, розничные цены в 150 раз превышают довоенный показатель, самый высокооплачиваемый штатный чиновник государства, председатель Верховного суда, получает зарплату около 400 фунтов стерлингов в год, в Афинах и других городах существует обширный черный рынок". Существовала острая необходимость в расширении полномочий миссии для достижения успеха в Греции. Британская экономическая миссия успешно проделала важную работу, и Греция с помощью человеческих и денежных ресурсов могла бы в течение десяти лет стать страной со сбалансированным бюджетом и торговлей. Однако публикация данного документа не обошлась без критических оценок. Так, депутат Вайн заявил о недооценке факта тесного контакта греческих коммунистов и некоторых лидеров ЭАМ (Греческий национально-освободительный фронт) с зарубежными странами, которые организовывали "левых бандитов" и готовили масштабный революционный эксперимент [\[6, 6th Jan. 1947\]](#).

Детальным образом были рассмотрены проблемы Греции, британо-греческие отношения, сделан намек на острую необходимость вести Афинам мудрую политику. Британское парламентарии привели в докладе конкретные предложения по улучшению ситуации в стране, выступили за скорый вывод иностранных войск. Вопросы безопасности, экономики и реорганизации государственной службы нашли отражение в публикациях Yorkshire Observer [\[6, 6th Jan. 1947; 11th Jan. 1947; 27th Mar. 1947\]](#).

Daily Herald 8 января вынесла в заголовок фразу: "Жизнь ничего не стоит, когда грек сражается с греком". Публикация отражала ожидания, что Комиссия Совета Безопасности ООН в конце месяца представит доклад об отношениях Греции с соседями по Балканам. Приводилось в пример, что добраться до приграничных горных районов, где вооруженные повстанцы получали иностранную поддержку, практически невозможно до весны, транспорт для наблюдателей недоступен. Однако наибольшей трудностью было извлекать правду из свидетельств крайне правых и крайне левых, поскольку с обеих сторон звучали обвинения в лживой пропаганде. Лидер греческих коммунистов Захариадис отрицал любые обвинения в поддержке зарубежными странами. Однако британская военная информация свидетельствовала о том, что Захариадис утаивал некоторые случаи. Автор Daily Herald писал, что "сегодня в Греции самая дешевая вещь - это человеческая жизнь". С востока на запад во Фракии и Македонии воевали около 8 тыс. партизан, из которых 500, по оценкам, составляли ядро боевиков, периодически опустошали сельскую местность. Некоторые из них являлись коммунистами, кто-то выступал за автономную Македонию. Однако все они были против роялистского центрального правительства. Считалось, что поддерживали связь со штаб-квартирой КПГ в Афинах. Автор обратился к проблеме терроризма на примере северо-запада от Афин, района, в который постоянно проникали вооруженные банды с севера страны. Пришел к выводу, что политический терроризм преследовал жителей всех деревень в окрестных горах, там часто шли бои. Каждую ночь в город могли ворваться боевики в штатском, просто с целью подчеркнуть свои обещания о том, что все неприятности прекратились бы, если люди присоединились к ним и свергли правительство [\[4, 8th Jan. 1947\]](#).

Мужчины, сбежавшие из деревень к северо-западу от Ламии, уклонились от призыва в армию, они описывали партизан, не говорящих по-гречески и носивших "серо-голубую" форму. Вероятно, это были славянофоны (греческие подданные из Македонии и Фракии, говорившие на славянском и болгарском языках). Один из греческих партизан сказал, почти наверняка в шутку, что это русские. Автор приводил данную ситуацию с целью подчеркнуть трудности, с которыми столкнулась бы Комиссия ООН для проверки доказательств. "Партизаны искали новобранцев, иногда прибегая к угрозам и силе. Их поведение в целом корректно, и, по-видимому, направлено на то, чтобы расположить к себе людей, указывая на то, что рай и свобода от раздоров ждут их только при коммунизме," - писал корреспондент Daily Herald. Такое положение дел автор считал главным ужасом тогдашней Греции: "ненависть в ледяном ветре, который проносился над сельской местностью, и косой взгляд в глазах людей" [\[4, 8th Jan. 1947\]](#).

Яркую оценку обстановки в стране в начале 1947 г. дал корреспондент Yorkshire Observer: "Ситуация здесь жуткая с любой точки зрения, на большей части Греции бушует гражданская война. Партизанское движение сейчас в Македонии, Фракии, Эпире, Пелопоннесе и даже на островах". Журналист считал, что это доморощенное и спонтанное движение возникло как реакция на безответственный правый и правительственный терроризм. Людям приходилось ночевать в чужих домах, как во времена немецкой оккупации [\[6, 11th Jan. 1947\]](#).

Журналисты Daily Herald неоднократно поднимали проблему доказательств помощи балканских стран греческим коммунистам, отмечали высокую оснащенность повстанцев, как и авторы Yorkshire Observer, скептически упоминали о решении всех проблем на основе коммунистических принципов, описывали обстановку как ненависть в воздухе [\[4, 2nd Jan. 1947, 8th Jan. 1947; 11, 6th Jan. 1947\]](#).

Х.Р.С. Филлипott, парламентский корреспондент Daily Herald, описывая дебаты в

Парламенте по греческому вопросу в феврале 1947. приводил обвинение депутата Уорби в том, что Британию призывали выделить деньги для "темнокожих и загорелых" Греции, оно было опровергнуто 14 марта государственным министром Э. Макнейлом в Палате Общин. Рассматривалась дополнительная помощь Греции парламентом еще на 19 млн. долларов, и некоторые члены парламента возражали против этого на том основании, что данная акция будет поддерживать правых и способствовать массовым убийствам. Уорби зашел далеко, заявив, что деньги использовались греческим правительством для подготовки к весеннему наступлению против партизан: "Нас просят принять чью-либо сторону и предоставить деньги стране". МакНейл попросил Палату Общин подумать о "простых греках", на которых, по его словам, были бы потрачены деньги. Он считал, что любое греческое правительство, левое или правое, должно было иметь силы для поддержания порядка. Х.Р.С. Филиппотт писал, что имела место несправедливость, но это не означало, что вся Греция была охвачена беспорядком. Лично знакомый с Грецией депутат высказал опасение, что для британцев уйти и оставить страну в сфере влияния Советского Союза было бы наихудшей альтернативой. Другой вариант заключался в том, что Греция могла быть полностью передана Соединенным Штатам. И это было бы большой трагедией. Ф.Н. Бейкер считал, что Греция должна быть под наблюдением ООН, это было бы единственно верным решением [\[4, 15th Mag. 1947\]](#).

Достаточно подробно авторы Daily Herald показали в начале 1947 г. ситуацию в Греции, осветили позиции британских парламентариев, их не особо разнящиеся мнения, рассуждали о том, действительно ли необходима финансовая помощь этой стране, подчеркнув бездействие греческого правительства.

Газета Yorkshire Observer опубликовала в середине марта 1947 г. небольшой обзор, посвященный деятельности британских парламентариев. Так, они подвергли сомнению действия Соединенных Штатов в Греции. Неуверенность в надежности Вашингтона была вызвана рядом моментов: например, знали ли руководители Великобритании о реальных планах США в этой стране, поддержит ли Королевство план Трумэна по финансированию вооруженных сил Греции и Турции, возьмет ли Вашингтон на себя некоторые средиземноморские обязательства Лондона. Без внимания не остался СССР и заявления его лидеров о враждебности плана Трумэна. Так, американский сенатор-республиканец Тафт задавался вопросом об опасности войны с СССР. Журналиста в данной заметке назвали аналитиком в кавычках. Он охарактеризовал речь Трумэна как "признание в любви недемократическим странам" и признак враждебности к странам Юго-Восточной Европы. В развитие оценки политики Москвы представлен комментарий советского официального информационного агентства, где план Трумэна был обозначен как "потенциальная угроза миру". В комментарии присутствовало несколько замечаний по Британии, цитировалось шведское издание "Svenska Dagbladet" о "банкротстве Британской империи". А югославская коммунистическая газета "Борба" заявила, что речь президента Трумэна была "бессовестным нарушением Устава ООН", и обвинила Соединенные Штаты в желании "поработить греческий народ, а также другие народы Восточного Средиземноморья и Ближнего Востока". Примечательно добавление о том, что империалисты Соединенных Штатов во всех отношениях использовали кризис британского империализма, лишая его одной позиции за другой. Согласно сообщению помощника госсекретаря Уилларда Торпа, Греция получила бы государственных служащих Соединенных Штатов в соответствии с планом президента Трумэна по оказанию ей помощи [\[6, 17 th Mar. 1947\]](#).

Авторы Yorkshire Observer не скрывали своего удивления доктриной Трумэна,

обозначили ряд вопросов в американо-британских отношениях, взаимодействии стран в Средиземноморье. Журналисты подробно представили позицию СССР относительно документа, оценки советских и югославских журналистов, не скрывая их резких формулировок.

Гражданской войне в Греции лейбористская *Daily Mirror* посвятила лишь семь публикаций в годы конфликта, три из них - за 1947 г. Доктрина Трумэна также нашла отражение на страницах этой газеты. В публикации конца марта 1947 г. приводились слова американского президента, описывавшего ситуацию как "советскую войну нервов против Греции", подчеркивавшего враждебное отношение СССР к действующему в то время греческому правительству и высказывавшего мнение о том, что Советский Союз затягивал решение греческого вопроса в ООН. Также, по мнению американской администрации, только лишь присутствие британских войск на территории Греции удерживало Албанию, Югославию и Болгарию от захвата некоторых частей страны. Газетой было сделано предположение о возможности скорейшего полного вывода войск Британии [\[7, 24th Mar. 1947\]](#).

В те же дни дипломатический корреспондент *Yorkshire Observer* передавал информацию о помощи Британии в 40 млн. ф. ст., направленной и на нужды греческой армии, и для гражданских целей. Однако журналист отметил позицию британского правительства в том, что оно не может продолжать нести бремя по содержанию и оснащению греческих вооруженных сил, по поддержанию греческой экономики. В то же время продолжались переговоры с американским правительством о возможной будущей помощи Греции. При этом Британия приняла бы незначительное участие в дальнейшей помощи. Королевством для греческой армии были выделены 18 млн. ф. ст. за 1946 г. и в первую половину 1947 г. Переговоры с Вашингтоном о передаче основного бремени Греции продолжались [\[6, 27th Mar. 1947\]](#).

Тем временем в правящих кругах Греции произошли изменения, они не были отражены в рассматриваемых британских изданиях. 24 апреля 1947 г. к власти пришло правительство Д. Максимоса, сменившее не способное противостоять партизанам правительство К. Цалдариса. Смерть 1 апреля короля Георгиоса и коронация его брата Павлоса I, человека решительного, вносила в соотношение сил в высших эшелонах власти определенные корректизы. Греческое правительство приступило к реализации военной операции "Терминиус", нацеленной против партизан и ставящей цель окружения и уничтожения Демократической армии Греции (ДАГ) в центральной части страны [\[8\]](#).

В апреле 1947 г. в *Daily Mirror* появилась небольшая заметка о том, что ожидались крупномасштабные боевые действия греческой армии, окружившей многочисленные силы партизан в горах Пинд. Правительственные войска продвигались к опорным пунктам противников. Правительственные силы были представлены освободителями страны [\[7, 12th Apr. 1947\]](#).

К середине апреля планы руководителей КПГ существенно радикализировались и заключались в том, чтобы ДАГ установила в стране, "несмотря на трудности, народно-демократический строй и национальную независимость" с помощью придания Македонии, северной области, роли военно-политического плацдарма и объявления ее государством повстанцами. Газета считала присутствие британских войск в Греции крайне важным фактором сдерживания противника, ее авторы высказывали надежды на проведение успешных переговоров с Вашингтоном, имея в виду разделение сфер ответственности в стране. Не нашло отражение на страницах *Daily Herald*, *Yorkshire Observer* и *Daily Mirror*

американо-греческое соглашение о помощи Греции, подписанное 20 июня 1947 г. Оно подразумевало выплату в 300 млн. долларов [\[9\]](#).

В конце июня 1947 г. в *Yorkshire Observer* была опубликована заметка, посвященная дню рождения Устава ООН, подписанныго двумя годами ранее в Сан-Франциско пятьюдесятью государствами. Функционирование ООН в ее самых широких аспектах вызывало разочарование. Автор описывал разделение мира различными взглядами Запада и Востока. Примеры этого столкновения были отражены в докладе Комиссии ООН по Балканам. В то время как большинство членов Комиссии считали, что Югославия, Албания и Болгария разжигали партизанскую войну в Греции, представители СССР и Польши заявляли, что обвинения не были доказаны, и что именно греческое правительство несло ответственность за то, что страна находилась в состоянии гражданской войны [\[6, 26th Jun. 1947\]](#).

В середине 1947 г. Ф.Г. Салусбери в *Daily Herald* писал об объявлении греческим правительством открытой войны КПГ и ЭАМ: были арестованы 2500 коммунистов и сочувствующих им лиц в Афинах и Пирее, включая Д. Парсалидиса, генерального секретаря ЭАМ и его жену. Правительство утверждало, что пресекло в зародыше революцию в стране, которая должна была начаться на следующий день. Конечно, это убило всякую надежду на переговоры между сторонами или компромисс. Решение о нанесении такого удара было принято на самом высоком уровне, Военным советом. Среди информации, на которой основывались действия правительства, был предполагаемый приказ из штаба партизанской армии, адресованный 14 батальонам ЭЛАС в Афинах, предписывающий вооружиться и начать "кампанию саботажа, убийств и нарушения гражданской жизни в час ночи 10 июля". Средняя численность этих батальонов составляла от 80 до 100 человек. В своем заявлении ЭАМ осудило действия правительства как "монархо-фашистское угнетение, осуществляемое при иностранной терпимости" [\[4, 10th Jul. 1947\]](#).

Спустя четыре дня греческую войну продолжила описывать *Daily Herald*. Подразделения так называемой "Международной бригады" албанцев вошли в Грецию, согласно сообщениям греческого правительства, в Конице шло сражение. Все правительственные войска в Афинах и окрестностях были подняты по тревоге 13 июля днем, когда новости о боевых действиях достигли столицы. Сообщалось, что в составе сил, атаковавших Коницу, город с населением около 1 тыс. человек в долине реки Сарантапорос, где бои между партизанами и правительстенными войсками продолжались уже две недели, было более 2 тыс. человек. В комюнике, опубликованном 13 июля вечером пресс-службой Министерства иностранных дел Греции, говорилось: "Греческие бандиты, включая албанцев, вторглись на греческую территорию из Албании сегодня утром в направлении Коницы. Город сопротивляется. Силы вторжения насчитывают более 1 тыс. человек. Согласно точным сообщениям, на албанской территории вблизи границы находятся крупные контингенты, в том числе, части международной бригады". Источники в Афинах сообщили, что эти боевые действия могли стать первым шагом к провозглашению "временного правительства под руководством коммунистов". Правительство Греции обратилось к Балканской подкомиссии с просьбой немедленно провести расследование на месте. Тем временем греческое верховное командование перебрасывало подкрепления в Коницу, где атака началась 13 июля на рассвете [\[4, 14th Jul. 1947\]](#). Поражение ДАГ под Коницей не повлияло на оптимистичную тональность прогнозов Генсека КПГ Н. Захариадиса [\[10\]](#). Корреспондент *Daily Herald*, описывая активные военные действия в Греции, упоминал возможность создания временного

коммунистического правительства в стране [\[4, 14th Jul. 1947\]](#).

Через месяц в *Yorkshire Observer* вышла заметка "Греция. США проигнорируют советское вето", в которой освещалось заявление Соединенных Штатов о том, что они найдут другие меры для сохранения свободы Греции, поскольку казалось, что достичь компромисса с СССР в ООН невозможно. Более того, из США звучали и более резкие высказывания, например, представитель Соединенных Штатов мистер Х. Джонсон обвинил коммунистов всего мира в том, что они несут ответственность за греческие проблемы. Джонсон предложил новую резолюцию ООН, в которой содержалась просьба к Совету Безопасности признать Албанию, Болгарию и Югославию виновными в поддержке греческих партизан, что представляло собой угрозу миру. Резолюция призывала эти три балканские страны прекратить помогать партизанам и предписывала Комиссии Соединенных Штатов следить за событиями. СБ ООН отложил дебаты по греческому вопросу до следующего дня [\[6, 13th Aug. 1947\]](#).

Требования греческого премьера в начале осени 1947 г. были жесткими: разоружение ДАГ, прекращение любой повстанческой деятельности. После выполнения этих условий гарантировалось проведение амнистии и примирение в стране. 9 сентября 1947 г. главнокомандующий Демократической армии Греции М. Вафьядис отказался подчиниться требованиям правительства, но заявил о готовности участвовать в правительстве "национального примирения", состоящего из всех задействованных в конфликте сторон. Таким образом, вновь, но на этот раз в завуалированной форме, было заявленоо претензиях КПГ на власть. Прошедший в сентябре 1947 г. очередной Пленум ЦК КПГ принял решение о создании собственного правительства повстанцев на севере страны в Салониках и расширении партизанской борьбы с целью нанесения окончательного поражения центральному правительству [\[10\]](#).

Заместитель премьер-министра Греции Цалдарис утверждал 29 сентября, что Албания, Болгария и Югославия совершили акты агрессии против Греции, в то время как ООН искала решение балканской проблемы. Он заявил, что представители советского блока не отрицали отправки помочи греческим партизанам и прибегали к тактике уклонения и затягивания в попытке замять проблему. Греция была готова пообещать сотрудничество в выполнении любых рекомендаций, которые могла вынести Ассамблея, и считала, что аналогичного обещания следует потребовать от ее северных соседей, а помочь, которую Греция получала от США и Великобритании, никоим образом не угрожала независимости Греции, как это утверждал СССР. А Греция могла опровергнуть обвинения М. Вышинского в том, что греческое правительство пыталось "спровоцировать новую войну между Востоком и Западом". В статье *Yorkshire Observer* отмечалось, что представитель Франции в ООН И. Дельбос предложил Соединенным Штатам изменить свою резолюцию по Греции: избежать каких-либо прямых обвинений Албании, Болгарии и Югославии в помощи греческим партизанам. Э. Макнил, британский представитель, в свою очередь, призвал ООН принять "незамедлительные меры" в поддержку резолюции Соединенных Штатов. В документе после заявления о поддержке Албанией, Югославией и Болгарией повстанцев, сражавшихся против греческого правительства, и требования к ним воздержаться от дальнейших действий подобного рода, настоятельно призывали эти государства и официальную Грецию урегулировать спор мирными средствами [\[6, 30th Sep. 1947\]](#).

В другой статье этой газеты (30.09.1947) были затронуты советско-американские отношения в связи с греческим вопросом. Так, протест Соединенных Штатов против "беспричинно клеветнических" личных нападок на президента Трумэна в "Литературной

"газете" был отклонен Кремлем, сообщил Госдепартамент США. Департамент опубликовал 29 сентября обмен письмами между Беделлом Смитом, посланником Соединенных Штатов в Москве, и М. Молотовым, министром иностранных дел СССР. Американский дипломат отметил, что, хотя письмо Смита М. Молотову от 25 сентября было передано иностранной прессе 27 сентября, оно не было опубликовано за пределами России, что указывало на его полную секретность. Мистер Смит написал М. Молотову, что за время своего 18-месячного пребывания в России он был вынужден стать свидетелем растущего потока «полуправды, искажений и абсолютной лжи в советской прессе о США и их правительстве». Он пытался не обращать внимания на эту "подстрекательскую" кампанию, но статья Б. Горбатова в "Литературной газете" не могла из-за своего "шокирующего характера" пройти без решительного протеста: "Я не могу поверить, что статья Горбатова отражает мнение советского правительства, и поэтому прошу официально заявить о несогласии с ней, и если, вопреки моему убеждению, она получила одобрение советского правительства, я был бы признателен за заявление на этот счет". Однако М. Молотов, отказавшись принять протест, сказал, что невозможно вступать в дискуссию со Смитом по статье Горбатова, поскольку советское правительство не может нести за нее ответственность [\[6, 30th Sep. 1947\]](#).

В ноябре 1947 г. на страницах британской прессы опять был поднят вопрос о вмешательстве Албании, Болгарии и Югославии во внутренние дела Греции посредством оказания помощи прокоммунистическим силам. Примечательно, что советские представители не отрицали этот факт. Британцы обвиняли Советский Союз в искажении информации о внутренней ситуации в Греции. Внимание министерства иностранных дел Великобритании было обращено на информацию о зверствах на греческом фронте в заметке Daily Mirror (10 ноября) под заголовком «Что мы, британцы, делаем». Газета опубликовала фотографии греческих солдат в британской военной форме верхом на лошадях, несущих головы греческих партизан [\[7, 10th Nov. 1947\]](#). Эта публикация, несомненно, вызвала в информационном поле Британии сильные и эмоции читателей, каким бы силам они не симпатизировали в гражданской войне в Греции.

Таким образом, The Times, Daily Herald и The Yorkshire Observer, являясь изданиями разных направлений, «нейтральной», лейбористского и либерального соответственно, на центральном и региональном уровне обращались к проблемам гражданской войны в Греции на ее начальном этапе. The Times старалась без выражения симпатий сначала подавать информацию в констатирующе-событийной форме. Правда, по мере развертывания событий в Греции, уйти от антисоветских настроений не удавалось. Daily Mirror вскользь касалась греческого вопроса. Авторы Daily Mirror считали крайне необходимым присутствие британских войск на территории Греции. Анализировалась и роль ООН в регулировании военного конфликта.

Daily Herald поднимала проблему наличия веских аргументов в пользу тезиса о поддержке балканскими странами партизан Греции, отношение ООН к этому вопросу, обсуждала тему оказания Британией финансовой помощи Греции и безынициативность правительства этой страны. Корреспонденты Daily Herald описывали военные действия в Греции, отмечая отличную оснащенность и подготовку партизан.

The Yorkshire Observer рассматривала проблемы безопасности греческого населения, нехватку продовольствия, отсутствие жилья, неспособность мирно выразить свою точку зрения. В данном издании были отражены и мнения британских парламентариев по греческому вопросу, их дискуссии и предложения. Показан резонанс на план Трумэна, журналистское сообщество этого издания подняло ряд вопросов об американо-

британских, американо-советских отношениях, расстановке сил на Балканах и в Восточной Европе.

Фактически, в рассматриваемых газетах, кроме The Times, не отражались перестановки в правящих кругах Греции на начальном этапе гражданской войны. Деятельность КПГ и ДАГ освещена вскользь. В международном аспекте особое внимание данных изданий было обращено на обсуждение греческого вопроса в ООН и роль, которую играли Великобритания, США, балканские страны в этой стране.

Библиография

1. Пивоварова В.С. Греция во внешней политике США в годы гражданской войны (1946-1949 гг.) // Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания. 2011. №7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gretsia-vo-vneshney-politike-ssya-v-gody-grazhdanskoy-voyny-1946-1949-gg>
2. Truman Doctrine (1947) // National Archives. URL: <https://www.archives.gov/milestone-documents/truman-doctrine>
3. Калинин А.А. Греческий кризис и разработка доктрины Трумэна 1947 г. // Вестник ННГУ. 2016. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/grecheskiy-krizis-i-razrabotka-doctriny-trumena-v-1947-g>
4. Daily Herald, 1947.
5. The Times, 1945-1946.
6. Yorkshire Observer, 1947.
7. Daily Mirror, 1947.
8. Кирьядикис Г.Д. Гражданская война в Греции. 1946-1949. Москва: Наука, 1972.
9. Калинин А.А. Американское участие во внутриполитических процессах Греции в 1947-1949 гг. // Вестник ННГУ. 2014. №3-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/amerikanskoe-uchastie-vo-vnutripoliticheskikh-protsessah-v-gretsii-v-1947-1949-gg>
10. Калинин А.А. Советский Союз и гражданская война в Греции (1946-1949 гг.) // Российская история. 2016. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28150616>

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

События последних лет привели к серьезным переменам в системе международных отношениях: в первую очередь, это вызвано происходящей на наших глазах динамичной трансформацией монополярного мира в мир многополярный, в рамках которого на смену гегемонии Вашингтона придет сообщество таких акторов, как Пекин, Москва, Нью-Дели, Тегеран. Вместе с тем временное осложнение международной обстановки заставляет обратиться к изучению различных аспектов истории «холодной войны», в том числе в таких стратегически важных районах как Балканский полуостров и Ближний Восток. Именно эти регионы, находящиеся на перекрестке Европы и Азии, издавна привлекают внимание геополитических игроков, стремящихся упрочить свои позиции на мировой арене.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой является осмысление начального этапа гражданской войны в Греции (1946-1949) на страницах британской печати. Автор ставит своими задачами

проанализировать отношение британской прессы к греческой междуусобице, а также определить круг внимания репортеров.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает историко-генетический метод, в основе которого по определению академика И.Д. Ковальченко «последовательное раскрытие свойств, функций и изменений изучаемой реальности в процессе ее исторического движения, что позволяет в наибольшей степени приблизиться к воспроизведению реальной истории объекта», а его отличительными сторонами выступают конкретность и описательность.

Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор на основе различных источников стремится охарактеризовать взгляд британской печати на события в Греции в 1946-1949 гг.

Рассматривая библиографический список статьи, как позитивный момент следует отметить его разносторонность: всего список литературы включает в себя 10 различных источников и исследований. Несомненным достоинством рецензируемой статьи является привлечение зарубежных англоязычных материалов, что определяется самой постановкой темы. Источниковая база статьи представлена прежде всего материалами британской периодической печати (*Daily Herald*, *The Times*, *Yorkshire Observer*, *Daily Mirror*). Из привлекаемых автором исследований отметим труды А.А. Калинина, В.С. Пивоваровой, Г.Д. Кирьякидиса, в центре внимания которых различные аспекты истории гражданской войны в Греции. Заметим, что библиография обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста читатели могут обратиться к другим материалам по ее теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как историей гражданской войны в Греции, в целом, так и отношением к ней в ведущих государствах мира, в частности. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи. Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что британская пресса с разной частотой освещала события гражданской войны в Греции: если *Daily Herald* отправила специальных корреспондентов в регион, то *Daily Mirror*, напротив, «в течение 1947 г. опубликовала всего три статьи, посвященных греческому конфликту». Анализируя издания *The Times*, *Daily Herald* и *The Yorkshire Observer*, автор показывает, что «являясь изданиями разных направлений, «нейтральной», лейбористского и либерального соответственно, на центральном и региональном уровне обращались к проблемам гражданской войны в Греции на ее начальном этапе». Примечательно, что как отмечает автор рецензируемой статьи, «*The Times* старалась без выражения симпатий сначала подавать информацию в констатирующе-событийной форме», но в дальнейшем не смогла избежать антисоветских материалов.

Главным выводом статьи является то, что «фактически, в рассматриваемых газетах, кроме *The Times*, не отражались перестановки в правящих кругах Греции на начальном этапе гражданской войны», а «в международном аспекте особое внимание данных изданий было обращено на обсуждение греческого вопроса в ООН и роль, которую играли Великобритания, США, балканские страны в этой стране».

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в курсе лекций по

истории России, так и в различных спецкурсах.

В целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале «Genesis: исторические исследования».

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Надыкин Т.Д., Мартыненко А.В., Мальченков Д.П. — К вопросу об историографии сталинской модернизации регионального крестьянского социума в СССР (на материалах Мордовии) // Genesis: исторические исследования. – 2023. – № 10. DOI: 10.25136/2409-868X.2023.10.68774 EDN: QTBTOK URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=68774

К вопросу об историографии сталинской модернизации регионального крестьянского социума в СССР (на материалах Мордовии)

Надыкин Тимофей Дмитриевич

ORCID: 0000-0002-2677-8529

доктор исторических наук

профессор, кафедра отечественной и зарубежной истории и методики обучения, ФГБОУ ВО "Мордовский государственный педагогический университет имени М. Е. Евсевьева"

430007, Россия, республика Мордовия, г. Саранск, ул. Студенческая, 11а

✉ ntd2006@yandex.ru

Мартыненко Александр Валентинович

ORCID: 0000-0002-4701-6398

доктор исторических наук

профессор, кафедра отечественной и зарубежной истории и методики обучения, ФГБОУ ВО "Мордовский государственный педагогический университет имени М. Е. Евсевьева"

430007, Россия, республика Мордовия, г. Саранск, ул. Студенческая, 11а

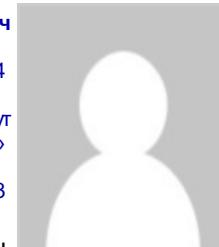
✉ arkanaddin@mail.ru

Мальченков Денис Петрович

ORCID: 0000-0002-2100-0144

преподаватель, кафедра оперативно-разыскной деятельности, ФГКОУ ВО «Воронежский институт Министерства Внутренних дел Российской Федерации»

394065, Россия, Воронежская область, г. Воронеж, пр. Патриотов, 53

✉ malchenkovdenis@yandex.ru

[Статья из рубрики "Историософия, историография, источниковедение"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2023.10.68774

EDN:

QTBTOK

Дата направления статьи в редакцию:

22-10-2023

Аннотация: Объектом исследования являются историографические аспекты модернизации крестьянского социума России в период сталинизма, которую обычно отождествляют со сплошной коллективизацией и раскулачиванием конца 1920-х – начала 1930-х гг. В качестве предмета выступает корпус научных трудов по сталинской аграрной модернизации в Мордовской АССР в годы первых пятилеток, первые из которых появились во второй половине 1950-х гг., проанализированный с учетом смены идеологических парадигм в отечественной исторической науке в начале 1990-х гг. В рамках данного исследования авторы постарались на историографическом материале Мордовии проследить трансформацию оценок сталинской аграрной модернизации в научном сообществе региональных историков. Основными выводами данного исследования можно считать констатацию достаточно высокой степени проработанности рассматриваемой проблематики в региональной историографии Республики Мордовия. При этом, не смотря на рост внимания к довоенной аграрной модернизации в постсоветских периодах, выделены ряд проблемных вопросов, требующих более глубокого изучения. Среди них: экономическая эффективность организованных в конце 1920-х – первой половине 1930-х гг. колхозов и совхозов, степень механизации аграрного производства, решение задачи обеспечения растущего городского населения продуктами питания, изменения в социокультурном облике и общественных настроениях многонационального и поликонфессионального крестьянства Мордовского края.

Ключевые слова:

крестьянский социум, сталинская аграрная модернизация, коллективизация, раскулачивание, историография, Мордовия, межвоенные период, народное образование, социокультурное развитие, антирелигиозная борьба

Статья подготовлена в рамках гранта на проведение научно-исследовательских работ по приоритетным направлениям научной деятельности вузов-партнеров по сетевому взаимодействию (Ульяновский государственный педагогический университет имени И. Н. Ульянова и Мордовский государственный педагогический университет имени М. Е. Евсеева) по теме «Советский Союз и государства Азии в модернизационных процессах 1920-х – 1930-х гг.».

Сегодня исследование «догоняющей» модернизации российского аграрного общества довоенного десятилетия является динамично развивающимся направлением отечественной исторической науки. Благодаря введению в научный оборот значительного массива архивных документов, их новому прочтению, социально-экономические и социокультурные сдвиги в преимущественно аграрных до революции регионах видятся более объемно и многопланово.

История полигэтнического крестьянства Мордовии периода первых пятилеток как неотъемлемая часть указанной выше модернизации привлекала исследовательский интерес со стороны историков, труды которых сформировали отдельное направление в историографии указанного субъекта Российской Федерации.

Впервые проблему последствий сталинской аграрной модернизации для крестьянского социума Мордовской АССР, применительно к первым послевоенным годам, поднял в своем монографическом исследовании С. С. Ивашкин [\[9\]](#), который ввел в научный оборот обширный архивный и статистический материал. Именно эта обширная эмпирическая база сделала работу указанного автора довольно ценной в информативном плане, несмотря на её ярко выраженный (и, добавим, неизбежный в условиях той эпохи) идеологический характер.

В монографическом исследовании М. В. Агеева [\[3\]](#), написанном на рубеже 1950-х – 1960-х гг., в период хрущёвской оттепели, прослеживается процесс «победы колхозного строя» в Мордовской АССР, то есть раскрываются особенности сталинской аграрной модернизации, в том числе её технологические аспекты, применительно к рассматриваемому региону.

Отметим, что работы С. С. Ивашкина и М. В. Агеева, не смотря на их явные недостатки, вплоть до второй половины 1980-х гг. являлись единственными монографическими трудами по аграрной истории Мордовии довоенного времени.

Отдельные аспекты вопросы довоенной модернизации деревни Мордовии рассматривались в работах И. Е. Автайкина о развитии периодической печати [\[2\]](#), М. С. Букина о проблемах национально-государственного строительства [\[6\]](#), В. А. Балашова о культуре и быте мордовского колхозного села [\[4\]](#). Стремительная либерализация общественно-политического климата в стране небезызвестной эпохи «горбачёвской перестройки» дала жизнь новым трактовкам рассматриваемой темы в статьях А. А. Красникова [\[10\]](#) и Л. Г. Филатова [\[18\]](#).

В 1996 г. вышла монография историка В. К. Абрамова «Мордовский народ (1897–1939)», в которой три главы тематически связаны со сталинской аграрной модернизацией [\[1\]](#). Благодаря данному исследованию в научный оборот были введены новые, ранее неизвестные для широкого читателя архивные источники. В то же время утверждения указанного автора о сотнях тысяч жертвах среди мордовских крестьян, об уничтожении крестьянской элиты мордовской национальности и т. п., возможно, являются неким преувеличением. С другой стороны, следует однозначно согласиться с В. К. Абрамовым в том, что в ходе раскулачивания проводилась политика искусственного разжигания социальных конфликтов в аграрном социуме Мордовии того периода.

С 1990-х гг. в Республике Мордовия (РМ) формируется целое сообщество ученых, внесших свою, очень важную лепту в разработку и осмысление рассматриваемой проблематики.

Так, О. И. Марискин в своих работах представил микроуровень сталинской аграрной модернизации в Среднем Поволжье, включая Мордовию [\[11\]](#).

Историк А. П. Солдаткин раскрыл роль и специфику деятельности советских и партийных органов Мордовской АССР в анализируемых процессах 1930-х гг. [\[16; 17\]](#), а также на основе извлеченных архивных данных фактически сделал достоянием научной общественности голод в Мордовии 1937–1939 гг. Последнее представляется авторам данной статьи чрезвычайно важным для развенчания “новой украинской мифологии Голодомора”, который якобы является исключительной прерогативой украинского народа как некоей исключительной жертвы социального геноцида.

Почти четверть века кропотливой многолетней работы с архивными источниками представлены в монографии Т. Д. Надькина «Сталинская аграрная политика и крестьянство Мордовии» [13]. Основное внимание в книге отведено анализу экономических и социальных последствий довоенной модернизации сельского хозяйства, проведению репрессивной политики в 1930-е гг. (раскулачивание, «Большой террор 1937–1938 гг.»), рассмотрено также положение крестьянства автономной республики в годы Великой Отечественной войны, и новые испытания, которые выпали на долю крестьянства Мордовии в период послевоенного восстановления народного хозяйства.

Т. Д. Надькин, касаясь довоенной модернизации сельского хозяйства, утверждает о превалировании отрицательных и деструктивных явлений в крестьянском социуме [12]. Однако только этим не следует ограничиваться, характеризуя довоенный период, т.к. налицо были и заметные изменения в культуре и росте образования сельского населения.

Свой вклад в изучение рассматриваемой проблематики внёс выдающийся специалист по региональной истории Мордовии В. А. Юрчёнков [19], который, не отрицая последствий, о которых пишет Т. Д. Надькин, во главу угла поставил позитивные последствия, особенно - успехи технической модернизации сельского хозяйства.

Отдельным направлением региональной историографии сталинской аграрной модернизации является изучение социокультурной трансформации татарского населения МАССР рассматриваемого периода.

Первые работы, связанные с темой образовательной и культурно-просветительской деятельности в татарских населенных пунктах Мордовии появились в конце 1920-х гг. В частности, это был труд П. Т. Полибицына «Десять лет хозяйственного и культурно-социального строительства Пензенской губернии» [14], в котором одна из глав была посвящена народному образованию Пензенской губернии и приводились общие данные об увеличении уровня грамотности, о развитии школьной сети, количестве изб-читален, ликпунктов, в том числе среди татар региона.

В труде об истории происхождения, расселении и языке татарского населения Мордовии, написанном выдающимся востоковедом М. Г. Сафаргалиевым [15], констатируется дальнейшая консолидация многонационального советского народа, несмотря на тягу национальных республик к сохранению культурной самобытности. Ученый негативно высказывается о «буржуазных националистах», которые пытались разобщить единый народ – казанских татар и татар-мишарей и сделал вывод о том, что «по мере всестороннего развития татарской социалистической нации исчезают местные особенности в языке, быте и других областях культуры», а также об уходе в предания названия «мишари».

Таким образом, в историографии советского периода тема социокультурного развития татар Мордовии затрагивалась лишь эпизодически, в обобщенных исследованиях, и отличалась при этом своей идеологизированностью.

В постсоветской региональной историографии большой интерес представляют статьи А. И. Белкина [см., например: 5], в которых автор на примере православного и мусульманского культов на территории советской Мордовии затрагивает сталинский период, когда государственно-конфессиональные отношения характеризовались масштабными репрессиями в отношении духовенства и верующих, которые в годы войны сменились на временный период потепления, что значительно оживило жизнь

религиозных общин. При этом, сделав шаг навстречу верующим, государство продолжало активно вмешиваться в деятельность конфессий, а против культов продолжал действовать ряд запретов. А. И. Белкин является одним из первых исследователей Мордовии, который в своих публикациях рассматривал историю мусульманской общины республики в советский период. Необходимо отметить и другие труды вышеупомянутого исследователя, написанные им во второй половине 2000-х – 2010-е гг. А. И. Белкин приходит к выводу, что, несмотря на антирелигиозную компанию, гонения и уничтожение священнослужителей в конце 1920-х – 1930-е гг., трудности с регистрацией культа, уровень религиозности среди татар Мордовии оставался высоким. А некоторое смягчение антирелигиозного законодательства в военные годы способствовало укреплению позиций ислама, в результате чего в Мордовии стали легально действовать две мечети.

Историк Р. Р. Юсупов в своем диссертационном исследовании [20] прослеживает процесс вытеснения религиозной (исламской) составляющей не только из разных сфер жизни татарского населения, но и общественного самосознания; недостатки в осуществлении всеобуча, которые сводились к достижению, в первую очередь, количественных показателей, а не качественных; низкое качество подготовки учителей из татар-мишарей, а также нехватку специалистов с высшим образованием и т.д.

Исследователь А. П. Евдокимов [7; 8] довольно подробно и обстоятельно проанализировал проблему трансформации социального поведения многонационального крестьянства Мордовии указанного периода, рассмотрев самые различные аспекты проводившейся в годы первых пятилеток радикальных реформ.

Не смотря на казалось бы повышенное внимание к довоенной модернизации крестьянского социума в региональном измерении в постсоветский период, более глубокого изучения, по прежнему, требует проблема сравнительной эффективности колхозного и совхозного производства, достижения отдельных колхозов и совхозов в плане роста аграрной продукции, реализация планов машинизации аграрного производства на фоне снижения рабочего поголовья скота, решение задачи обеспечения растущего городского населения продуктами питания. Особый интерес представляют изменения в общественном настроении крестьянского социума в связи, с одной стороны, с развернувшейся борьбой с религией, а с другой – повышением грамотности и повышением общего культурного уровня населения.

Вся эта проблематика может стать темой отдельных научных изысканий в контексте «догоняющей» модернизации, которая охватила в межвоенный период экономику и социокультурную сферу Советский Союз и взирающих на него стран Востока.

Библиография

1. Абрамов В. К. Мордовский народ (1897–1939 гг.). Саранск : Изд-во Мордовского ун-та, 1996. 411 с.
2. Автайкин И. Е., Потапов П. Ф. Периодическая печать Мордовии в годы коллективизации (1928–1932 гг.) // Проблемы аграрной истории Поволжья в переходный период от капитализма к социализму (1917–1937 гг.). Саранск: Мордовское книжное издательство, 1988. С. 115–129.
3. Агеев М. В. Победа колхозного строя в Мордовской АССР. Саранск : Мордовское книжное изд-во, 1960. 414 с.
4. Балашов В. А. Культура и быт мордовского колхозного села: историко-

- этнографический очерк по материалам Зубово-Полянского района МАССР. Саранск: Мордовское книжное изд-во, 1975. 168 с.
5. Белкин А. И. Государственно-церковные отношения в Мордовии в 20-х – начале 60-х годов XX века : (На материалах русского православия) : автореферат диссертации кандидата исторических наук. Саранск, 1995. 21 с.
  6. Букин М. С. Становление мордовской советской национальной государственности (1917–1940). Саранск: Мордовское книжное, 1990. 285 с.
  7. Евдокимов А. П., Надькин Т. Д. Социальное поведение крестьянства Мордовии в конце 1920-х – первой половине 1930-х гг.: от конфронтации к адаптации // Гуманитарные науки и образование. 2014. № 4. С. 153–156.
  8. Евдокимов А. П. Трансформация уклада жизни крестьян Мордовии в 1920-е – 1930-е гг.: традиции и инновации // Клио. 2013. № 5. С. 50–53.
  9. Ивашкин С. С. Рабочий класс в борьбе за победу колхозного строя в Мордовии. Саранск: Мордовское книжное изд-во, 1957. 144 с.
  10. Красников А. А. Деятельность советских и партийных органов по формированию рядов рабочего класса и изменению социально-демографической структуры и численности населения Мордовии (конец 20-х – 30-е годы) // Деятельность КПСС по формированию многонационального рабочего класса: история и современность: межвуз. сб. науч. трудов. Саранск, 1989. С. 63–75.
  11. Марискин О. И. Государево тягло. Налогообложение крестьянства России во второй половине XIX – первой трети XX века (по материалам Среднего Поволжья). Саранск: Изд-во Мордовского университета, 2004. 237 с.
  12. Надькин, Т. Д. Антицерковная политика советского государства в годы довоенных пятилеток (по материалам Мордовии) // Научный православный взгляд на ложные исторические учения: матер. совместной конф. Русского культ.-просветит. фонда им. Василия Великого и Института Российской истории РАН. Москва, 2011. С. 482–490.
  13. Надькин Т. Д. Сталинская аграрная политика и крестьянство Мордовии. Москва : РОССПЭН, 2010. 311 с.
  14. Полибицын П. Т. 10 лет хозяйственного и культурно-социального строительства Пензенской губернии. Пенза, 1928. 95 с.
  15. Сафаргалиев М. Г. К истории татарского населения Мордовской АССР (о мишарях) // Труды Мордовского НИИ языка, литературы, истории и экономики. Саранск, 1963. Вып. 24. С. 64–79.
  16. Солдаткин А. П. Властьные институты Мордовии в период модернизации 1930-х гг. Саранск: Историко-социологический институт Мордовского государственного университета имени Н. П. Огарева, 2007. 126 с.
  17. Солдаткин А. П. Голод 1937–1939 гг. в Мордовии // Общество и власть. ХХ век. Саранск, 2006. С. 102–112.
  18. Филатов Л. Г. Коллективизация в Мордовии: Проблемы, особенности, время завершения // На перекрестке мнений : сборник статей. Саранск, 1990. С. 188–199.
  19. Юрченков В. А. Аграрная политика сталинизма в национальных республиках Поволжья: общее и особенное // Центр и периферия. 2011. № 1. С. 86–91.
  20. Юсупов Р. Р. Социально-экономическое и социокультурное развитие татар-мишарей Мордовии в период советской модернизации в конце 1920-х–1930-е гг.: дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2009. 224 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Хотя с момента распада Советского Союза прошло уже свыше трёх десятилетий, интерес в российском обществе к советскому прошлому остаётся на стабильно высоком уровне. И это распространяется не только на профессиональное сообщество историков, но и на рядовых любителей родного прошлого. Среди тех тем, которые уже давно служат предметом спора, причём не только в нашей стране, является решение аграрного вопроса в 1920-1930-е гг. Нередко эта тема служит и предметом откровенных манипуляций, как, например, тема Голодомора. Но ведь помимо непосредственно аграрной истории немаловажным аспектом являются и перемены в крестьянском сообществе.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой является историографии сталинской модернизации регионального крестьянского социума в СССР на примере Мордовии. Автор ставит своими задачами проанализировать советскую и постсоветскую литературу по данной теме, показать изучение социокультурной трансформации татарского населения Мордовской АССР рассматриваемого периода.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. В работе автор также использует сравнительный метод.

Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор на примере Мордовии стремится охарактеризовать «догоняющую» модернизацию российского аграрного общества в 1920-1930-е гг.

Рассматривая библиографический список статьи, как позитивный момент следует отметить его масштабность и разносторонность: всего список литературы включает в себя 20 различных источников и исследований. Из привлекаемых автором источников укажем на труды как историков советского периода (М.В. Агеева, В.А. Балашова, А.А. Красникова), так и современного (Т.Д. Надькина, А.П. Солдаткина, В.В. Юрченкова). Заметим, что библиография обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по ее теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем кто интересуется как историей советского села, в целом, так и переменами, проходящими в нем в 1920-1930-е гг. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определённой логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что «история полигэтнического крестьянства Мордовии периода первых пятилеток как неотъемлемая часть указанной выше модернизации привлекала исследовательский интерес со стороны историков, труды которых сформировали отдельное направление в историографии указанного субъекта Российской Федерации». Примечательно, что автор отмечает не только идеологизированность советских историков: говоря о работе В.К. Абрамова 1996 г. он полагает, что его утверждения о «сотнях тысяч жертвах среди мордовских крестьян, об уничтожении

крестьянской элиты мордовской национальности и т. п., возможно, являются неким преувеличением».

В работе показано, что «в историографии советского периода тема социокультурного развития татар Мордовии затрагивалась лишь эпизодически, в обобщенных исследованиях, и отличалась при этом своей идеологизированностью».

Главным выводом статьи является то, что сегодня «не смотря на казалось бы повышенное внимание к довоенной модернизации крестьянского социума в региональном измерении в постсоветский период, более глубокого изучения, по прежнему, требует проблема сравнительной эффективности колхозного и совхозного производства, достижения отдельных колхозов и совхозов в плане роста аграрной продукции».

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в курсах лекций по истории России, так и в различных спецкурсах.

В целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале «Genesis: исторические исследования».

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Ивлев Н.Н. — Жизнь и творчество художника-педагога на Южном Урале как проявление социального и профессионального героизма (на материалах биографических данных о Питиримовой Виктории Мухаметовны) // Genesis: исторические исследования. – 2023. – № 10. DOI: 10.25136/2409-868X.2023.10.48484 EDN: QTKPMX URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=48484

Жизнь и творчество художника-педагога на Южном Урале как проявление социального и профессионального героизма (на материалах биографических данных о Питиримовой Виктории Мухаметовны)

Ивлев Никита Николаевич

кандидат исторических наук

доцент, кафедры социально-гуманитарных и психолого-педагогических дисциплин, Южно-Уральский государственный институт искусств им. П.И. Чайковского

454084, Россия, Челябинская область, г. Челябинск, ул. Каслинская, 27

✉ Meven.n.n@mail.ru

[Статья из рубрики "Личность в истории"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2023.10.48484

EDN:

QTKPMX

Дата направления статьи в редакцию:

06-10-2023

Аннотация: Актуальность настоящего исследования обусловлена тем, что образы героев отражают ценностные ориентиры общества и реализуют функцию передачи этих ценностей от поколения к поколению. Сформированные образы способствуют формированию идеологических установок общества, являются духовной опорой как для отдельного человека, так и всего нашего многонационального народа. Выдающиеся деятели искусства – это не только мастера, но и педагоги, наставники, которые передают не только знания, но и мировоззрение, национальное сознание и идеалы, позицию гражданина, воспитывают духовно-нравственные начала. Целью исследования является жизненный и творческий путь Питиримовой В. М. как проявление профессионального и социального героя художника-педагога в непростых социально-экономических условиях жизни России конца XX начала XXI века. Объект исследования – биография,

путь творческого и профессионального развития Питиримовой Виктории Мухаметовны. Предметом исследования являются художественные и педагогические приемы и методы, используемые Питиримовой Викторией Мухаметовной, морально-нравственные ориентиры педагога-художника. В основу работы положено интервью главной героини исследования - Питиримовой В. М., в котором она дает трактовку своим ключевым творческим и педагогическим достижениям. В ходе исследования были применены историко-системный, историко-генетический, историко-биографический и диахронный методы. На основе полученных в ходе исследования материалах предпринята попытка наиболее полно и последовательно представить основные вехи жизни и творчества художника и педагога Питиримовой Виктории Мухаметовны. Научная новизна исследования заключается во введении в научный оборот ранее не изученных и не опубликованных сведений о творческих и профессиональных достижениях Виктории Мухаметовны.

Ключевые слова:

Питиримова Виктория Мухаметовна, Художник-педагог, Живописец-график, Социальный герой, Цикл Хазарский словарь, Диптих Линия воды, Цикл Дом, Офорт, Литография, Коллаграфия

К универсальным характеристикам героической парадигмы относится героизация в профессиональной сфере. Мотивы героического поведения в таком случае находятся в рамках выполнения служебных обязанностей. Трудовой герой может встречаться во всех сферах профессиональной деятельности: в науке, образовании, политике, искусстве, спорте, производстве и многих других.

Профессионал – это человек, который занимается каким-либо делом как специалист, владеющий профессией; мастер своего дела. Профессионалы традиционно противопоставляются любителям, то есть тем, кто ведет какую-либо деятельность по призванию, увлечению или наклонности. Герой в профессиональной сфере – это явление, которое описывали многие исследователи феномена геройства. Так, В. Д. Плахов выделяет особый героический тип – героя мастера, которого он описывает как «человека, достигшего выдающихся результатов на трудовом поприще, в деле, которому он посвятил свою жизнь» [1].

Героизация в профессиональной сфере предполагает, что героем-профессионалом (героем-мастером) становится тот человек, который достиг выдающихся результатов в своей профессиональной деятельности и получил общественное признание [2]. Социально-героические поступки – это осознанные действия, совершаемые во имя определенной ценности или убеждения. «Это благородные цели, служение своему народу или избранной профессии, постоянный, непрерывный поиск истины, подвиг во имя свободы и жизни, во имя мира и справедливости на Земле» [3].

Еще одним видом геройства может быть – «личный герой», который определяется как вдохновляющий и мотивирующий человек, необязательно известный широкой общественности, являющийся модельной личностью для отдельно взятого человека, представления о котором обусловливаются личным опытом и субъективной оценкой поведения, которое может считаться героическим в связи с принесенной жертвой и самоотверженностью. Статус личного героя могут приобретать родители, родственники,

друзья и учителя [4].

Выдающиеся деятели культуры и искусства являются частью героической парадигмы любой культуры, результаты их творческой деятельности являются духовной опорой как для отдельного человека, так и для целой нации, сохраняют этническую самобытность и национальную идентичность, отражают особенности исторических процессов и смену культурных парадигм [5].

Педагогическое мастерство личного героя – педагога-наставника – обеспечивает достижение главной цели педагогического воздействия – развитие творческих способностей учащихся, воспитания эстетического вкуса, общей культуры, а также формирование внутреннего мира растущего человека, раскрытия его внутренней индивидуальности.

Жизненный и творческий путь Питиримовой Виктории Мухаметовны наглядно показывает значение педагога в жизни каждого человека, а также влияние наставника на дальнейшую творческую судьбу воспитанника.

В декабре 2022 года в Челябинском музее искусств проходила выставка «Отцы и дети: судьба и творчество художественных династий». Проект масштабно рассматривает творчество художественных династий России и Южного Урала. В выставке принимали участие картины русских классиков, а также современных художников.

Представителем одной из творческих династий Челябинска, принимавших участие в выставке, стала Виктория Мухаметовна Питиримова – живописец, график, главный художник Челябинского областного музея с 2006 по 2012 гг., член Союза художников России.

Виктория Мухаметовна родилась в Челябинске 9 мая 1965 года. В этот день, впервые за долгое время, возобновили празднование Дня Победы. В честь великого праздника родители назвали дочку – Виктория (в переводе с латинского – «Победа»).

Самые ранние воспоминания Виктории Мухаметовны связаны с городом Трехгорный, куда переехала её семья. Небольшой живописный город Трехгорный (закрытое административно-территориальное образование) расположен в западной части Челябинской области среди трех гор Завьялиха, Шуйда и Бархотина (отсюда и название города), в долине реки Юрюзань.

В Трехгорном Виктория Мухаметовна пошла школу. Одновременно со школой Виктория посещала секцию по плаванию. В советское время каждый школьник в свободное от учебы время, как правило, посещал какие-либо спортивные секции. Это организовывало досуг и развитие новых навыков у детей. Школьники занимались рукоделием, конструированием, шитьем, театральным искусством и т.д. Однако, Виктория так часто болела и редко посещала занятия, что пришлось сменить направление внеурочной деятельности. С самого раннего детства у Виктории получалось неплохо рисовать, поэтому выбирать долго не пришлось.

1 сентября 1962 года в городе был открыт Дом Пионеров – муниципальное учреждение дополнительного образования детей с целью патриотического, нравственного и трудового воспитания подрастающего поколения. Дом Пионеров насчитывал за время

своего существования около 50 различных кружков и секций, среди которых была и изостудия. Именно туда и поступила Виктория Мухаметовна.

Первое время занятия в Доме Пионеров вел Анатолий Михайлович Долбня. Более 30 лет он работал архитектором отдела капитального строительства Приборостроительного завода в городе и руководил творческим объединением художников «Радуга». Для любого педагога одним из самых важных качеств является способность заинтересовать в своем предмете учеников и привить интерес к учебе. По воспоминаниям Виктории Мухаметовны занятия с Анатолием Михайловичем были очень занимательными: «*Было весело! Мы рисовали гуашью всякие забавные композиции! Каждый раз Анатолий Михайлович придумал что-то новенькое!*»

Некоторое время спустя в центральной городской библиотеке Трехгорного открылась изостудия и Анатолий Михайлович к большому сожалению его воспитанников сменил место работы. А Виктория Мухаметовна осталась заниматься во Дворце Пионеров. К работе в изостудии Дворца приступил новый преподаватель – Юрий Миронович Москвилин.

Виктория Мухаметовна вспоминает:

«*Он (Юрий Миронович – прим. авт.) посадил нас рисовать кастрюли. Но после второй кастрюли я оттуда сбежала. Я учились в третьем классе. Мы карандашом рисовали, как сейчас помню, все время по одному и тому же сценарию: тут закрась, там тень заштрихуй, здесь сотри. Ну кому это надо в третьем классе?.. В общем, так и закончилась эта карьера...»*

Но на самом деле художественная карьера Виктории Мухаметовны на этом не закончилась. Когда Виктории исполнилось девять лет, семья вернулась в Челябинск. Виктория Мухаметовна поступила в школу № 1. И история повторилась – нужно было искать дополнительные занятия после школы. Виктория Мухаметовна решила вернуться к рисованию. Через родственников семья узнала об изостудии во Дворце пионеров и школьников им. Н. К. Крупской. Эта изостудия была создана на базе художественного кружка при Доме художественного воспитания детей. С 1958 г. по 1998 г. изостудией руководил Архипцев Иван Иванович. [URL:<https://chel-dpsh.ru/>]

Сутью подхода Ивана Ивановича к обучению было не переучивание ребенка, а сохранение индивидуального творческого почерка ученика, вместе с приобретением им новых профессиональных навыков.

Иван Иванович стал организатором походов воспитанников изостудии клуба «Золотые руки» по Южному Уралу, целью которых был сбор Уральской старины. Из походов ребята привозили не только большое количество набросков и рисунков, но и старинную утварь, декоративные поделки, до сих пор используемые для натюрмортов. Сплавы по рекам Урала не только насыщали школьников новыми впечатлениями, но и воспитывали стойкость, мужество, умение нести ответственность и находить решения в сложных ситуациях.

В 1999 году по инициативе выпускников студии было присвоено имя Ивана Ивановича Архипцева.

Именно Иван Иванович стал для Виктории Мухаметовны личным героем – педагогом-наставником, повлиявшим на выбор будущей профессии.

В изостудии Дворца пионеров и школьников им. Н. К. Крупской Виктория Мухаметовна

занималась вплоть до окончания восьмого класса общеобразовательной школы.

После окончания восьмого класса Виктория Мухаметовна принимает решение поступать в Челябинское художественное училище. Объясняет свой выбор просто: «Свобода там, где есть искусство».

Родители и учителя не очень хорошо отнеслись к выбору профессии. Мама – инженер-связист, отец – электрик. С искусством в семье никто не был связан. Учителя не хотели отпускать способную ученицу после восьмого класса, советовали окончить «десятилетку», но на защиту выбора Виктории встал Иван Иванович. Он смог убедить всех, что у девочки талант и есть все шансы стать успешным художником и ей непременно следует развиваться в сфере искусства. Благодаря заступничеству и поддержке Ивана Ивановича Виктория Мухаметовна успешно преодолела вступительные экзамены и в 1980 году поступила в Челябинское художественное училище.

О студенческих годах Виктория Мухаметовна вспоминает: «Раньше было больше самостоятельности, студенты были взрослее, и в группах было гораздо больше парней. В моей группе соотношение девчат и парней было примерно равным. Хотя парой лет раньше было и такое, что группы были мужские с одной-двумя девушками. В наши дни в художественные училища в основном поступают девушки. Парни сейчас в творческих специальностях большая редкость. Но раньше это было обусловлено тем, что спрос на художников был гораздо выше. Быть художником воспринималось как нормальное мужское занятие, которое действительно могло приносить доход. Раньше и выбор профессий был не особо широким, рабочие специальности, медицина, и преподавание. Художников требовалось достаточно много. Они состояли в штате, им приходили заказы, которые они выполняли. Печатной продукции было не так уж и много. Все лозунги на предприятиях, плакаты к Новому году, афиши в кинотеатрах и т.д. рисовались художниками вручную».

Виктория Мухаметовна окончила обучение в училище в 1984 году. И с этого же года начала свою педагогическую деятельность. Устроилась на работу в ту же студию, в которой сама еще совсем недавно училась.

Немного о семейной жизни

После окончания училища поступать в высшие учебные заведения Виктория Мухаметовна не стала. В училище у Виктории Мухаметовны занятия по живописи и композиции вел Владимир Николаевич Питиримов. Педагог и выпускница пятого курса полюбили друг друга, заключили союз, которому в этом году исполнилось 40 лет! В браке у них родились двое детей – Павел и Анна. Когда дети подросли, Виктория Мухаметовна поступила в Магнитороский государственный университет. Заочно обучалась на факультете искусства и дизайна и получила специальность – учитель изобразительного искусства и черчения.

Супруг Виктории Мухаметовны – Владимир Николаевич Питиримов – родом из Челябинска, в 1979 году окончил Московский

государственный институт имени В. И. Сурикова. В настоящее время преподает в Челябинском художественном училище.

Дочь Виктории и Владимира – Анна Владимировна Питиримова – как и родители, связала свою жизнь с творчеством: окончила Санкт-Петербургскую государственную академию имени А. Л. Штиглица по специальности «Графический дизайн», живет и работает в Санкт-Петербурге.

Сын, Павел Владимирович, художником не стал, однако с творчеством все-таки связан – профессионально занимается фотографией.

Виктория Мухаметовна, Владимир Николаевич и их дочь Анна принимали участие в выставке «Отцы и дети».

В художественном училище Виктория Мухаметовна проработала год, преподавала живопись. Занятия живописью позволили развивать у будущих художников умение видеть и понимать гармонию цветовых отношений, а знание основ академической живописи, методов, приемов и техники изображения окружающего мира с различной степенью творческого обобщения позволили педагогу умело подойти к решению профессиональных художественных задач [6]. Но, поработав некоторое время с достаточно взрослыми ребятами, Виктория Мухаметовна вернулась в изостудию к работе с детьми младшего возраста.

Педагогическая деятельность

Сразу после окончания училища, Виктория Мухаметовна приступила к работе в изостудии во Дворце пионеров и школьников. Продолжила педагогические традиции, заложенные Иваном Ивановичем Архипцевым.

«Преподаю я с 1984 года. Практически всю свою сознательную жизнь. Мне всегда интересно, что именно давать детям. Искусство такое большое и объемное. Если в рамках художественной школы все понятно – реализм и точка, то в формате студии возникает вопрос: а что именно дать детям?»

Педагогическое кредо Виктории Мухаметовны: дети в своих работах решают серьезные вопросы искусства. Педагогический принцип – сотворчество: общение с воспитанником на уровне творческого сотрудничества. Студийцы участвуют в различных выставках и конкурсах рисунка и имеют высокие результаты. Их работы не только украшают Дворец пионеров и школьников, но и нередко экспонируются на других площадках города Челябинска.

Лучше всего о педагоге, наставнике, соавторе могут рассказать ученики Виктории Мухаметовны.

Колесникова Арина Викторовна – выпускница Дворца пионеров и школьников имени Н. К. Крупской 2019 года и факультета изобразительного искусства Южно-Уральского государственного института искусств им. П. И. Чайковского 2023 года.

«Я хотела поступить в художественную школу, но не получилось... Моя мама нашла изостудию во Дворце пионеров. Я занималась там год, а затем перешла в изостудию им. Архипцева, которая находилась буквально в соседнем кабинете. Именно Виктория Мухаметовна пригласила меня на занятия. Так и началось мое обучение у Виктории Мухаметовны, которое длилось более девяти лет.

Особенность подхода Виктории Мухаметовны заключается в обязательной индивидуальной работе с каждым учеником. Также она очень лояльна к ученикам. К каждому подходила индивидуально, смотрела на его сильные и слабые стороны, и что немаловажно, всегда была очень осторожна в высказываниях. Ее слова никогда не воспринимались как критика или упрек. Скорее ощущалась трепетность и искреннее желание помочь. Я никогда не чувствовала обиды, ее замечания всегда были по делу.

Виктория Мухаметовна для меня стала не только учителем, но и психологом, и духовным наставником и, в определенной степени, мамой. Виктория Мухаметовна ко всем своим ученикам относится очень трепетно и с любовью».

Лычагина Елизавета Константиновна – выпускник изостудии, готовится к поступлению в Российскую академию художеств имени И. Е. Репина:

«Питиримова Виктория Мухаметовна – уникальный в своём роде преподаватель, её подход к ученикам помогает воплотить в жизнь как творческие, так и учебные работы.

Одним из её качеств можно назвать уникальный подход к каждому из учеников в зависимости не только от его профессиональных навыков, но и темперамента. Это помогает сделать рабочий процесс интересным для детей, более комфортным и продуктивным для ребят постарше. Ещё в юном возрасте с её помощью я рисовала полноценные большие работы, некоторые из которых позже участвовали в выставках Челябинского Союза Художников.

Её стиль преподавания не идёт вразрез с взглядами учеников. Виктория Мухаметовна давала мне практически полную творческую свободу, при этом подсказывая, как грамотнее решить поставленные задачи. Например, на протяжении всего времени, что она у меня преподавала, моей основной задачей было поступить в ВУЗ, но в работе над академической композицией я всегда была свободна в выборе тем. Также одним из качеств Виктории Мухаметовны, которое меня всегда восхищало, является её способность видеть и чувствовать красоту в окружающем мире. Она всегда с трепетом и уважением относилась к форме, будь то черты человеческого лица или природные ландшафты. Она учила нас, что красота в правде, в том, что нас окружает. Любовь к такой красоте она и прививала.

Одним из самых ярких воспоминаний периода сотрудничества с Викторией Мухаметовной стал урок, на котором мы вместе просматривали альбом художников раннего Возрождения. Это очень тонкое, простое, но при этом гениальное искусство. Почти все картины построены на силуэте и ритме пятен, сохраняя иконописную наивность. Такие картины вряд ли будут интересны простому, неподготовленному зрителю, как и в первое время, были неинтересны мне. Именно Виктория Мухаметовна научила меня видеть эту простую красоту.

Ещё одним из отличительных качеств характера Виктории Мухаметовны можно назвать постоянное повышение мастерства художника. Схемы, которые рисовала нам на полях, всегда восхищали своей грамотностью и выразительностью. Но в какие-то моменты Виктория Мухаметовна училась и у своих учеников, причём как у самых маленьких, находя выразительность в наивных детских рисунках, так и у более взрослых ребят».

Большинство выпускников Питиримовой Виктории Мухаметовны продолжают свое обучение в средних специальных и высших учебных заведениях Челябинска и других городов страны, получают образование по специальностям: художник, дизайнер, искусствовед, педагог. Необходимо отметить, что в современных условиях преподавания

живописи новейшие компьютерные технологии позволяют студентам-художникам качественно сформировать перечень профессиональных компетенций, сознательный подход к дизайнерскому творчеству, понимание применения профессиональной деятельности знаний основ живописи. Стоит отметить ведущее значение современная химическая промышленность. На сегодняшний день современная химическая промышленность предоставляет художникам новейшие материалы для живописи – интерференционные краски, пигментная эмульсия которых содержит слюду, покрытую диоксидом титана, а также флуоресцентные краски, светящиеся под действием ультрафиолетового излучения [\[7\]](#).

Творчество

Виктория Мухаметовна может в полной мере называться современным художником. Во все времена искусство рассказывало о таких темах как мир, религия, мораль, выражая это все преимущественно в реалистической форме. Но с развитием искусства в целом и появлением фото и видеокамер миру потребовались новые темы и новые способы их выражения. Это освежает восприятие и позволяет по-новому взглянуть на обыденные вещи. Переосмыслить их.

«Новые идеи – новые формы. Всё-таки, мне очень важна пластическая выразительность как таковая. Особенно, когда я занимаюсь печатной графикой. В моём случае, это всегда двусторонний процесс общения с материалом. Как пинг-понг: я что-то делаю с материалом и сразу получаю отклик. И совершенно не обязательно, чтобы отклик совпадал с ожиданием. В этом «пинг-понге», взаимодействии с процессом, и рождается что-то интересное, открываются новые приёмы и новые впечатления».

Виктория Питиримова в полной мере может свободно решить творческую задачу в самых разнообразных формах художественной пластики. Для неё в равной степени характерны лаконичность и умение увидеть красоту момента, мгновения. Все образы художника свободны от повседневной суеты и наполнены значимостью мгновения жизни как вечной категории.

Экспериментируя с темой, материалом, технологией, Виктория Мухаметовна в состоянии любую житейскую «мимолётность» облечь в элегантную форму, наполненную всем спектром ярких художественных образов. В поисках наиболее точного воплощения своего замысла, Виктория Мухаметовна совмещает бархатную пастель с цветной тушью, выразительный силуэт линогравюры с ручной затиркой по трафарету, печать и аппликацию. Виктория Мухаметовна не боится экспериментов. Ради создания выразительного образа она применяет различные техники, создает необычные цвета и фактуры, сочетая в работе необычную комбинацию материалов. Тиснение по офортной бумаге, печать с трафарета с ручной затиркой листа, типографские краски и цветные карандаши. Также в ход идут различные краски и текстурные пасты, и даже лоскутки ткани.

Офорт – это техника глубокой гравюры на металле, в которой печать производится с металлической пластины под сильным давлением на специальном станке. Изображение на пластине получают способом протравливания его с помощью различных кислот. Эта техника отличается необычайным богатством изобразительных средств, способов получения изображения и возможностей для экспериментирования [\[8\]](#).

«Законы искусства в любом жанре одинаковые – композиция, цвет, контраст и пятно. И то, как художник смог преобразовать их – это и есть творчество. Меня интересует форма

как повод. Я в училище на реалистической и академической основе это все осваивала. Рисовала я хорошо, глазомер у меня был хороший. А потом стали интересны именно изменения формы. У всех в процессе развития появляется интерес к чему-то новому и интересному. Тем более есть доступ к импрессионизму, постимпрессионизму, абстракции и так далее. Мне интересно изображать немного большее, чем просто действительность. Передавать смысл картины через стилизацию формы и композицию».

Сегодня имя уральской художницы хорошо известно и в российских, и в международных художественных кругах. Викторию Мухаметовну знают как современного автора со своим изобразительным почерком. Виктория Мухаметовна лауреат многих престижных артистических форумов, член профессионального Союза художников России.

Опыт реставрации

Виктория Мухаметовна обладает и опытом реставрации.

На реставрацию Спасо-Преображенского собора на острове Валаам Викторию Мухаметовну пригласил Алексей Петрович Рудягин. Алексей Петрович – выпускник Челябинского художественного училища, учился на два курса года старше. После окончания училища Алексей Петрович поступил в Российскую академию живописи, ваяния и зодчества им. И. Глазунова, затем работал в Межобластном научно-реставрационном Художественном управлении. Он состоял в реставрационной бригаде, в которую набирали новых работников. Нужны были проверенные и надежные художники. Алексей Петрович пригласил Викторию Мухаметовну на работу по реставрации части купола, парусов и стен.

Остров Валаам, монастырский комплекс, природа Карелии вдохновили Викторию Мухаметовну на создание авторской методики печати. В диптихе «Линия воды» она совместила приёмы коллаграфии с фактурной печатью на стекле, наслаживая друг на друга полученные отиски с одной лишь целью – максимально убедительно передать глубину отражения неподвижности каменного берега в изменчивости морской поверхности. Коллаграфия относительно молодая техника эстампа. Она возникла в середине прошлого века и основана на принципе коллажа, создания печатной формы путем наклеивания на основу различных текстур или нанесения их при помощи всевозможных паст. Выразительные возможности коллаграфии зависят от следующих слагаемых: выбора основы (печатной формы); способа нанесения текстуры на основу; метода забивки краски на форму (способа высокой или глубокой печати); количества прогонов через офортный станок; количества используемых печатных форм [9]. Серия работ в этой технике была отмечена специальным призом жюри на X Международной биennale стран Балтийского моря в Калининграде в 2011 году.

Выставочная деятельность

За годы творчества работы Виктории Мухаметовны побывали более чем на 30 различных выставках. Это всевозможные биеннале и триеннале (биеннале – мероприятие, проводимое регулярно раз в два года, триеннале – мероприятие, проводимое регулярно раз в три года), международные выставки в разных городах России и Европы, а также персональные выставки.

Персональные выставки Виктории Мухаметовны – это всегда неожиданное освоение экспозиционного пространства с помощью цвета и света, объёмов и фактур, живописных плоскостей и графических объектов. Одной из важнейших персональных выставок стала выставка «Ракурсы реальности», которая проходила осенью 2016 года. Выставка

объединила в себе различные по стилю, но близкие по метафорическому языку графические и живописные циклы: «Дом» (1999), «Линия воды» (2002), «Хазарский словарь» (2012), «Парк» (2016). В экспозицию вошли около 50 произведений живописи, уникальной печатной графики, инсталляционные объекты и стеклоколлажи.

Цикл работ «Хазарский словарь» (сентябрь 2001 – февраль 2002) создан по мотивам одноименного романа сербского писателя Милорада Павича. Хазарский словарь – это сборники (всего в цикле три книги: красная, зеленая и желтая) записей о персонажах и событиях, которые упоминаются во всех трех частях, но рассказаны с разными подробностями. Центральная тема цикла – выбор религии. Автор создаёт новую мифологию, переплетая фантазию, реальные и вымышленные народные и религиозные предания.

Графические листы цикла «Хазарский словарь» представляют собой изобразительную метафору текстов Павича. Сама Виктория Мухаметовна видит связь романа и цикла своих работ в следующем:

«У Павича события происходят в однажды обозначенном неизменном жизненном пространстве хазар, но составляющие внутри меняются. В моем «Хазарском словаре» пластические составляющие неизменны (это повторяющиеся в разных контекстах офорты), но они всякий раз помещены в разные пространственные обстоятельства».

Стажировка в Финляндии

В начале 2000-х годов, когда российские художники стали чаще встречаться с зарубежными коллегами и участвовать в международных форумах искусства, Виктория Мухаметовна активно включилась в биеннальное графическое движение. В 2003 году она получила приглашение на международную стажировку в университет прикладных наук и искусств «Саймаа», которая проходила в двух городах Финляндии: Лаппеэнранта и Иматра. Университет был нацелен на развитие международных проектов и исследовательской деятельности. В международной деятельности университет ориентировался на культуру Западной Европы, Скандинавских стран, государств Европейского союза, а также России, Китая и Малайзии.

В частности, организаторы очень интересовались Россией и ее художественной школой. Университет расположен в приграничном городе, поэтому часто проводились мероприятия по обмену студентами и стажировке. Там Виктория Мухаметовна прошла курс занятий по фотополимерной гравюре. Фотополимерная гравюра – это процесс, при котором, медная пластина покрывается специальной светочувствительной желатиновой тканью, которую не нужно протравливать кислотой. Этот желатиновый слой засвечивается в ультрафиолетовом аппарате. Затем желатиновый слой растворяют в воде, и на выходе получается высококачественная пластина с глубокой печатью. Такая гравюра может воспроизводить плавные переходы и глубокие тона изображения. [\[10\]](#).

Университет обладал великолепной технологической базой: разнообразное оборудование для печати, станки для литографии, ручные и электрические офортные прессы, в целом всё, что может понадобиться для гравюры. В университете многие годы работают мастерские по печатной графике. Получить новые навыки, практику приезжают художники со всего мира. Все работы, созданные во время практикумов, по традиции остаются в коллекциях университета.

В 2003 году музей университета Саймаа пополнился работами талантливой уральской художницы – Виктории Мухаметовны Питиримовой.

Сегодня Виктория Мухаметовна – один из лучших педагогов-наставников изостудии им. Архипцева. Работает и с юными, только начинающими свой творческий путь художниками, и с ребятами постарше, которые определились с выбором будущей профессии.

Своей задачей, целью своего профессионального служения Виктория Мухаметовна считает, прежде всего, умение разглядеть в ребенке искорку творчества, которая есть в каждом художнике, не дать ей погаснуть, показать красоту художественного мира, научить основам изобразительной грамотности и вдохновить на дальнейшее творчество!

Виктория Мухаметовна становится для многих своих учеников не просто первым и любимым учителем, а именно личным героем, своим собственным примером и тягой к прекрасному содвигающим молодых людей на сложный и тернистый путь служений искусству.

Сложнейшая педагогическая работа с творческими детьми, отсутствие практики загнать всех под единый «академический» шаблон, стремление разглядеть и развить в каждом ребенке его особый талант, сочетая педагогическое служение с активной творческой деятельностью, не приносящей существенного материального дохода – является примером настоящего социального героизма в области культуры и искусства.

«Каждый мой воспитанник – это жемчужина, – говорит Виктория Мухаметовна, – хрупкая и нежная. И моя задача – убедить ребенка в том, что он может и должен творить! Видеть прекрасное в каждом мгновении жизни! Уметь это мгновение остановить, облечь в акварель, пастель тушь и гуашь и показать миру!»

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда и Челябинской области № 23-28-10278, <https://rscf.ru/project/23-28-10278/>.

** Материалы интервью с Викторией Мухаметовой Питиримовой предоставлены выпускницей факультета изобразительного искусства ГБОУ ВО «Южно-Уральский государственный институт искусств им. П. И. Чайковского» Яниной Яной Андреевной.

Приложения

Рис.1. Слева: «Отец и дочь», смешанная техника, 1998. Справа: «Мать и сын», смешанная техника, 1998.

Рис.2. «Хлопоты» из серии «Дворняги», пастель, тушь, 1998.

Рис.3. «Красная печаль» из серии «Дворняги», пастель, 1999.

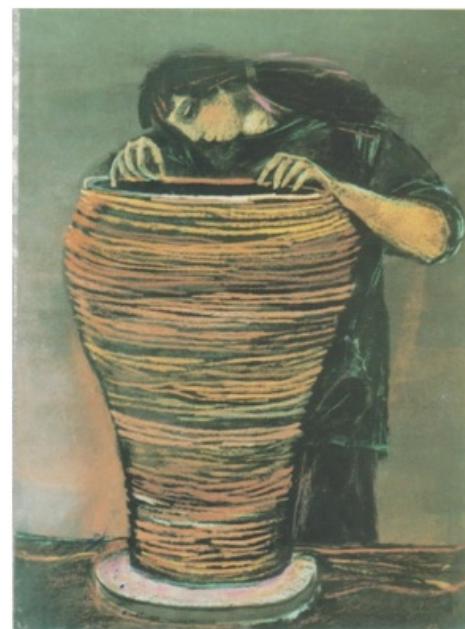

Рис.4. «Керамистка», пастель, 1998.

Рис.5. «Холм Аргази», пастель.

Рис.6. «Карлов мост», офорт, 1999.

Рис.7. Слева: «Зима» и «Весна» из серии «Времена года», офорт.

Рис.8. «Лето» и «Осень» из серии «Времена года», офорт.

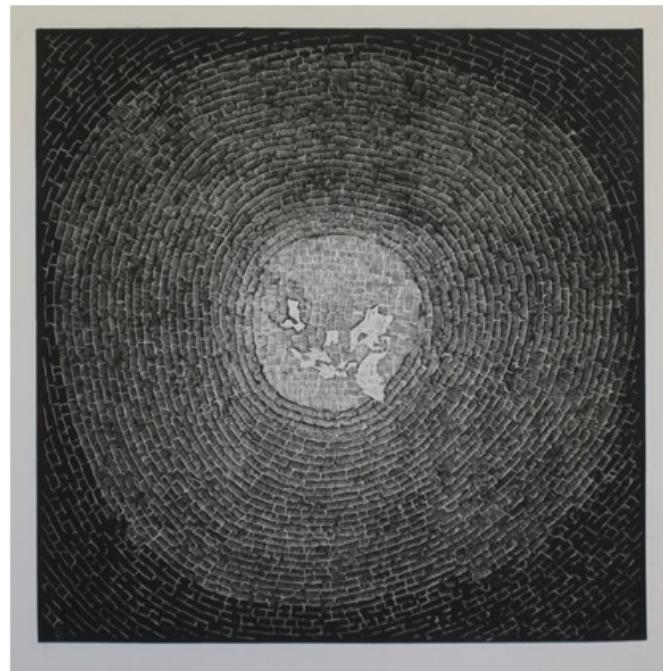

Рис.9. «Свод», линогравюра.

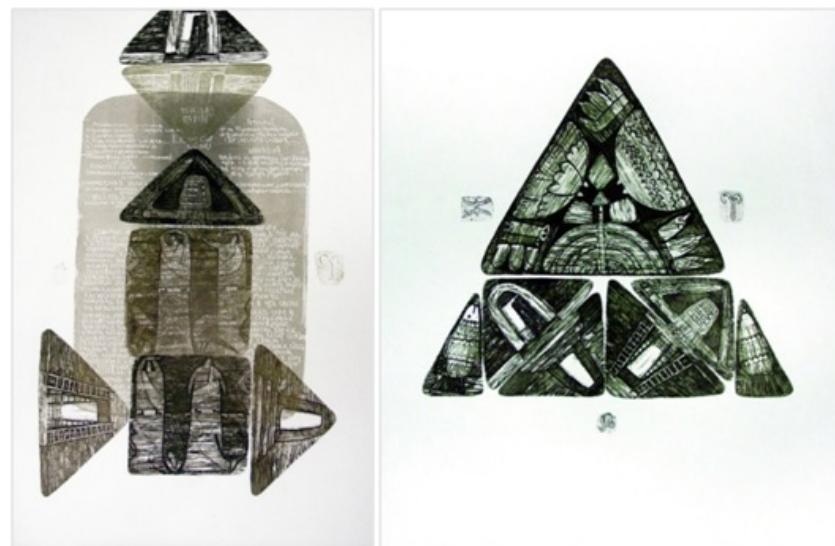

Рис.10. «Страницы» из цикла «Хазарский словарь», офорт.

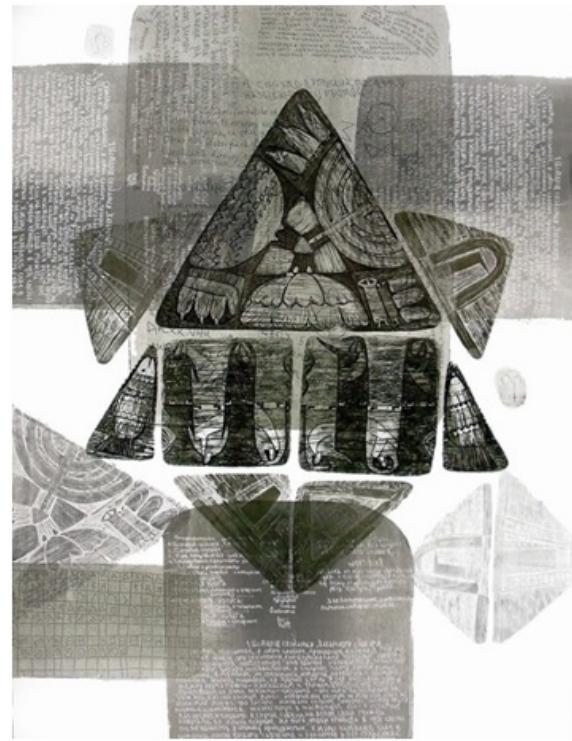

Рис.11. «Желтая книга. Звезда Давида» из цикла «Хазарский словарь», офорт.

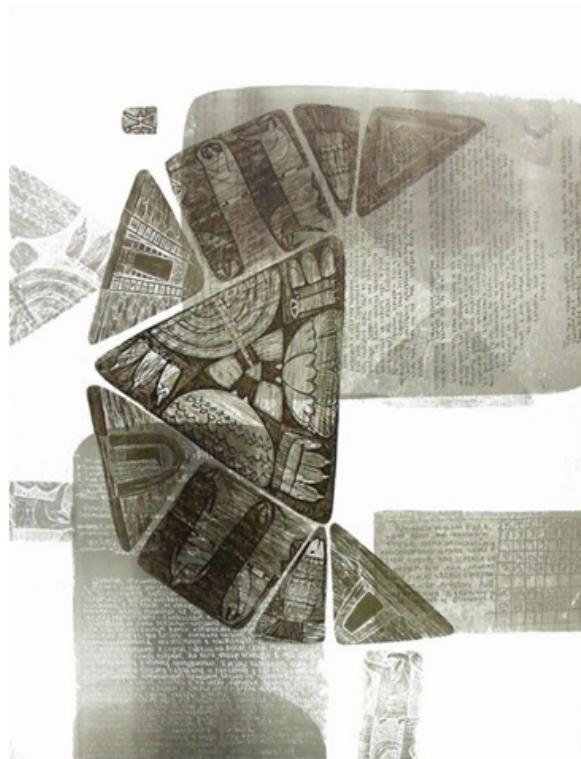

Рис.12. «Зеленая книга. Месяц» из цикла «Хазарский словарь», офорт

Рис.13. «Красная книга. Рыба из цикла «Хазарский словарь», офорт

Рис.14. «Развод» или «Женщина с треугольником. Мужчина с квадратом», офорт.

Библиография

- Плахов, В. Д. Герои и героизм: опыт современного осмысления вековой проблемы: монография. – СПб.: КАРО, 2008. – 239 с.
- Тилляев, Б. А. Герой и героизм: этические аспекты взаимодействия // Молодой ученый. – 2014. – № 3. – С. 1103-1105.
- Таскаева, А. В. «Герой труда» в концептуальной системе русского человека // Вестник Челяб. гос. ун-та. Серия: Филология. Искусствоведение. – 2013. – № 37 (328). – С. 104-107.
- Таскаева, А. В., Кучер Н. Ю. «Выдающийся деятель культуры и искусства» в героической парадигме национальной языковой картины мира // На пересечении языков и культур. Актуальные вопросы гуманитарного знания. 2023. № 2 (26). С. 114-120.
- Таскаева, А. В. Личный герой: особенности конкретизации героического // Когнитивные исследования языка. – 2020. – № 2 (41). – С. 975-979.
- Серов Петр Евгеньевич Преподавание живописи будущим художникам традиционного прикладного искусства // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2009. №112. С. 186-189.

7. Чжао Синьсинь. Методика преподавания масляной живописи в вузах XXI века // Педагогический журнал. 2022 Т. 12 № 3А. С. 278-283.
8. Зотова В. В. Художественные возможности офпорта в качестве книжной иллюстрации на примере творчества Альбина Бруновского // Вестник МГУП. 2011. №6. С. 476-479.
9. Саяпина Е. И., Устрицкая Н. А. Техника коллаграфии в контексте современных методов обучения эстампу в системе подготовки бакалавров художественно-графического факультета // Интернет-журнал «Мир науки» 2017, Том 5, №2 <http://mir-nauki.com/PDF/61PDMN217>
10. Мартынов В. В. Современные концепции влияния инновационных технологий на искусство печатной графики // МНКО. 2014. №6 (49). С. 442-444.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

«От героев былых времён не осталось подчас имён» - эти строчки передают, с одной стороны, значимость героев для нашего общества, а с другой глубокую скорбь о тех людях, которые к сожалению уходят из памяти новых поколений. А ведь герои и героизм как феномен несут важную воспитательную миссию, неслучайно именно на героев равняются подростки и молодёжь. Но печально не только то, что мы не помним имена героев прошлых времён, к сожалению мы часто не замечаем и наших современников. Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой является биография живописца и графика Виктории Мухаметовны Питиримовой. Автор ставит своими задачами проанализировать художественную карьеру и педагогическую деятельность Питиримовой, а также показать ее семейную жизнь.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает биографический метод, в основе которого находится анализ образа жизни индивида и происходящих на протяжении его жизни социальных процессов.

Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор стремится охарактеризовать героизацию в профессиональной деятельности на примере биографии В.М. Питиримовой.

Рассматривая библиографический список статьи как позитивный момент следует отметить его разносторонность: всего список литературы включает в себя 10 различных источников и исследований. Из привлекаемых автором трудов отметим работы В.Д. Плахова, Б.А. Тилляева, А.В. Таскаевой, в центре внимания которых различные аспекты изучения феномена героя и героизации. Заметим, что библиография обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по ее теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как феноменом героя в целом, так и героями-профессионалами, в частности. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определённой логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что «жизненный и творческий путь Питиримовой Виктории Мухаметовны наглядно показывает значение педагога в жизни каждого человека, а также влияние наставника на дальнейшую творческую судьбу воспитанника». Изостудией, которую посещала Питиримова, руководил И.И. Архипцев, ставший «для Виктории Мухаметовны личным героем – педагогом-наставником, повлиявшим на выбор будущей профессии». В работе показано педагогическое кредо Питиримовой: «дети в своих работах решают серьезные вопросы искусства». На различных примерах автор показывает, что «Виктория Мухаметовна становится для многих своих учеников не просто первым и любимым учителем, а именно личным героем, своим собственным примером и тягой к прекрасному содвигающим молодых людей на сложный и тернистый путь служений искусству».

Главным выводом статьи является то, что «сложнейшая педагогическая работа с творческими детьми, отсутствие практики загнать всех под единый «академический» шаблон, стремление разглядеть и развить в каждом ребенке его особый талант, сочетая педагогическое служение с активной творческой деятельностью, не приносящей существенного материального дохода – является примером настоящего социального героязма в области культуры и искусства».

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, снабжена 14 работами В.М. Питиримовой, а ее материалы могут быть использованы при осмыслиении феномена героя.

К статье есть отдельные замечания: скорее по тематике ее можно отнести к журналу «Культура и искусство», в тесте имеются опечатки.

Однако, в целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале «Genesis: исторические исследования».

Англоязычные метаданные

The image of Russian Pan-Slavism in the last third of the XIX century: historiography of the issue and the assessment issue

Koloskov Evgenii Andreevich

PhD in History

Associate Professor of Department of Theory and History of IR, St. Petersburg State University School of International Relations

191060, Russia, Saint Petersburg region, Saint Petersburg, Smolny St., entrance No. 8, of. entrance No. 8

 eakoloskov@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the image of Russian Pan-Slavism in the last third of the XIX century. The subject of the study is the explanation of the phenomenon of Russian Pan-Slavism in the main works of domestic and foreign historiography of the XX-XXI centuries. An attempt has been made to trace the change in the assessment of the relationship between Russian Pan-Slavism in the last third of the XIX century with the later idea of Slavic reciprocity through the prism of perception of Russian/USSR foreign policy. In the framework of this study, the author distanced himself from attempts to compare it with the idea of Slavic (or Orthodox reciprocity) as vectors of foreign policy.

The main conclusions of this study are the affirmation that domestic tradition remains a desire to separate Pan-Slavism, Slavophilism, the idea of Slavic and Orthodox reciprocity; in the foreign tradition, authors tend to trace the continuous genesis from the middle of the XIX century and to this day, they often associate very different political and social views in their structure within the framework of the single term "Pan-Slavism".

Keywords: Stalin, USSR, Foreign Policy, historiography, international relations, national stereotypes, image of Russia, Slavic reciprocity, Pan-Slavism, Engels

References (transliterated)

1. Aksakov K.S. Gosudarstvo i narod. M.: Institut russkoi tsivilizatsii, 2009. 608 s.
2. Benesh E. Edinstvo slavyanskikh narodov-fundament mira v Evrope // Slavyane. 1946. № 5. S. 26.
3. Boldin V.A. Panslavistskie politicheskie kontseptsii: genezis i evolyutsiya. M.: Akvilon, 2018. 376 s.
4. Borozdin I. Moskva i slavyanstvo // Slavyane. 1947. № 8. S. 54-57.
5. Volkov V.K. K voprosu o proiskhozhdenii terminov "pangermanizm" i "panslavizm" // Slavyano-germanskie kul'turnye svyazi i otnosheniya. M.: Nauka, 1969. S. 25-70.
6. Vseslavianskii miting v Moskve: vystupleniya predstavitelei slavyanskikh narodov na vseslavianskom mitinge, sostoyavshemsha 10-11 avgusta 1941 g. M., 1941. S. 9.
7. Grigor'eva A.A. Panslavizm: ideologiya i politika: 40-e gody XIX-nachalo XX vv. Dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata istoricheskikh nauk / Irkutskii gosudarstvennyi universitet. Irkutsk, 2010.
8. Grigor'eva A.A. Balkanskaya politika Rossii i panslavizm v 80-e gody XIX-nachale KhKh veka // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. 2012. № 6-1 (20). S. 78-82.
9. Gundorov A. Tretii vseslavianskii kongress v Amerike // Slavyane. 1946. № 10. S. 6-

12.

10. Dzhilas M. Litso totalitarizma. M.: Novosti, 1992. 544 c.
11. Dronov A.M. Politicheskii panskavizm v sovremennoi Rossii // Gumanitarnye osnovaniya sotsial'nogo progressa: Rossiya i sovremennost'. Sbornik statei Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Tom Chast' 5. M., 2016. S. 177-183.
12. Dugin S. Konspirologiya (nauka o zagovorakh, sekretnykh obshchestvakh i tainoi voine). M.: ROF "Evraziya", 2005. 571-573, 600. 624 s.
13. D'yakov V.A. Slavyanskii vopros v obshchestvennoi zhizni dorevolyutsionnoi Rossii. M., 1993. 207 c.
14. Kazarinova D.B. Panslavizm dlya sovremennoi Rossii: istoricheskaya utopiya ili geopoliticheskii vyzov? Razmyshlyaya nad knigoi B.A. Prokudina «Panslavizm v istorii politiki i mysli Rossii XIX veka». M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2018. 218 s. // Vestnik RUDN. Seriya: Politologiya. T. 20 №. 4. S. 624-629.
15. Kasatkin K.A. «Opty slovoistolkovatelya Ottomanskoi imperii...» I. P. Liprandi i obraz Omsanskoi imperii v rossiiskom narrative pervoi – tret'ei chetverti XIX v.». Dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata istoricheskikh nauk. SPb., 2022.
16. Kikeshev N.I. Slavyanskoe dvizhenie v SSSR: 1941-1948 gody. Moskva. 2008. 605 c.
17. Kovtunenko M.K. Razvitie panskavizma v Rossiiskoi Imperii v nachale KhKh veka // Istoricheskie dokumenty i aktual'nye problemy arkheografii, istochnikovedeniya, otechestvennoi i vseobshchei istorii novogo i noveishego vremeni. Sbornik tezisov dokladov uchastnikov Tret'ei mezhdunarodnoi konferentsii molodykh uchenykh i spetsialistov «Clio-2013». S. 184-189.
18. Kovtunenko M.K. Teoretiko-metodologicheskie osnovaniya issledovaniya russkogo panskavizma // SCHOLA-2012: Sbornik nauchnykh statei fakul'teta politologii Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta imeni M.V. Lomonosova. S. 22-26.
19. Kovtunenko M.K. «Vostochnyi vopros» v tvorchestve I.I. Dusinskogo // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskie nauki, izdatel'stvo Izd-vo Mosk. un-ta, 2012, № 4. S. 102-104.
20. Kovtunenko M.K. Proekt federativnogo vseslavianskogo gosudarstva v tvorchestve I.I. Dusinskogo // Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Politika v tekstakh — teksty v politike: nauka istorii idei i uchenii». S. 255-256.
21. Kupriyanov V. A., Malinov A. V. Akademik V. I. Lamanskii. Materialy k biografii i nauchnoi deyatel'nosti. SPb.: Dmitrii Bulanin, 2020. 560 s.
22. Lamanskii V. I. Geopolitika panskavizma. M.: Institut russkoi tsivilizatsii, 2010. 928 c.
23. Mikhailov A. A. Ocherki po istorii slavyanofil'stva 40-50-kh godov (panslavistskie tendentsii v rannem slavyanofil'stve): tezisy k dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni k.i.n. L., 1939.
24. Myrikova A. V., Prokudina E.K. K voprosu o sushchnosti panskavizma // SCHOLA – 2007 : sb. nauch. st. filosofskogo fakul'teta MGU. M. : Izdatel' Vorob'ev A. V., 2007. S. 24-28.
25. Myrikova A.V., Shirinyants, A.A. V Rusofobskii mif «panslavizma» // Aktual'nye problemy sovremennoi rossievedeniya: sb. nauch. st. M. : Izdatel' Vorob'ev A. V., 2007. S. 240-244.
26. Narochnitskaya N.A. Rossiya i russkie v mirovoi istorii. M., 2005. 534 c.
27. Ob institute // Institut slavyanovedeniya Rossiiskoi akademii nauk URL: <https://inslav.ru/page/ob-institute>
28. Pavlenko O.V. Panskavizm // Slavyanovedenie. 1998. № 6. S. 43-60.

29. Pavlenko O.V. Panslavizm i ego modeli // Novaya i noveishaya istoriya. 2016. № 5. S. 3-15.
30. Pavlenko O.V. Mif o panslavizme v zapadnoi istoriografii perioda Kholodnoi voiny // Vestnik RGGU. Seriya «Politologiya. Iстория. Mezhdunarodnye otnosheniya. Zarubezhnoe regionovedenie. Vostokovedenie». 2017. № 4 (10), ch. 1. C. 9-15.
31. Pavlenko O.V. Slavyanskii faktor v ideologii i vneshnei politike Rossiiskoi imperii i monarkhov Gabsburgov (1830-e-1914 gg.). Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni doktora istoricheskikh nauk / Institut vseobshchey istorii RAN. Moskva, 2023.
32. Pogodin M. P. Vechnoe nachalo. Russkii dukh. M.: Institut russkoi tsivilizatsii, 2011. 832 s.
33. Pokrovskii M. I. Panslavizm na sluzhbe imperializma // Pravda. 1927, № 142, 26 iyunya. S. 1.
34. Progudin V.A. Slavyanofil'stvo i formirovanie russkogo panslavizma // SHOLA-2006: Sbornik nauchnykh statei filosof-skogo fakul'teta MGU.-"Sotsial'no-politicheskaya mysl'" Moskva, 2006. S. 203-208.
35. Repnikov A.V. Konservativnaya kontseptsiya rossiiskoi gosudarstvennosti. M.: MNU «Signal'''», 1999. 172 c.
36. Rokina G.V. Iz istorii traktovki termina «panslavizm» v rabotakh otechestvennykh i zarubezhnykh avtorov XIX veka // Zapad-Vostok. 2010. № 3. S. 92-102.
37. Stalin — Kaganovichu 5 avgusta 1934 g. // Stalin i Kaganovich. Perepiska. 1931-1936 gg. Moskva: ROSSPEN, 2001. URL: <https://istmat.org/node/35446>
38. Stalin I.V. O stat'e Engel'sa «O vneshnei politike russkogo tsarizma» // Cochineniya. T. 14. M.: Izdatel'stvo "Pisatel'", 1997. S. 18-23.
39. Stalin I. O stat'e Engel'sa «O vneshnei politike russkogo tsarizma» // Bol'shevik. 1941. № 9. S. 1-5.
40. Engel's F. Bor'ba v Vengrii // Marks K. i Engel's F. Sochineniya. T.6. M.,1957. S.175-186.
41. Engel's F. Vneshnyaya politika russkogo tsarizma // Skepsis. URL: https://scepsis.net/library/id_757.html
42. Engel's F. Demokraticheskii panslavizm // Marks K. i Engel's F. Sochineniya. T.6. M.,1957. S. 289-306.
43. Engel's F. Pis'mo k Ioan Nadezhde // Bol'shevik № 13-14. 31 iyulya 1934. S. 84-90.
44. Tarasov B. Voennaia strategiya Rossii. Evraziiskii aspekt // Nash sovremennik. 1992. № 12. S. 112-117.
45. Khomyakov A. Vsemirnaya zadacha Rossii. M.: Institut russkoi tsivilizatsii, 2011. 724 c.
46. Tuzova O.V. Zhurnal «Slavyane» v strukture vneshnepoliticheskoi «myagkoi sily» v slavyanskom dvizhenii v gody Velikoi Otechestvennoi voiny 1941-1945 godov: muzykal'no-kul'turnyi aspekt // Nauchnyi dialog. 2020;(6). S. 474-489.
47. Tsimbaev N.I. Slavyanofil'stvo. Iz istorii russkoi obshchestvenno-politicheskoi mysli XIX v. M., 1986. 446 c.
48. Churkina I.V. Rossiya, slavyanofily i zarubezhnye slavyane. M.: Indrik, 2020. 368 s.
49. Arendt N. The Origins of Totalitarianism. New York, 1951. 576 p.
50. Bradley J.F.N. Czech Pan-Slavism before the First World War // The Slavonic and East European Review. 1961. Dec. Vol. 40. № 94. Pp. 184-205.

51. Bradley J.F.N. Czech Nationalism in the Light of French Diplomatic Reports. 1867–1914 // The Slavonic and East European Review. 1963. Dec. Vol. 42. № 98. Pp. 38-53.
52. Fadner F. Seventy Years of Pan-Slavism in Russia: From Karamzin to Danilevsky. 1800–1870. Washington, 1962. 429 p.
53. Levine L. Pan-Slavism and European Politics // Political Science Quarterly, Vol. 29, No. 4 (Dec., 1914). Pp. 664-686.
54. Kohn H. Nationalism in the Soviet Union. New York: Columbia University Press, 1933. 178 p.
55. Kohn H. Pan-Slavism and World War II // The American Political Science Review. Vol. 46, No. 3 (Sep., 1952). Pp. 699-722.
56. Kohn H. Pan-Slavism: Its History and Ideology. Notre Dame: University of Notre Dame Press, 1953. 356 p.
57. Riasanovsky N.V. Russia and the West in the Teaching of the Slavophiles. A Study of Romantic Ideology. Cambridge, 1952. 244 p.
58. Petrovich M.B. The Emergence of Russian Panslavism, 1856–1870. New York, 1956. 312 p.
59. Pan-Slavism and Slavophilia in Contemporary Central and Eastern Europe: Origins, Manifestations and Functions / ed. by M. Suslov, M. Čejka, V. Đorđević. Palgrave Macmillan, 2023. 455 p.
60. Post-Panslavismus: Slavizität, Slavische Idee und Antislavismus im 20. und 21. Jahrhundert (Moderne europäische Geschichte 9) / Karl L., Troebst S., Gąsior A. Göttingen, 2014. 487 s.
61. Seton-Watson H. The Russian Empire 1801–1917. Oxford, 1967. 813 p.

"The council was a conflict commission, not a governing body".

Activities of the Council of Curators of Suburban Palaces and Museums.

Bondarev Sergei Viktorovich

PhD in History

Postgraduate student, Saint Petersburg Institute of History of Russian Academy of Sciences; Head of department "Grand Palace", State Museum-Reserve Peterhof.

197110, Russia, Saint Petersburg, Saint Petersburg, Petrozavodskaya str., 7

✉ bondarev_ml@mail.ru

Abstract. The subject of the study is the Council of Curators of Suburban Palace Museums. In mid-1918, under the People's Commissariat of Education, the Council of Suburban Leaders was created in order to consolidate efforts to transform the royal residences into museums. The guardians of Peterhof, Tsarskoe Selo, Gatchina, and Pavlovsk palaces decided at meetings numerous issues regarding the future of the royal palaces. The author examines in detail such aspects as the problems of the daily activities of the suburbs, reforms in the management of palace-museums. Particular attention is paid to the following areas of the Council's activities: the authorities' claims to the property of former residences, personnel issues, problems of financing, security, etc. The methodological basis of the study is the principles of historicism, objectivism and systematic scientific analysis. The main conclusion of the study is the determining role of the Council in relation to state policy to create a unified management body for palaces and museums. The Council was a platform for expressing the public position of

representatives of the intelligentsia. The curators openly discussed with cultural officials about the future structure of the palace-museums. The novelty of the study lies in the fact that for the first time an attempt has been made to analyze the activities of the Council of Curators of Suburban Palaces and Museums. Despite the lack of authority to make independent decisions, the Council was able to prove to the authorities the need to separate palace-museums into a separate group of art-historical organizations. And also achieve the creation of a separate government body to centralize the management of the suburbs.

Keywords: Gatchina, Tsarskoe Selo, Peterhof, imperial residences, palace museum, royal palaces, Council of Guardians, public opinion, Leningrad, Petrograd

References (transliterated)

1. Bott I. K. G. K. Lukomskii – khranitel' Tsarskose'l'skogo proshlogo // Khraniteli: Materialy XI Tsarskose'l'skoi nauchnoi konferentsii. SPb.: GMZ «Tsarskoe selo», 2005. S. 188-203.
2. Zelenyanskaya Yu. V. Muzeinaya istoriya v arkhivnykh dokumentakh. K voprosu o deyatel'nosti Petergofskogo dvortsovogo upravleniya (Upravleniya Petergofskimi dvortsami-muzeyami) v 1917-1924 godakh // Muzei Rossii kak peredovaya oborony otechestvennoi kul'tury v XX — nachale XXI veka: Materialy XXVI Fevral'skikh muzeinykh chtenii pamyati S. S. Geichenko (14-17 fevralya 2023 goda). Sel'tso Mikhailovskoe: Pushkinskii Zapovednik, 2023. S. 126-150.
3. Zubov V. P. Stradnye gody Rossii: Vospominaniya o revolyutsii (1917–1925) / Sost., podgot. teksta, vstup. st. i komment. T. D. Ismagulovoi. M., 2004. 319 s.
4. Kal'nitskaya E. Ya. Vremya pervykh ... // Vek restavratsii prigorodnykh dvortsov: tragediya i triumf: K 100-letiyu muzeinoi zhizni byvshikh tsarskikh rezidentsii: Sbornik statei po materialam nauchno-prakticheskoi konferentsii GMZ «Petergof». SPb.: GMZ «Petergof», 2019. S. 20-36.
5. TsGALI SPb. F. R-36. Op. 1. 1924 g. D. 205.
6. Mel'nikova N. V. F. G. Berenshtam — pervyi khranitel' petergofskikh dvortsov-muzeev // Khraniteli: Materialy XI Tsarskose'l'skoi nauchnoi konferentsii. SPb.: GMZ «Tsarskoe selo». S. 203-215.
7. TsGA SPb. F. R-2555. Op. 1. 1922 g. D. 486.
8. OMAK. F. 130. Op. 1. 1922 g. D. 4.
9. OMAK. F. 130. Op. 1. 1924 g. D. 6.
10. TsGALI SPb. F. 29. Op. 1. 1919 g. D. 201.
11. TsGALI SPb. F. R-36. Op. 2. 1918-1925 gg. D. 2.
12. TsGALI SPb. F. R-36. Op. 2. 1918 g. D. 3.
13. Tal'zi O. A. Pavlovsk. Bol'shoi dvorets, 1920-le // Atributsiya, istoriya i sud'ba predmetov iz imperatorskikh kollektsi: sbornik dokladov nauchnoi konferentsii Kuchumovskie chteniya. SPb.: GMZ «Pavlovsk», 2023. S. 294-308.
14. Tret'yakov N. S. K 90-letiyu muzeefiksatsii prigorodnykh dvortsov g. Sankt-Peterburga // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istorya. 2009. Vyp. 1. S. 265-268.
15. Khodasevich G. D. «Vo Dvortse, traktuemom kak muzei...»: G. K. Lukomskii v Tsarskom Sele // Khraniteli: Materialy XI Tsarskose'l'skoi nauchnoi konferentsii. SPb.: GMZ «Tsarskoe selo», 2005. S. 178-188.
16. Tsyrkina G. I. Deyatel'nost' prigorodnykh dvortsov-muzeev Petrograda-Leningrada v 1918-1929 gg. // Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta. 1975. Vyp. 2.

S. 65-74.

17. Shekhurina L. D. G. K. Lukomskii v istorii otechestvennogo muzeinogo dela (1907-1919) // Vtoraya zhizn' muzeya: Vozrozhdenie utrachennogo i voploschchenie nerealizovannogo. SPb.: Izdatel'stvo SPbGUKI, 2012. S. 82-88.
18. Shutilova A. O. Stanovlenie sistemy muzeinogo ucheta 1917-1938 // Gorod Pushkin. Dvortsy i lyudi. SPb, 2015. S. 6-22.
19. Shutilova A. O. Tsarskoye dvortsy v pervye gody sovetskoi vlasti // Muzei i revolyutsiya 1917 goda v Rossii: sud'ba lyudei, kollektiv, zdani (iz tsikla «Muzei i voina»): sbornik dokladov vserossiiskoi konferentsii (Ekaterinburg, 15-17 noyabrya 2017 g.). Ekaterinburg, 2017. S. 191-196.
20. Benson A. The Russian Revolution and The Burlington Magazine: A letter from Alexander Polovtsov // Burlington Magazine. 1919 Vol. 34. Pp. 160-161.
21. Polovtsoff A. Les Tresors d'Art en Russie sous le regime Bolshevik. Paris, 1919.

Leningrad's Transport Infrastructure and Socio-economic Changes in the Life of the City in the 1950s – 1960s.

Yarmolich Fedor Kuz'mich

PhD in History

Researcher, St. Petersburg AI RAS

183456, Russia, Saint Petersburg, ul. Zhukova, 1

 f.k.1985@mail.ru

Abstract. The article considers urban road infrastructure as one of the factors of socio-economic everyday life of a person. Based on the materials of Leningrad in the 1950s – 1960s, it is studied how the city's transport system was influenced by the settlement of the city center, the reform of working hours and population growth, the problems faced by the city's transport network and the mechanisms for their solution are demonstrated. The degree of effectiveness of overcoming the existing problems in the road and logistics infrastructure of the city is being clarified. Historical-genetic, historical-comparative and retrospective methods are used to solve the tasks set in the article. The analysis carried out in the article demonstrated that despite the considerable efforts of the city authorities, they failed to create an efficient road transport network. The desire of the federal and municipal authorities of Russia to resolve this issue, quite often in cities with a million population does not lead to the desired result. Conducted on the materials of Leningrad 1950 – 1960s, historical analysis shows that, in solving this problem, it is necessary to take into account many factors, both demographic and social. But even under these conditions, as the historical experience of Leningrad showed, when the city authorities made significant efforts to create an extensive road and transport network, logistical problems were not overcome. Therefore, historical experience and modern realities indicate the need to develop new, more effective theoretical models for organizing the movement of the city's population.

Keywords: road, leningradets, citizen, city, urban space, transport problem, settlement policy, free time, road infrastructure, Leningrad

References (transliterated)

1. Brodel' F. Sredizemnoe more i sredizemnomorskii mir v epokhu Filippa II: V 3 ch. Ch.2:

- Kollektivnye sud'by i universal'nye svigii / Per. s fr. M.A. Yusima. M., 2003.
2. Barkova E.A. Problema zatrat vremeni naseleniya na transportnye svyazi pri gruppovom razvitiu naseleennykh mest // Gradostroitel'stvo. Sbornik nauchnykh trudov. K XXIII mezhdunarodnomu geograficheskому kongressu / pod red. F.M. Listengurta. M., 1976.
  3. Verizhnikov S.M. Industrial'noe zhilishchnoe stroitel'stvo v Leningrade. Domostroitel'nye kombinaty. L., 1960.
  4. Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv nauchno-tehnicheskoi dokumentatsii Sankt-Peterburga (dalee TsGANTD SPb). F. 386. Op. 3-3. D. 26.
  5. TsGANTD SPb. F. 386. Op. 3-3. D. 26.
  6. Ocherki istorii Leningrada. Tom shestoi. Leningrad v period zaversheniya stroitel'stva sotsializma i postepennogo perekhoda k kommunizmu. 1946 – 1965 gg. L., 1970.
  7. TsGANTD SPb. F. 386. Op. 3-2. D. 5.
  8. Gorod i transport // Leningradskaya Pravda. 21 dekabrya 1960 g.
  9. Lisovskii V.G. Gorod bez okrain. Raiony novostroek Leningrada. L., 1974.
  10. Tekhniko-ekonomicheskie osnovy proekta general'nogo plana razvitiya Leningrada. Razdel: Transportnye usloviya rasseleniya. 1959 g. // TsGANTD SPb. F. 386. Op. 3-3. D. 25.
  11. Protokol №3 zasedaniya plenuma Leningradskogo gorodskogo komiteta KPSS ot 5 oktyabrya 1966 g. // Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv istoriko-politicheskikh dokumentov Sankt-Peterburga. F. 25. Op. 100. D. 16.
  12. Organizatsiya obsluzhivaniya naseleniya 1963 g. // TsGANTD SPb. F. 386. Op. 3-3. D. 43.
  13. Zengbush M.V. Vliyanie obshchegorodskogo tsentra na rasselenie i transport v krupnykh gorodakh / Arkhitektura i gradostroitel'stvo (Voprosy teorii i istorii arkitektury, arkitekturnogo proektirovaniya, arkitekturnykh konstruktsii, gradostroitel'stva, arkitekturnoi grafiki i gorodskogo transporta). Doklady k XXIV nauchnoi konferentsii. L., 1966.
  14. Litovka O.P. Problemy prostranstvennogo razvitiya urbanizatsii. L., 1976.

Volosts of Belya in 16th-17th centuries: historical-geographical characteristic of the region on the Western border of The Russian State

Stepanova Iuliia

PhD in History

Senior researcher, Institute of World History of Russian Academy of Science

119334, Russia, Tver, Trekhsvyatskaya str., 16/31, office 207

 m000142@mail.ru

Abstract. The article presents the results of a historical and geographical study of the townships of Belya in the XVI-XVII centuries. The objectives of the study included mapping the Belsky volosts and borders of the Belsky district on a modern geographical basis, studying their transformation in the XVI-XVII centuries. The main sources of the study are the materials of scribal descriptions of the Belsky and adjacent Toropetsky and Rzhevsky counties of the XVI-XVII centuries. The work was carried out using geoinformation technologies. A complete localization of the toponymy of the censuses of the Belsky, Rzhevsky, Toropetsky counties of the XVI-XVII centuries was made, which made it possible to map in detail the

volosts of the county and its territory as a whole. Scribal descriptions allowed us to get an idea of the transformation of the territory of the Belsky Uyezd. The idea of the territory of the Belsky volosts in the period after their entry into the Russian state at the beginning of the XVI century was obtained. In the first half of the XVI century, the Toropets volosts of Rozhnya and Bibirevo were transferred to Belya. In the second half of the 1560s, part of the Belsky Uyezd became part of the Rzhev Volodimerov Uyezd in connection with the formation of oprichnoi land ownership. After the Time of Troubles, the Polish-Russian border was established along the border of Toropetsky, Rzhevsky and Zubtsov counties with Belsky volosts. After the annexation of Belya to the Russian state and the transfer to Rzheva Volodimerova of the former possession of the Catholic Church in the Zhukopov parish, the Belsky district acquired the outlines preserved in the XVIII century. Part of the territory of the county, as a result of confiscations from the Catholic Church and secular landowners, passed into the category of palace lands. However, the largest share of the territory of the county remained in the possession of the Smolensk and Belsky gentry.

Keywords: map, land ownership, nobility, 17th century, Russia, Polish-Lithuanian Commonwealth, localization, border, volost', uyezd

References (transliterated)

1. Rogachevskii A. L. Gorodskoe pravo kak instrument kolonizatsii (na primere Smolenskogo voevodstva Rechi Pospolitoi v XVII v.) // Uchenye zapiski yuridicheskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta. 2017. Vyp. 44–45 (54–55). S. 141–143.
2. Kupisz D. Smolensk 1632–1634. Warszawa: Dom Wydawniczy Bellona, 2001. 133 pp.
3. Shelamanova N.B. Dokumenty gosudarstvennykh mezhevanii 30–40-kh godov XVII v. // Arkheograficheskii ezhegodnik za 1971 god. 1972. S. 161–172.
4. Mal'tsev A.N. Rossiya i Belorussiya v seredine XVII veka. M.: Izd-vo MGU, 1974. 256 s.
5. Malov A.V. Russko-pol'skaya voyna 1654–1667 gg. M.: Tseikhgauz, 2006. 47 s.
6. Sbornik imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obshchestva. SPb.: Tip. F. Eleonskogo i K°, 1882. T. 35: Pamyatniki diplomaticeskikh snoshenii drevnei Rossii s derzhavami inostrannymi. 870 s.
7. Akty, otnosyashchiesya k istorii Zapadnoi Rossii. SPb.: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoi E.I.V. Kantseliarii, 1848. T. II. 444 s.
8. Temushev V.N. Pervaya Moskovsko-litovskaya pogranichnaya voina: 1486–1494. M.: Kvadriga, 2013. 240 s.
9. Vodarskii Ya.E. Naselenie Rossii v kontse XVII – nachale XVIII veka (chislennost', soslovno-klassovyи sostav, razmeshchenie). M.: Nauka, 1977. 265 s.
10. RGADA. F. 1209. Op. 1, ch. 1. D. 596.
11. Russkii biograficheskii slovar' / izd. pod nablyudeniem pred. Imp. Rus. ist. o-va A. A. Polovtsova. SPb.: Imp. Rus. ist. o-vo, 1916. T. 7.
12. RGADA. F. 1209. Op. 1, ch. 1. D. 597.
13. RGADA. F. 396. Op. 2, ch. 5. D. 3598.
14. Frolov A.A. Pistsovaya pripravochnaya kniga 1588–1589 godov uezda Rzhev'y Volodimerovoi (polovina knyazya Dmitriya Ivanovicha). M.; SPb.: Al'yans-Arkheo, 2014. 488 s.
15. Got'e Yu.V. Zamoskovnyi krai v XVII veke: Opyt issledovaniya po istorii ekonomicheskogo byta Moskovskoi Rusi. M.: Sotsekgiz, 1937. 411 s.

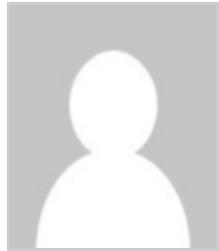
16. Pistsovaya kniga Toropetskogo uezda pis'ma Aleksandra Davydovicha Ul'yanina i Timofeya Stepanova syna Bibikova // Pistsovye knigi Novgorodskoi zemli. T. 4: Pistsovye knigi Derevskoi pyatiny 1530-kh – 1540-kh gg. / sost. K.V. Baranov. M., Drevlekhranilishche, 2004. S. 501–682.
17. RGADA. F. 1354. Op. 446. Ch. 1 (alfavit № 197).
18. Spetsial'naya karta Zapadnoi chasti Rossiiskoi Imperii, sostavленная и гравированная в 1/420000 долю настоящими величинами при Военно-Топографическом Депо, во времена управления генерал-квартирмейстера Найдгарты под руководством генерал-лейтенанта Шуберта, 1832. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.etomesto.ru/map-shubert-10-verst/>.
19. Topograficheskaya voennaya karta Raboche-Krest'yanskoi Krasnoi Armii, 1941. [Электронный ресурс]. URL: http://www.etomesto.ru/map-rkka_n-36-b/
20. Bassalygo L.A., Yanin V.L. Istoriko-geograficheskii obzor novgorodsko-litovskoi granitsy // Yanin V.L. Novgorod i Litva. Pogranichnye situatsii XIII–XV vekov. M.: Nauka, 1998. S. 104–214.
21. Orlovskii I.I. Smolenskii pokhod tsarya Alekseya Mikhailovicha v 1654 godu. Smolensk: Tip. P.A. Silina, 1906. 75 s.
22. Vyalikae knyastva Litošskae. Entsiklapeda / redkal.: G.P. Pashkož, Z.E. Gerasimovich. Minsk: BelEn, 2007. T. 1. 688 s.
23. Frolov A.A. Novye materialy po srednevekovoi istoricheskoi geografii zemel' Rzhevyy Volodimerovoi (Okonchanie) // Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorya. 2013. № 4(35). S. 77-89.
24. Golubtsov I.A. Puti soobshcheniya v byvshikh zemlyakh Novgoroda Velikogo v XVI–XVII vekakh i otrazhenie ikh na russkoi karte serediny XVII veka // Voprosy geografii. M., 1950. Sb. 20: Istoricheskaya geografiya SSSR. S. 271–302.
25. Veselovskii S.B. Akty pistsovogo dela: materialy dlya istorii kadastra i pryamogo oblozheniya v Moskovskom gosudarstve / sobr. i red. S. Veselovskii. M.: Obshchestvo istorii i drevnostei ros. pri Mosk. un-te, 1917. T. 2, vyp. 1: Akty 1627–1649 gg. 490 s.
26. Krom M.M. Mezh Rus'yu i Litvoi. Pogranichnye zemli v sisteme russko-litovskikh otnoshenii kontsa XV – pervoi treti XVI v. M.: Kvadriga; Ob"edinennaya redaktsiya MVD Rossii, 2010. 320 s.
27. Ryabov S.M. Mesto i status smolenskoi shlyakhty v politike rossiiskogo pravitel'stva v XVII–XVIII vv.: k postanovke voprosa // Ural industrial'nyi. Bakuninskie chteniya. Materialy KhIV Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii. Tom 1. Ekaterinburg: OOO «Izdatel'stvo UMTs UPI», 2020. S. 168–178.
28. Vodarskii Ya.E. Dvoryanskoe zemlevladenie v Rossii v XVII – pervoi polovine XVIII v. (razmery i razmeshchenie). M.: Nauka, 1988. 303 s.
29. Alekseev L. V. Okovskii les Povesti vremennykh let // Kul'tura srednevekovoi Rusi. L.: Nauka, 1974. S. 5–11.

On the Kalmyk cattle census of the late XIX – early XX century: based on the materials of the instructions of the cattle census

Teacher, Department of History of Russia, Records Science and Archival Science, Kalmyk State University named after B.B. Gorodovik

358000, Russia, Elista, Pushkin Republic str., 11

 nikbov678@gmail.com

Abstract. The subject of the article is the rules of the census of livestock among the Kalmyks of the Astrakhan province, in accordance with the established instructions. The chronological framework covers the late XIX – early XX centuries. The object of the study was the Kalmyk cattle census program. The purpose of the study is to disclose the main provisions of the instructions for the registration of pets on the territory of the Kalmyk steppe, based on previously unused archival materials.

The methodology of the work applied the principles of historicism, system analysis of available sources. Of particular value are archival materials from the fund of the Astrakhan Civil Governor's Office, which are currently the only source covering the rules of the Kalmyk cattle census. Earlier, in scientific circles studying regional history, the issue of livestock census was not considered. Usually, in historical science, issues of the general state of cattle breeding and statistical data obtained as a result of the livestock census were touched upon, but the process of the livestock census itself was not studied. The scientific novelty of this study lies in the first description of a detailed algorithm for accounting Kalmyk cattle of the post-reform period. The results of the study, in addition to the introduction of new archival materials into scientific circulation, revealed: the role of each representative of the Kalmyks' social groups in the production of the livestock census, the chronological framework of the census itself and additional conditions for its production.

Keywords: trustee, cattle census, Kalmyk steppe, Kalmyk Bazaar, heads of ulus, livestock, cattle owners, Astrakhan province, aimach elders, collection of taxes

References (transliterated)

1. Gosudarstvennyi arkhiv Astrakhanskoi oblasti (dalee – GAAO). F. 1. Op. 2. D.218 – L.5.
2. GAAO. F.1. Op. 2. D. 218 – L. 7.
3. GAAO. F.1. Op. 2. D. 218 – L. 8.
4. GAAO. F.1. Op. 2. D. 218 – L. 9.
5. GAAO. F.1. Op. 2. D. 218 – L. 10.
6. GAAO. F.1. Op. 2. D. 218 – L. 11.
7. GAAO. F.1. Op. 2. D. 218 – L. 12.
8. GAAO. F.1. Op. 2. D. 218 – L. 13.
9. GAAO. F.1. Op. 2. D. 218 – L. 14.
10. GAAO. F.1. Op. 2. D. 218 – L. 15.
11. Okonova, L. V., Goryaeva, K.M. Istoricheskie istochniki po izucheniyu khozyaistvennogo sostava naseleniya Kalmytskoi stepi Astrakhanskoi gubernii v XIX – nach. XX v. // Vestnik Kalmytskogo universiteta. 2018. №2 (38). S. 2.

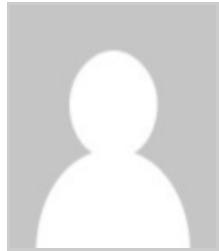
The problem of the position of magistrates in the social life of the Kalmyks of the second half of the XIX century

Bovaev Nikolai Borisovich

Teacher, Department of History of Russia, Records Science and Archival Science, Kalmyk State University named after B.B. Gorodoviko

358000, Russia, Elista, Pushkin Republic str., 11

 nikbov678@gmail.com

Abstract. The object of the research focuses on the formation of the Kalmyks' legal institution during the integration of the Kalmyk ethnos into the Russian Empire. The subject of the article is the most problematic aspects of the situation of magistrates and world congresses of the Kalmyk steppe in the Astrakhan province. The chronological framework of the work covers the second half of the XIX century. The purpose of the study is to analyze the main provisions of the transformation of magistrates' courts in the social environment of the Kalmyks, review the historiographical base on this topic and assess the Kalmyk judicial system of the XIX century in the process of integration of the Kalmyk society of Astrakhan province into the Russian state.

The paper uses theoretical research methods, such as system analysis of available sources, deduction and historicism. The research is based on materials from the State Archive of the Astrakhan region and the Russian State Historical Archive. Modern legal science is actively studying the historical experience of the formation and evolution of the Russian multinational state. An important task of scientific knowledge is the study of the genesis of legal institutions in the history of various ethnic groups and ethnic groups, as well as the development of optimal models of their management. The scientific novelty of this study lies in the initial study of the problem of the transformation of magistrates' courts in Kalmykia. The results of the study make a significant contribution to the history of national suburbs, allow us to better understand the importance of reforming management mechanisms in them and emphasize the main features of national legal policy that can be applied in modern social development.

Keywords: judicial proceedings, judicial part, trustee, world congresses, justices of the peace, Kalmyk steppe, Zargo, Astrakhan province, uluses, legal life

References (transliterated)

1. Gosudarstvennyi arkhiv Astrakhanskoi oblasti (dalee – GAAO). F.1.Op.11.D.505 – L.35.
2. GAAO. F.1.Op.11.D.505 – L.36.
3. GAAO. F.1.Op.11.D.505 – L.37.
4. GAAO. F.1.Op.11.D.505 – L.39.
5. GAAO. F.1.Op.11.D.505 – L.40.
6. GAAO. F.1.Op.11.D.505 – L.41.
7. GAAO. F. 1. Op. 11. D. 1131. L. 12.
8. GAAO. F. 800. Op. 1. D. 53. L. 2
9. Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv. F. 1405. Op. 93. D. 10951. L. 305.
10. Iстория Калмыкии с древнейших времен до наших дней. Т. 2. Елиста, 2009. 25 с.
11. История Астраханского края. Астрахан', 2000. 365 с.
12. Командзяев Е.А. Осушчествление правосудия в Калмыкии в XIX в. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН, 2014. № 4. 227 с.
13. Костенков К.И. Статистическое и khozyaistvennoe описание Калмыцкой степи Астраханской губернии. SPb., 1868. 11 с.

14. Maksimov K.N. Kalmykiya v natsional'noi politike, sisteme vlasti i upravleniya Rossii. M., 2002. 9 s.
15. Plyunov F.I. Pravitel'stvennye zakonoproekty o reformakh administrativno-obshchestvennogo ustroistva kalmykov i suda // Oiratskie izvestiya, 1922. 4 s.
16. Sarangov Ts.A. Izmeneniya v sudebnoi sisteme Kalmykii v XVII–XIX vekakh (istoriko-pravovoi analiz) // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 5: Jurisprudentsiya. 2012. №1 (16). 234 s.
17. Ochirov U.B., Shurguchieva V.S. Stadii sudebnogo razbiratel'stva v Kalmytskoi stepi vo vtoroi polovine XIX – nachale KhKh v.: osobennosti pravoprimenitel'noi praktiki. // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2022. №483. 144 c.

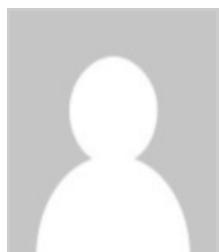
On the question of natural duties and the design of tracts in the Social Life of the Inner Horde of the late XIX - early XX century

Bovaev Nikolai Borisovich

Teacher, Department of History of Russia, Records Science and Archival Science, Kalmyk State University named after B.B. Gorodoviko

358000, Russia, Elista, Pushkin Republic str., 11

✉ nikbov678@gmail.com

Abstract. The subject of the study is the system of natural duties among the Kazakh population of the Inner (Bukeevskaya) Horde as part of the Astrakhan province in the period from 1893 to 1909. The object of this study is to analyze the issue of replacing the existing natural duties of the Kazakhs of the Horde with monetary service. The purpose of the study is to reveal the main provisions of the issue of replacing natural duties and designing a system of paths on the territory of the Inner Horde, based on previously unused archival materials. When writing the work, the problem-chronological method and the system analysis of available archival sources were used. Of particular value is the archival material from the fund of the Office of the Astrakhan Civil Governor, which is the only source of data revealing the problems of replacing natural duties among the Kazakhs of the Inner Horde. An important research material was the revision note of State Councilor Kraft, a former official of special assignments at the Ministry of Internal Affairs. Earlier in the scientific circles studying regional history, the issues of the replacement of duties among the Kazakhs did not receive sufficient coverage, since in historical science the issues of the general state of the Internal Horde, statistical information, the state of the economy, social life were touched upon. This study is the first comprehensive study of the problems of replacing natural duties and designing a system of paths among the Kazakhs of the Inner Horde in the post-reform period. It introduces scientific novelty based on the analysis of new archival materials, and also allows us to identify the need to revise and change the existing natural duties, taking into account the principles of justice, the real needs and capabilities of the population of the Inner Horde.

Keywords: gopher duty, station point, the owner, underwater duty, property protection, zemstvo fee, Provisional Council, The Inner Horde, messengers, public highway

References (transliterated)

1. Gosudarstvennyi arkhiv Astrakhanskoi oblasti (dalee – GAAO). F.1.Op.2.D.887 – L.1.

2. GAAO. F.1.Op.2.D.887 – L.2.
3. GAAO. F.1.Op.2.D.887 – L.3.
4. GAAO. F.1.Op.2.D.887 – L.4.
5. GAAO. F.1.Op.2.D.887 – L.5.
6. GAAO. F.1.Op.2.D.887 – L.6.
7. GAAO. F.1.Op.2.D.887 – L.7.
8. GAAO. F.1.Op.2.D.887 – L.8.
9. GAAO. F.1.Op.2.D.887 – L.9.
10. GAAO. F.1.Op.2.D.887 – L.10.
11. GAAO. F.1.Op.2.D.887 – L.11.
12. GAAO. F.1.Op.2.D.887 – L.12.
13. GAAO. F.1.Op.2.D.887 – L.13.
14. GAAO. F.1.Op.2.D.887 – L.15.
15. GAAO. F.1.Op.2.D.887 – L.16.
16. GAAO. F.1.Op.2.D.887 – L.23.
17. GAAO. F.1.Op.2.D.887 – L.28.
18. GAAO. F.1.Op.2.D.887 – L.33

The enlightenment committee Hamburg-Bremen and covert Propaganda of Weimar Germany abroad, 1923-1932

Nurislamov Ruslan Rifovich

Postgraduate Student

107143, Russia, Moscow region, Moscow, highway Open, 33

✉ ruslan.nurislamov89@mail.ru

Abstract. The subject of the study is the activity of the enlightenment committee Hamburg-Bremen, an organization created after the outbreak of the Ruhr crisis in 1923 by the Hamburg Chamber of Commerce to conduct export propaganda abroad. The article analyzes documents from the funds of the Russian State Military Archive and the German Federal Archives related to the functioning of this structure in 1923-1932. The purpose of the study is to determine how the Hamburg organization managed to deploy large-scale propaganda activity that spread to almost all countries of the world and acquired national significance in Weimar Germany. Special attention is paid to the characteristics of various areas of work, interaction with official departments and the impact of the world economic crisis of 1929-1933 on the activities of the enlightenment committee Hamburg-Bremen. Based on the study, it was revealed that the organization formed in Hamburg published various printed products, an information service was created abroad, and the key direction was covert penetration into the foreign press. The article shows that the reason for such activity lay in the interest of the economic circles of the region in improving the image of the country abroad in order to normalize foreign trade relations, and the possibility of its implementation — in the presence of the necessary connections for propaganda in foreign countries. One of the results of the study is the conclusion that the activities of the enlightenment committee Hamburg-Bremen affected not only export, but also cultural and political propaganda and was supported by the government interested in carrying out propaganda activities in a hidden form and through private

structures. Over the years, the Hamburg-based organization has increasingly come under the influence of the state, whose assistance has become especially urgent after the global economic crisis of 1929-1933.

Keywords: press, Revista Alemana, cultural propaganda, export propaganda, the enlightenment committee, Bremen, Hamburg, foreign propaganda, Weimar Germany, global economic crisis

References (transliterated)

1. Fomenko S.V. "Myagkaya sila" i imidzh Germanii 1933-1939 gg. s pozitsii kontseptsii Dzhozefa Naya-mladshego i ee kritikov // Sovremennaya Rossiya i mir: al'ternativy razvitiya: (imidzh strany kak faktor "myagkoi sily" v mezhdunarodnykh otnosheniyakh): sbornik nauchnykh statei. Barnaul: Izd-vo Altaiskogo universiteta, 2017. S. 68-74.
2. Datsishina M.V. Proval propagandy gitlerovskoi Germanii v Turtsii // Voenno-istoricheskii zhurnal. 2018. № 7. S. 52-58.
3. Datsishina M.V. Germanskaya propaganda v Irane v period Vtoroi mirovoi voiny // Voenno-istoricheskii zhurnal. 2019. № 3. S. 49-56.
4. Vzlet i padenie gitlerovskoi propagandy (1933-1945 gg.) / Yu. N. Arzamaskin, V. K. Gapon, K. M. Golod i dr. M.: Veche, 2022. 477 c.
5. Longerich P. Propagandisten im Krieg: Die Presseabteilung des Auswärtigen Amtes unter Ribbentrop. München: Oldenburg, 1987. 356 S.
6. Stoop P. Niederländische Presse unter Druck. Deutsche auswärtige Pressepolitik und die Niederlande 1933-1940. München: Saur, 1987. 453 S.
7. Skor H. "Brücken über den Rhein": Frankreich in der Wahrnehmung und Propaganda des Dritten Reiches, 1933-1939. Essen: Klartext, 2011. 461 S.
8. Herzer M. Auslandskorrespondenten und auswärtige Pressepolitik im Dritten Reich. Köln: Böhlau Verlag, 2012. 306 S.
9. Schlüter D. Vom Kampfblatt zur Staatspropaganda: die auswärtige Pressearbeit der NSDAP dokumentiert am Beispiel der NS-Wochenzeitschrift Westküsten-Beobachter aus Chilie. Göttingen: V&R unipress, 2016. 262 S.
10. Kosmach V.A. Vneshnyaya kul'turnaya politika Veimarskoi Germanii v politicheskoi zhizni strany i na mezhdunarodnoi arene (1919-1932 gg.). Vitebsk: Izd-vo Vitebskogo gosudarstvennogo universiteta, 2006. 390 s.
11. Müller H.J. Auswärtige Pressepolitik und Propaganda zwischen Ruhrkampf und Locarno (1923-1925). Frankfurt am Main, etc.: Lang, 1991. 305 S.
12. Hermann A. Der Weg in den Krieg 1938/39: Quellenkritische Studien zu den Tagebüchern von Joseph Goebbels. München: Oldenbourg, 2011. 574 S.
13. Büttner U. Hamburg in der Staats-und Wirtschaftskrise: 1928-1931. Hamburg: Christians, 1982. 748 S.
14. Wiskemann E. Exportpropaganda als Form der Exportförderung // Weltwirtschaftliches Archiv. 1931. № 34. S. 165-194.

The Significance of the Defense of Tsaritsyn in 1918. Economic and Military-strategic Aspects.

Shumakov Mikhail Dmitrievich

Postgraduate student, Department of Modern History of Russia, St. Petersburg State University

199034, Russia, Saint Petersburg, Universitetskaya Embankment str., 7-9

✉ mishumakov@mail.ru

Abstract. The object of the study is the defense of the city of Tsaritsyn by the Red Army troops in 1918. The subject of the study is the economic and military-strategic importance of this city for the warring parties. The significance of revealing the significance of the defense of this city is due to the fact that I.V. Stalin took active steps to organize the defense of Tsaritsyn in the summer and autumn of 1918. In the following years, this issue acquired special political significance, including in connection with the confrontation between I.V. Stalin and L.D. Trotsky. Their confrontation also concerned the question of the expediency of Stalin's activities in Tsaritsyn and, more broadly, the importance of the defense of this city in general. In this study, the author tried to show that the defense of Tsaritsyn was of great economic and military-strategic importance at the time of the summer-autumn of 1918. Based on the sources associated with food supplies from the outskirts of Russia to its centers, the author emphasizes the food importance of the South of Russia and Tsaritsyn in particular, as the food and industrial center of this region. A separate aspect of the significance of Tsaritsyn is the factor of railways - Tsaritsyn was an important railway junction connecting three branches of railroads. This was important both in the light of the centralization and delivery of food supplies, and from the point of view of the transfer of armed forces. Finally, the author tried to combine economic and strategic importance in the framework of the study. The latter is represented by feedback from participants of various belligerents of the Civil War about the significance of Tsaritsyn.

Keywords: The strategic importance of Tsaritsyn, Food exchange, Stalin in Tsaritsyn, Economic significance of Tsaritsyn, Tsaritsyn Railways, Civil War, Stalin, Defense of Tsaritsyn, Food supply, Tsaritsyn

References (transliterated)

1. Anishev A.I. Ocherki istorii Grazhdanskoi voiny. L.:Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1925.
2. Bolotov N.A. Nazarov S.D. Shashkova N.V. Boldyrev N.Yu. Ekonomika Tsaritsyna v gody Pervoi mirovoi voiny // NAROD I NARODY POVOLZH'YA V GODY PERVOI MIROVOI VOINY. Sbornik materialov Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, priurochennoi 100-letiyu nachala voiny. Institut istorii imeni Shigabutdina Mardzhani Akademii nauk Respubliki Tatarstan. Pod obshchei redaktsiei L.R. Gabdrafikovoi, 2014. S. 220-235.
3. Bol'shevistskoe rukovodstvo. Perepiska. 1912-1927: Sbornik dokumentov. M.: ROSSPEN, 1996.
4. Verkhovskoi V.M. Istoricheskii ocherk razvitiya zheleznykh dorog v Rossii s ikh osnovaniya po 1897 g. vklyuchitel'no. Vyp. 1. SPb. : Tip. M-va Putei Soobshcheniya.
5. Vozvyshenie Stalina. Oborona Tsaritsyna / Red.-sost. V.L. Goncharov. M.: Veche, 2010.
6. Vozzvanie//Pravda. № 108. 1918.
7. Vrangel' P.N. Zapiski. [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://militera.lib.ru/memo/russian/vrangel1/03.html>. (data obrashcheniya 10.02.2021)
8. Istorya Grazhdanskoi voiny v SSSR. M.: Politizdat, 1943.

9. Genkina E.B. Bor'ba za Tsaritsyn v 1918 g. M.: Politizdat, 1940.
10. Denikin A.I. Ocherki russkoi smuty. Parizh ; Berlin.: Slovo.
11. Dubinin D.V. Voenno-politicheskaya deyatel'nost' I.V. Stalina v gody Grazhdanskoi voiny: Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. M.: MGOU, 2010.
12. Zaitsov A.A. 1918 god: ocherki istorii russkoi grazhdanskoi voiny. b. m., 1934.
13. Istorya Dagestana: v 4-kh tomakh. Tt. I-IV / Glav. red. G.D. Daniyalov. M.: Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury, 1967-1969.
14. Kakurin N.E. Kak srazhalas' revolyutsiya. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1925.
15. Kondrashin V.V. Krest'yanstvo Rossii v Grazhdanskoi voine: k voprosu ob istokakh stalinizma. M.: ROSSPEN, 2009.
16. Krasnov P.N. Vsevelikoe voisko donskoe. M.: Algoritm, 2007.
17. Melikov V.A. Geroicheskaya oborona Tsaritsyna. M.: Voenizdat, 1938.
18. Orlov N.A. Prodovol'stvennaya rabota Sovetskoi vlasti. M., 1918.
19. Pravda. № 235. 1918.
20. Pimenov A.Yu. I.V. Stalin na frontakh Grazhdanskoi voiny. Tsaritsynskii period (leto - osen' 1918 g.): Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. M., 1994.
21. Rat'kovskii I.S. Stalin: pyat' let Grazhdanskoi voiny i gosudarstvennogo stroitel'stva (1917-1922). SPb.: Piter, 2023.
22. Rutych N. N. Biograficheskii spravochnik vysshikh chinov Dobrovol'cheskoi armii i Vooruzhennykh Sil Yuga Rossii: Materialy k istorii Belogo dvizheniya. M., AST .Astrel'. Rossiiskii Arkhiv, 2002.
23. RGASPI f. 558. Op. 1. D. 1812. L. 2.
24. Sofinov P.G. Rol' Yuzhnykh raionov v snabzhenii respubliki prodovol'stviem // Istoricheskie zapiski. M.: Izdatel'stvo akademii nauk SSSR, 1949. № 28. S. 39-68.
25. Sbornik statistiko-ekonomiceskikh svedenii po sel'skomu khozyaistvu Rossii i inostrannykh gosudarstv. M-vo zemledeliya. Otd. sel'skoi ekonomii i s.-kh. statistiki. – Petrograd: [Tip. Is. F. Vaisberga], 1907-1917.
26. Trotskii L.D. Stalin. Benson: Chalidze Publications, 1985.
27. Khlevnyuk O.V. Stalin. Zhizn' odnogo vozhdya. M.: AST:CORPUS, 2015.
28. Shlevkova T.V. Gryaze-Tsaritsynskaya zheleznaya doroga i ee vliyanie na ekonomiceskoe razvitiye Tsaritsyna vo vtoroi polovine XIX veka // Ekonomicheskii zhurnal. M.: Izdatel'stvo Ippolitova, 2003. № 6. S. 246-252.

Letters of a Siberian soldier - a source on the history of the Great Patriotic War of 1941-1945

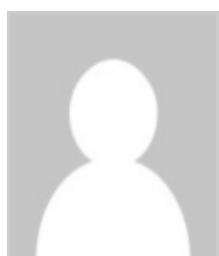
Savenko Elena Na'evna

PhD in History

Leading Researcher, State Public Scientific and Technical Library, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

630102, Russia, Novosibirsk region, Novosibirsk, Voskhod str., 15, office 406

✉ helensavv@yandex.ru

Troyak Irina Sergeevna

PhD in History

Senior Researcher, State Public Scientific and Technical Library, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

630102, Russia, Novosibirsk region, Novosibirsk, Voskhod str., 15, office 405

 Troyak@spsl.nsc.ru

Minakov Aleksandr Grigor'evich

PhD in History

Junior Researcher, State Public Scientific and Technical Library, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

630110, Russia, Novosibirsk region, Novosibirsk, Voskhod str., 15, office 406

 minakov@spsl.nsc.ru

Abstract. The subject of the study is 1941-1944 letters of participant of the Great Patriotic War, Novosibirsk historian Fyodor Sergeyevich Merkuryev. The object of research is frontline letters as a historical source. The purpose of the work is to determine the scientific and cognitive value of F. S. Merkuryev's letters as a source on the history of the Great Patriotic War. In the course of the research, the comparative historical method, the method of causal analysis between events, as well as the method of source studies were used. The informational component of F. S. Merkuryev's letters was determined using the method of textual analysis, and the problem-chronological method allowed to identify the features of letters depending on the time of their writing. As a result of the analysis of almost 300 frontline letters that were not previously introduced into scientific circulation, valuable information was obtained that reveals various aspects of life at the front and in the rear, as well as allowing to trace the combat path of the 49th Cavalry Division formed in Siberia, as well as to get an idea of the specifics of military field living conditions and other details of front-line everyday life. Conclusions are drawn about the significant informational value of the presented epistolary source for the study of certain aspects of the history of the Great Patriotic War, as well as the need for further work on the introduction of such ego documents into scientific circulation.

Keywords: 49th cavalry division, everyday life of wartime, Siberian warriors, family correspondence, frontline letters, epistolary legacy, The Great Patriotic War, sources of personal origin, ego documents, Merkuryev Fedor Sergeyevich

References (transliterated)

1. Bulygina T. A. Pis'ma s fronta kak istochnik istorii povsednevnosti v gody Velikoi Otechestvennoi voiny // Velikaya Otechestvennaya voyna v dokumentakh i issledovaniyakh. Stavropol', 2005. S. 530–540.
2. Butueva Z. A., Tsyrenova M. G. Pis'ma s fronta kak istochniki semeinoi i istoricheskoi pamyati // Prepodavanie istorii v shkole. 2016. № 5. S. 31–34.
3. Bykov K. V. Khar'kovskii «kotel» 1942. Krushenie nadezhd. M.: Yauza; Eksmo, 2007. 480 s.
4. Varshavskii D. I. Memuary, dnevники i pis'ma kak istoricheskii istochnik v voprose izucheniya frontovogo byta sovetskikh soldat v Velikoi Otechestvennoi voine // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: «Istoriya i politicheskie nauki». 2012. №. 4. S. 18–22.

5. Velikaya Otechestvennaya voina v pis'makh. M.: Politizdat, 1980. 288 s.
6. Vitman B. Shpion, kotoromu izmenila Rodina. Kazan': ELKO-S, B. g. 329 s.
7. GANO. F. R-1441. Op. 1. D. 24.
8. GANO. F. R-1441. Op. 1. D. 25.
9. GANO. F. R-1441. Op. 1. D. 26.
10. Govoryat zhivye i mertvye : vospominaniya, soldatskie dnevniki i pis'ma / sostavitel' G. V. Egorov. Barnaul: Altaiskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1985. 655 s.
11. Govoryat pogibshie geroi: predsmertnye pis'ma sovetskikh bortsov protiv nemetsko-fashistskikh zakhvatchikov, 1941–1945 gg. / sostaviteli: V. A. Kondrat'ev, Z. N. Politov. – 9-e izd., dop. M.: Politizdat, 1990. 460 s.
12. Zaretskii Yu. P. Ego-dokumenty sovetskogo vremeni: terminy, istoriografiya, metodologiya // Neprikosnovennyi zapas: debaty o politike i kul'ture. 2021. T. 137. № 3. S. 184–199.
13. Zima V. F. Mentalitet narodov Rossii v voine 1941–1945 godov. M., 2000. 277 s.
14. Ivanov A. Yu. Epistolyarnaya pamyat' o voine: psichologiya ego-narrativa. Kazan': ID «MeDDok», 2021. 172 s.
15. Kozlov N. D., Benda V. N. Moral'nye sostavlyayushchie dukhovnogo faktora v gody Velikoi Otechestvennoi voiny // Chastnoe i obshchestvennoe v povsednevnoi zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost'. materialy mezhdunar. nauch. konf.: v 2 t. SPb.: LGU im. A. S. Pushkina, 2018. T. 1. S. 181–188.
16. Kozlov S. V. Ego-dokumenty v strukture istoricheskoi pamyati // Bibliosfera. 2022. № 4. S. 5–11. DOI: 10.20913/1815-3186-2022-4-5-11
17. Krinko E. F., Tazhidinova I. G. Proverennye tsenzuroi: pis'ma voennogo vremeni kak istochnik po istorii sovetskoi povsednevnosti // Yug Rossii v Velikoi Otechestvennoi voine: trophy pamyati. Sbornik nauchnykh statei. Krasnodar: Izd. «Edart-print», 2011. S. 131–153.
18. Kuznetsov A. S. Frontovye pis'ma kak istochnik dlya izucheniya antropologicheskogo soderzhaniya Velikoi Otechestvennoi voiny // Vestnik Kemerovskogo universiteta. №. 4 (68) (Istoriya i arkheologiya, Psichologiya, Filologiya). 2016. S. 63–68. DOI: 10.21603/2078-8975-2016-4-63-68
19. Markova O. Pis'ma s fronta kak dokument voennoi epokhi // Interaktsiya. Interv'yu. Interpretatsiya. 2016. № 12. S. 54–67.
20. Minikhanov F. G. Soldatskie pis'ma iz fronta: okopnaya pravda o voine // Izvestiya KazUMOiMYa imeni Abylai Khana. Seriya: Mezhd. otn. i reg. 2020. T. 41. № 3. S. 64–73. DOI: 10.48371/ISMO.2020.41.3.008
21. Moiseeva I. Yu. Sotsial'no-psichologicheskii portret frontovika Velikoi Otechestvennoi voiny: Na materialakh Komi ASSR: avtoreferat dis. kandidata istoricheskikh nauk. Syktyvkar, 2006. 23 s.
22. Momotova N. V., Petrov V. N. Tsennostnyi mir voennosluzhashchikh v pis'makh s frontov Velikoi Otechestvennoi voiny // Sotsiologiya. 2005. №2. S. 106–130.
23. Moshchanskii I. B. Srazhenie pod Khar'kovom: krovavaya katastrofa. 12–28 maya 1942 goda. M.: Veche, 2009. 143 s.
24. Pis'ma ognennykh let / sostavitel' P. Ya. Matveev. Barnaul: Altaiskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1975. 304 s.
25. Pis'ma patriotov. M.: Pravda, 1944. 112 s.
26. Pis'ma s fronta / Upr. gos. arkhivami NKVD Kazakh. SSR. [Alma-Ata]: Kazogiz, 1944. 188 s.

27. Pis'ma s fronta : (Urozhentsy Tatarii – uchastniki Velikoi Otechestvennoi voiny s fashistskoi Germaniei) / Sost. S. Kirsanov. Kazan': Tatgosizdat, 1943. 44 s.
28. Pis'ma s fronta. Tambov: Tambovskaya pravda, 1943. 218 s.
29. Pis'ma slavy i bessmertiya. K 25-letiyu pobedy v Velikoi otechestvennoi voiny. Novosibirsk: Zap.-Sib. kn. izd-vo, 1970. 183 s.
30. Rafikova S. A. Frontovye pis'ma kak istochnik po izucheniyu zhivoi istorii voiny (na primere semeinogo arkhiva Postnikovykh-Lur'e) // Sibir' i sibiryaki v Velikoi Otechestvennoi voine 1941–1945 gg. Materialy Sibirskogo istoricheskogo foruma. Krasnoyarsk: Rezonans, 2015. S. 230–235.
31. Ryabyshev D. I. Pervyi god voiny. M.: Voenizzdat, 1990. 255 s.
32. Senyavskaya E. S. Psikhologiya voiny v KhKh veke: istoricheskii opyt Rossii. M.: ROSSPEN, 1999. 383 s.
33. Senyavskaya E. S. Frontovoe pokolenie Velikoi Otechestvennoi voiny: sotsial'no-psikhologicheskii fenomen // Perspektivy. Elektronnyi zhurnal. 2015. № 2 (2). S. 50–61. URL: https://istina.msu.ru/media/publications/article/5cb/42a/14757005/2_2015.29.06.pdf
34. Skipina I. B., Dubnitskaya E. I. Perepiska frontovikov s tyumentsami kak istochnik po istorii povsednevnosti v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (1941–1945) // Nauchnyi dialog. 2020. № 12. S. 308–321. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-12-308-321.
35. Soldatskie pis'ma. M. : Politizdat, 1965. 480 s.
36. Soldatskii treugol'nik. Pis'ma amurtsev – boitsov fronta i tyla (1941–1945). Blagoveshchensk: Khabar. Kn. Izd-vo, 1975. 253 s.
37. Tazhidinova I. G. Problema ottsovstva frontovikov Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 gg. Issledovanie privatnoi kul'tury sovetskogo cheloveka v voennye gody po epistolyarnym istochnikam // Vestnik arkhivista. 2012. № 4 (120). S. 71–83.
38. Tishkov V. A. Velikaya Pobeda i sovetskii narod: antropologicheskii analiz // Voprosy filosofii. 2020. T. № 8. S. 5–19. DOI: 10.21146/0042-8744-2020-8-5-19
39. Troitskii Yu. L. Analitika ego-dokumentov: instrumental'nyi resurs istorika // Istorya v ego-dokumentakh: Issledovaniya i istochniki. Ekaterinburg: Izd-vo «AsPur», 2014. S. 14–31.
40. TsAMO. F. 33. Op. 11458. D. 80. L. 104.
41. Yunina E. A. Voennaya povsednevnost' 1941–1945 gg. v epistolyarnykh dokumentakh sibirskikh kombatantov. // Genesis: istoricheskie issledovaniya. 2019. № 11. S. 65–100. DOI: 10.25136/2409-868Kh.2019.11.30885

Problems of the initial stage of the Greek Civil War (1946–1949) on the pages of the British press

Malai Vera Vladimirovna

Doctor of History

Professor of the Department of International Relations, Foreign regional studies and Political Studies, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

308023, Russia, Belgorod, Pobedy str., 85

✉ malay_v@bsu.edu.ru

Pazhvak Sofiya Bakhramova

Postgraduate student of the Department General History, Belgorod State National Research University

308015, Russia, Belgorod, Pobedy str., 85

✉ pazhvak@bsu.edu.ru

Abstract. The subject of the study is the reflection of the problems of the initial stage (1945-1947) of the Greek Civil War of 1946-1949 in the publications of the British media on the example of the central British publications: the Daily Herald (a newspaper that supported the Labour Party), The Times and The Daily Mirror (a supporter of the British Labour Party) and the Yorkshire Observer (a British publication of liberal views). The questions raised are considered in a problem-chronological plan. The article analyzes the topics of articles and problems on Greece raised by these publications, their attitude to the events in this country and the conflicting parties, the depth of coverage of the topic. The main conclusions of the research conducted for the first time in Russian science are that in the British press, in the face of selected publications, when covering issues of the Greek internal political conflict, objectivity and impartiality were not present in all cases. Sometimes the ascertaining side prevailed over the analytical one. In some cases, publications ignored the most important issues for Greece at that time. The reflection of the international aspects of the Greek war in the context of the "cold war" ("promotion" of anti-communist, anti-Soviet motives) was traced. The research materials can be used for further study of the Greek Civil War of 1946-1949, the propaganda aspect of the Cold War and regional conflicts of the postwar period.

Keywords: propaganda war, regional conflicts, cold war, information war, Yorkshire Observer, The Times, Daily Mirror, Daily Herald, Greek Civil War 1946-1949, information space

References (transliterated)

1. Pivovarova V.S. Gretsya vo vnesheini politike SShA v gody grazhdanskoi voiny (1946-1949 gg.) // Intellektual'nyi potentsial KhKhI veka: stupeni poznaniya. 2011. №7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gretsia-vo-vneshney-politike-ssya-v-gody-grazhdanskoy-voyny-1946-1949-gg>
2. Truman Doctrine (1947) // National Archives. URL: <https://www.archives.gov/milestone-documents/truman-doctrine>
3. Kalinin A.A. Grecheskii krizis i razrabotka doktriny Trumena 1947 g. // Vestnik NNGU. 2016. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/grecheskiy-krizis-i-razrabotka-doctriny-trumena-v-1947-g>
4. Daily Herald, 1947.
5. The Times, 1945-1946.
6. Yorkshire Observer, 1947.
7. Daily Mirror, 1947.
8. Kir'yadikis G.D. Grazhdanskaya voyna v Gretsii. 1946-1949. Moskva: Nauka, 1972.
9. Kalinin A.A. Amerikanskoe uchastie vo vnutripoliticheskikh protsessakh Gretsii v 1947-1949 gg. // Vestnik NNGU. 2014. №3-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/amerikanskoe-uchastie-vo-vnutripoliticheskikh-protsessakh-v-gretsii-v-1947-1949-gg>
10. Kalinin A.A. Sovetskii Soyuz i grazhdanskaya voina v Gretsii (1946-1949 gg.) // Rossiiskaya istoriya. 2016. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28150616>

On the Historiography of the Stalinist Modernization of the Regional Peasant Society in the USSR (based on the materials of Mordovia)

Nad'kin Timofei Dmitrievich □

Doctor of History

Professor, Department of National and Foreign History and Teaching Methods, Mordovian State Pedagogical University named after M. E. Evseyev

430007, Russia, Republic of Mordovia, Saransk, Studentskaya str., 11a

✉ ntd2006@yandex.ru

Martynenko Aleksandr Valentinovich

Doctor of History

Professor, Department of National and Foreign History and Teaching Methods, Mordovian State Pedagogical University named after M. E. Evseyev

430007, Russia, Republic of Mordovia, Saransk, Studentskaya str., 11a

✉ arkanaddin@mail.ru

Mal'chenkov Denis Petrovich

Lecturer, Department of Operational Investigative Activities, Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

53 Patriots Ave., Voronezh, Voronezh region, 394065, Russia

✉ malchenkovdenis@yandex.ru

Abstract. The object of the study is the historiographical aspects of the modernization of the peasant society of Russia during Stalinism, which is usually identified with the continuous collectivization and dispossession of the late 1920s – early 1930s. The subject of the study is the corpus of scientific works on Stalinist agrarian modernization in the Mordovian region during the first five-year plans, the first of which appeared in the second half of the 1950s, analyzed taking into account the change of ideological paradigms in Russian historical science in the early 1990s. Within the framework of this study, the authors tried to trace the transformation of assessments of Stalin's agrarian modernization in the scientific community of regional historians on the historiographical material of Mordovia.

The main conclusions of this study concern sufficiently high degree of elaboration of the issues under consideration in the regional historiography of the Republic of Mordovia. At the same time, despite the growing attention to the pre-war agrarian modernization in the post-Soviet period, a number of problematic issues have been identified that require more in-depth study. Among them: the economic efficiency of collective farms and state farms organized in the late 1920s – the first half of the 1930s, the degree of mechanization of agricultural production, solving the problem of providing the growing urban population with food, changes in the socio-cultural appearance and public attitudes of the multinational and multi-confessional peasantry of the Mordovian Region.

Keywords: socio-cultural development, public education, interwar period, Mordovia, dispossession, historiography, collectivization, Stalinist agrarian modernization, anti-religious struggle, peasant society

References (transliterated)

1. Abramov V. K. Mordovskii narod (1897–1939 gg.). Saransk : Izd-vo Mordovskogo un-ta, 1996. 411 s.
2. Avtaikin I. E., Potapov P. F. Periodicheskaya pechat' Mordovii v gody kollektivizatsii (1928–1932 gg.) // Problemy agrarnoi istorii Povolzh'ya v perekhodnyi period ot kapitalizma k sotsializmu (1917–1937 gg.). Saransk: Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1988. S. 115–129.
3. Ageev M. V. Pobeda kolkhoznogo stroya v Mordovskoi ASSR. Saransk : Mordovskoe knizhnoe izd-vo, 1960. 414 s.
4. Balashov V. A. Kul'tura i byt mordovskogo kolkhoznogo sela: istoriko-etnograficheskii ocherk po materialam Zubovo-Polyanskogo raiona MASSR. Saransk: Mordovskoe knizhnoe izd-vo, 1975. 168 s.
5. Belkin A. I. Gosudarstvenno-tserkovnye otnosheniya v Mordovii v 20-kh – nachale 60-kh godov XX veka : (Na materialakh russkogo pravoslaviya) : avtoreferat dissertatsii kandidata istoricheskikh nauk. Saransk, 1995. 21 s.
6. Bukin M. S. Stanovlenie mordovskoi sovetskoi natsional'noi gosudarstvennosti (1917–1940). Saransk: Mordovskoe knizhnoe, 1990. 285 s.
7. Evdokimov A. P., Nad'kin T. D. Sotsial'noe povedenie krest'yanstva Mordovii v kontse 1920-kh – pervoi poloviny 1930-kh gg.: ot konfrontatsii k adaptatsii // Gumanitarnye nauki i obrazование. 2014. № 4. S. 153–156.
8. Evdokimov A. P. Transformatsiya uklada zhizni krest'yan Mordovii v 1920-e – 1930-e gg.: traditsii i innovatsii // Klio. 2013. № 5. S. 50–53.
9. Ivashkin S. S. Rabochii klass v bor'be za pobedu kolkhoznogo stroya v Mordovii. Saransk: Mordovskoe knizhnoe izd-vo, 1957. 144 s.
10. Krasnikov A. A. Deyatel'nost' sovetskikh i partiinyykh organov po formirovaniyu ryadov rabochego klassa i izmeneniyu sotsial'no-demograficheskoi struktury i chislennosti naseleniya Mordovii (konets 20-kh – 30-e gody) // Deyatel'nost' KPSS po formirovaniyu mnogonatsional'nogo rabochego klassa: istoriya i sovremennost': mezhvuz. sb. nauch. trudov. Saransk, 1989. S. 63–75.
11. Mariskin O. I. Gosudarevo tyaglo. Nalogooblozhenie krest'yanstva Rossii vo vtoroi polovine XIX – pervoi treti KhKh veka (po materialam Srednego Povolzh'ya). Saransk: Izd-vo Mordovskogo universiteta, 2004. 237 s.
12. Nad'kin, T. D. Antitserkovnaya politika sovetskogo gosudarstva v gody dovoennykh pyatiletok (po materialam Mordovii) // Nauchnyi pravoslavnyi vzglyad na lozhnye istoricheskie ucheniya: mater. sovmestnoi konf. Russkogo kul't.-prosvetit. fonda im. Vasiliya Velikogo i Instituta Rossiiskoi istorii RAN. Moskva, 2011. S. 482–490.
13. Nad'kin T. D. Stalinskaya agrarnaya politika i krest'yanstvo Mordovii. Moskva : ROSSPEN, 2010. 311 s.
14. Polibitsyn P. T. 10 let khozyaistvennogo i kul'turno-sotsial'nogo stroitel'stva Penzenskoi gubernii. Penza, 1928. 95 s.
15. Safargaliev M. G. K istorii tatarskogo naseleniya Mordovskoi ASSR (o misharyakh) // Trudy Mordovskogo NII yazyka, literatury, istorii i ekonomiki. Saransk, 1963. Vyp. 24. S. 64–79.
16. Soldatkin A. P. Vlastnye instituty Mordovii v period modernizatsii 1930-kh gg. Saransk: Istoriko-sotsiologicheskii institut Mordovskogo gosudarstvennogo universiteta imeni N. P. Ogareva, 2007. 126 s.
17. Soldatkin A. P. Golod 1937–1939 gg. v Mordovii // Obshchestvo i vlast'. KhKh vek.

- Saransk, 2006. S. 102–112.
18. Filatov L. G. Kollektivizatsiya v Mordovii: Problemy, osobennosti, vremya zaversheniya // Na perekrestke mnenii : sbornik statei. Saransk, 1990. S. 188–199.
  19. Yurchenkov V. A. Agrarnaya politika stalinizma v natsional'nykh respublikakh Povolzh'ya: obshchее i osobennoe // Tsentr i periferiya. 2011. № 1. S. 86–91.
  20. Yusupov R. R. Sotsial'no-ekonomiceskoe i sotsiokul'turnoe razvitiye tatar-misharei Mordovii v period sovetskoi modernizatsii v kontse 1920-kh–1930-e gg.: dis. ... kand. ist. nauk. Saransk, 2009. 224 s.

The life and work of an artist-teacher in the Southern Urals as a manifestation of Social and Professional Heroism (based on biographical data about Victoria Mukhametovna Pitirimova)

Mev Nikita Nikolaevich

PhD in History

Associate professor, Department of Socio-Humanitarian and Psychological-Pedagogical Disciplines, South Ural State Institute of Arts Named After P. I. Tchaikovsky

 Meven.n.n@mail.ru

Abstract. The relevance of this study is due to the fact that the images of heroes reflect the values of society and realize the function of transmitting these values from generation to generation. The images contribute to the formation of ideological attitudes of society, and are a source of spiritual support for both an individual and entire multiethnic nation.

Outstanding artists are not only masters, but also teachers, mentors who convey not only knowledge, but also a worldview, national consciousness and ideals, the position of a citizen, educate spiritual and moral principles. The purpose of the study is the life and creative path of V. M. Pitirimova as a manifestation of the professional and social heroism of the artist-teacher in the difficult socio-economic conditions of life in Russia at the end of the XX-beginning of the XXI century.

The object of research is the biography, the path of creative and professional development of Victoria Mukhametovna Pitirimova.

The subject of the research is artistic and pedagogical techniques and methods used by Pitirimova Victoria Mukhametovna, her moral guidelines. The research is based on an interview with the main character of the study – V. M. Pitirimova, in which she gives an interpretation of her key creative and pedagogical achievements.

In the course of the study, historical-systemic, historical-genetic, historical-biographical and diachronic methods were applied.

Based on the materials obtained in the course of the study, an attempt is made to present the main milestones of the life and work of the artist and teacher Pitirimova Victoria Mukhametovna in the most complete and consistent way. The scientific novelty of the research lies in the introduction into scientific circulation of previously unexplored and unpublished information about the creative and professional achievements of Victoria Mukhametovna.

Keywords: Etching, Diptych Water Line, Cycle House, The Khazar Dictionary Cycle, Social heroism, Graphic artist, Artist-teacher, Pitirimova Victoria Mukhametovna, Lithography, Collagraphy

References (transliterated)

1. Plakhov, V. D. Geroi i geroizm: opyt sovremennoego osmysleniya vekovoи problemы: monografiya. – SPb.: KARO, 2008. – 239 s.
2. Tillyaev, B. A. Geroi i geroizm: eticheskie aspekty vzaimodeistviya // Molodoi uchenyi. – 2014. – № 3. – S. 1103-1105.
3. Taskaeva, A. V. «Geroi truda» v kontseptual'noi sisteme russkogo cheloveka // Vestnik Chelyab. gos. un-ta. Seriya: Filologiya. Iskusstvovedenie. – 2013. – № 37 (328). – S. 104-107.
4. Taskaeva, A. V., Kucher N. Yu. «Vydayushchiisya deyatel' kul'tury i iskusstva» v geroicheskoi paradigme natsional'noi yazykovoi kartiny mira // Na pereschenii yazykov i kul'tur. Aktual'nye voprosy gumanitarnogo znaniya. 2023. № 2 (26). S. 114-120.
5. Taskaeva, A. V. Lichnyi geroi: osobennosti konkretizatsii geroicheskogo // Kognitivnye issledovaniya yazyka. – 2020. – № 2 (41). – S. 975-979.
6. Serov Petr Evgen'evich Prepodavanie zhivopisi budushchim khudozhnikam traditsionnogo prikladnogo iskusstva // Izvestiya RGPU im. A. I. Gertsena. 2009. №112. S. 186-189.
7. Chzhao Sin'sin'. Metodika prepodavaniya maslyanoi zhivopisi v vuzakh XXI veka // Pedagogicheskii zhurnal. 2022 T. 12 № 3A. S. 278-283.
8. Zotova V. V. Khudozhestvennye vozmozhnosti oforta v kachestve knizhnoi illyustratsii na primere tvorchestva Al'bina Brunovskogo // Vestnik MGUP. 2011. №6. S. 476-479.
9. Sayapina E. I., Ustritskaya N. A. Tekhnika kollagrafii v kontekste sovremennykh metodov obucheniya estampu v sisteme podgotovki bakalavrov khudozhestvenno-graficheskogo fakul'teta // Internet-zhurnal «Mir nauki» 2017, Tom 5, №2 <http://mir-nauki.com/PDF/61PDMN217>
10. Martynov V. V. Sovremennye kontseptsii vliyaniya innovatsionnykh tekhnologii na iskusstvo pechatnoi grafiki // MNKO. 2014. №6 (49). S. 442-444.